

1915 год

Всё-таки Фр.Оск. в конце концов получил отпуск по болезни. 22 декабря он прибыл в Москву. Рождество он встречал вместе с родными в Риге, затем вновь вернулся в Москву. По-видимому, лечение затянулось. Весной 1915 г. Фр. Оск. получил новое назначение — в 495-ю пешую Рязанскую дружину государственного ополчения. По пути к своему новому месту службы Фр.Оск. заехал в Винницу, где был развернут 253-й запасный госпиталь, в котором он совсем недавно служил в Воронеже и Волочиске, после чего направился в Житомир.

Житомир, 6 апреля 1915 г.

От Винницы до Бердичева ехал только 1³/₄ часа с остановкой в Казатине. От Бердичева пришлось уже трястись на узкоколейке, причудливыми зигзагами огибая каждый бугорок и каждую рощицу.

Да, Шурочка, много нового для себя я вижу в провинции. Много любопытного для постоянного столичного жителя. Но всё-таки первое, что опять при приближении к центральной России бросается в глаза, — это удивительное убожество внешней обстановки... Как всё серо, убого и некрасиво! И всюду грязь, грязь да грязь. Прямо удивляешься, неужели люди не догадываются, что для чистоты не нужно богатства, что и с очень небольшими средствами можно устроить себе более приглядную и красивую обстановку! Неужели совершенно отсутствует потребность в этом?

Осматривал я с открытой площадки вагона пейзажи — поля, речки, лесочки. Так симпатично и красиво. А в вагоне вонь, грязь и пыль, на вокзалах сор, грязь и пыль и т. д. до бесконечности. Или вот хотя бы «Отель Метрополь», в котором я остановился, так как в лучших гостиницах «Франции» и «Риме» не оказалось свободных номеров. Ведь это же гадость! Вонь, кислая и прогорклая, — всюду. Облезлые грязные обои неопределённого цвета, подбор разношерстной «мебели», загаженная ширма около кровати, «художественные» картины в золотых рамках, а «удобства» — это воплощённая омерзительнейшая гадость! Ни крупицы какого-нибудь, хотя бы мещанского, вкуса. А главное, не видно, чтобы со стороны публики предъявлялись какие-нибудь требования в этом смысле!

Ну, довольно об этом. Тебе это не ново и может надоест.

Завтра утром пойду в канцелярию дружины, представлюсь командиру её и узнаю, что и как.

Митопир, 7 апреля 1915 г.

Шурочка, как мне обидно! Дал я маху на этот раз! <...> Ведь ты только подумай. Оказывается, что старший врач дружины, на место которого я назначен, получил «командировку» в Одессу к своей жене. Срок её ещё не истёк, и все были бы вполне довольны, если бы я приехал с некоторым опозданием. Дали ему телеграмму и ждут его приезда каждый момент...

Но лучше расскажу по порядку: зашёл я в канцелярию дружины в 12-м часу, командира ещё не было. Встретил меня его адъютант, прапорщик с университетским значком, ещё молодой, любопытный и приветливый. Мы с ним поговорили. И у меня получилось впечатление, что я попал в какую-то тихую обитель, где все далеки от мысли о войне, о шумной сутолоке и злобе дня, — дружинники!¹ Тут царит благодущие. Глубоко штатские люди надели военные мундиры и устраивают военные дела на штатский манер... Тихо и смиренно!

Представили меня моему непосредственному начальству — бригадному врачу². Ничего страшного: приветливый старик усадил меня на стул, который сам же и притащил, и стал расспрашивать, кто я и откуда. Сразу же тон взяли семейный. Подписывались под разными бумагами милые и толстые, добродушные и немолодые подпоручики и подпрапорщики. В промежутках читали «Русские ведомости», благодушно беседовали. Мне они все говорили, что «у нас хорошо, тихо и спокойно».

Живут они семьями, но есть и холостые. Мне сразу поставили вопрос, женат ли я. Сообразив, что среди них, вероятно, есть москвичи (Р.В.), я ответил, что неженат. Присмотревшись, всегда можно исправить это утверждение.

Наконец, пришёл и полковник, которому меня представил адъютант. Разговора у меня с ним ещё не было. Здесь ещё заставили меня представиться командиру бригады, старичку-генералу. В конце концов, в канцелярию пришёл мой младший врач, в декабре выпущенный из Киевского университета.

Митопир, 10 апреля 1915 г.

Ты ещё не знаешь, как я провёл эти последние дни. О первом впечатлении я тебе уже писал: я попал в такое болото, где нет сильных страстей, где всё чинно-благородно. Это впечатление остаётся у меня и сейчас. Мой предшественник не приехал до сих пор. До сегодняшнего дня я его ждал, не хотел идти в околоток и принимать дела под эгидой зауряд-врача, который и так уж слишком высокого мнения о себе. Но дольше ждать было неловко, и сегодня я впервые пошёл на место новой службы. Но предварительно расскажу о том, что было раньше.

Третьего дня утром я был опять в канцелярии, говорил с полковником. Он был очень предупредителен и любезен и просил меня всецело рассчитывать на него. Он со своей стороны всегда готов пойти мне навстречу во всех наших нуждах. У меня получилось впечатление, что он это обещает не только на словах. Я думаю, что мы с ним ссориться не будем. Вечером того же дня я зашёл к бри-

¹ Дружины государственного ополчения предназначались преимущественно для несения охранной службы в тылу фронта, но в случае необходимости принимали участие в боевых действиях; по численности были равны полку.

² Хрущёв, бригадный врач

гадному врачу, о котором я тебе уже писал. У него же застал ещё старшего врача соседней Орловской дружины, из ополчения, бывшего земского врача.

Разговорились. Люди они хорошие. Особенно мне понравился коллега из дружины Мокрушин. Достали мадерочки, достали графинчик с настоечкой и премило закусили и выпили.

Старик, бригадный врач Хрущёв дал мне ряд полезных советов, покровительствовал, но всегда прибавлял: это Вы сделаете, как Вы сами захотите, мы в это вмешиваться не станем. У нас старшие врачи совершенно самостоятельны. Советовал мне также немного прибраться к рукам зауряд-врача, который себе позволяет очень много вольностей. И правда, я удивляюсь, как всё это в дружине ему сходит. Нет, положительно, я в какие-то Палестины попал! <...>

Показал мне Хрущёв комнату моего предшественника Петропавловского (надворный советник!), который живёт в той же квартире, что и он. Она большая, но довольно скудно меблированная (нет шкафа) и темноватая. К тому же она дорога (20 р.) и находится на первом этаже (нельзя оставить открытыми окна). За обед хозяйка берёт тоже 20 р. Я думаю, что устроюсь в другом месте, но до сих пор квартиры не искал, — лень. Сижусь ещё в паршивом «Метрополе».

Вчера утром зашёл в канцелярию и взял полевых порционных 105 рублей. Из этих денег я уже отослал сегодня 50 рублей: часть в Винницу (я товарищам задолжал перед Киевом 100 р.), часть старушке Мазур.

Вечером уже получил два раза через вестового официальные бумаги. Я преспокойно спал!..

Тогда я решил сегодня утром взяться, наконец, за свои обязанности и пошёл в околоток. Мой младший товарищ, Борис Владимирович (Барух Вольфович) Равинский уже принимал амбулаторных больных. Он мне показал старшего фельдшера, с которым я затем и обошёл все помещения.

Можешь ли ты себе представить своего Ёжку в роли старшего врача? Мне кажется, что мне удалось выдержать тон ласковой строгости. Побывал я везде. Залез и на чердак, заглядывал во все шкафы, во все ящики. Осмотрел решительно всё. Затем взялся за книги по хозяйственной и статистической, и аптечно-медицинской части. Всё расспрашивал до мельчайших подробностей.

В итоге заставил мне к завтрашнему числу отворить все окна, перемыть их, убрать от мусора чердак и кладовые, вымыть полы, поставить два шкафа и уложить в них все книги, которые сейчас валяются по подоконникам. Привести все книги в порядок (собрать листы), приготовить всё аптечное, медицинское и инвентарное имущество!..

Завтра я проверю по спискам весь инвентарь. Возьмусь затем за аптеку и за отчётность... Заявил, кстати, старшему фельдшеру, что я буду заходить в околоток во всякое время, и что если я застаю в нём женщин (говорят, что это здесь бывало), то смещу его без всяких разговоров. Нагнал страху!

Говорил твёрдо и определённо. Думаю, что без неприятностей, конечно, едва ли обойдётся, но что порядок у меня будет. За товарища примусь попозже, когда урегулирую самое главное. <...>

Здесь я в самом деле маленький, но самостоятельный командир, начальник части. И кому это нужно было меня сюда назначить?! Впрочем, ведь я ещё не утверждён...

Как мне сейчас хотелось бы всё это бросить и гулять с тобой где-нибудь на берегу моря... Такая чудесная погода!

Митомир, 11 апреля 1915 г.

Сегодня я устал, и устал не оттого, что ничего не делал или разъезжал по железной дороге. Нет, сегодня я устал от работы! Можешь ли ты себе это представить, — от работы! Как давно я не работал! Ведь почти всё время войны я лодырничал...

Да и сегодня работа была не ахти какая, и всё-таки я как будто уже немного удовлетворён. Вчера вечером приехал, наконец, Петропавловский, мой предшественник. Встретились мы с ним у адъютанта, где собралась компания. Петропавловский на экране показывал ряд очень интересных диапозитивов с войны. Оказывается, что он с начала войны находился врачом в артиллерийской бригаде, всё время находился (похоже, часто бывал под огнём; затем он заболел и был назначен в резерв, отсюда — сюда).

Адъютант живёт в симпатичной обстановке: много цветов в горшках и срезаемых, в центре стола стоял большой букет красных гвоздик!..

Показывали они портреты своих малышей. На днях едут в Пермь на три недели. Сам полковник предложил ему поехать...

В десятом часу зашёл в околоток, оказалось всё чистым, вымытым и убраным. Всё сделано так, как я накануне распорядился. Пришёл Петропавловский, который мне и сдал всё имущество. То есть мы расписались в сдаче и получении по книгам и написали рапорта. Затем мы с ним обошли помещения, а потом вышли и долго гуляли по улицам: он мне объяснил все особенности старшего врача и дал ряд ценных указаний. Хотя он и в том же чине, что и П.П., но человеком оказался совсем другим. Я ему от души благодарен.

В 1 час дня я пошёл в губернское присутствие, где по приказанию начальника гарнизона (нашего бригадного генерала) должен был присутствовать в комиссии по переосвидетельствованию новобранцев. Вот видишь, какие у меня теперь обязанности!

Заседал я там всё с генералами и превосходительствами, вице-губернатором, предводителем дворянства и т. д. Даже другой коллега оказался старым превосходительством. Первые минуты я чувствовал себя немного неловко, но быстро вошёл в колею, даже два раза имел смелость не соглашаться с уважаемым коллегой, причём первый раз присутствие решило в моём смысле, а второй раз согласилось с его превосходительством.

Сидели мы шесть часов подряд, до семи вечера. Только когда разошлись, пошёл обедать. Ну и натурально устал от непривычки. Буду спать сегодня хорошо, с чувством выполненного долга. Впрочем, и так сплю недурно.

Митомир, 12 апреля 1915 г.

Пишу тебе с новой квартиры, где только что устроился. Наконец-то собрался с духом и пошёл искать комнату. Но не хотелось снимать у хозяек, хотелось большей непринуждённости. У бригадного врача решил не снимать. Петропавловский отсоветовал. Говорит, что темно и неудобно. Меня же больше всего смущает первый этаж.

Стал искать по гостиницам. Они здесь почти все скверны, грязны и недёшевы. Оказалась одна только что отремонтированная, не еврейская, чистая и светлая. И вот я снял комнату на третьем этаже (этажи низки) с балкончиком. Обои новые светлые, мебель, хотя и старая, но чистая, вновь обитая. Тюлевые (кажется, так называется) занавески. Кровать пружинная. А главное, пол и двери с окнами только что выкрашены масляной краской. Значит, чисто. Вот я здесь и устроился по-домашнему. Развесил свои карты, набил комод. Получилось приветливо и уютно. А ты ведь знаешь, как необходимо это мне (да и не только мне!) для душевного спокойствия и равновесия. <...>

Сегодня проверял имущество, осматривал всё. Как всё примитивно! Но лекарств достаточно. Даже больше, чем в нашем госпитале. Ведь тут никто не вычёркивал из списков то, что можно получить бесплатно... Ввожу кой-какие нововведения и изменения — новая метла!..

Вот меня перебили — пришёл вестовой с предписанием от командира явиться завтра к 10 часам в губернское присутствие... Опять комиссия! Но, впрочем, это ненадолго. Ведь сейчас как раз мобилизация ратников¹. <...>

Пиши мне теперь не «до востребования», а так: Житомир, Михайловская улица, д. 9, гостиница «Орион». Ведь я теперь в культурной местности живу. <...> Будь добра, выпиши мне сюда Р.В. за весь апрель и май.

Житомир, 13 апреля 1915 г.

Сегодня с 10 утра и до 5 вечера сидели в губернском присутствии. Был перерыв в полчаса, во время которого был подан кофе и вкусные бутерброды. Был подан и какой-то ликёр, от которого я, впрочем, отказался.

Вот так решаются судьбы людей! Я несколько раз невольно подумал, что, если бы посадить тебя на моё место, как бы ты мучилась и терзалась, не зная, не решаясь высказаться определённо... Ведь с какой мольбой иной раз смотрят на тебя, как трудно бывает иной раз высказаться, да ещё при такой спешке. Мы сегодня пропустили 180 человек. Завтра опять будет заседать комиссия. Не знаю, назначат ли меня завтра, сильно надеюсь, что нет.

Житомир, 14 апреля 1915 г.

Нет, некоторое время пожить в провинции не мешает столичному жителю, это любопытно и поучительно. Жаль только, что попал я в еврейское гнездо. Собственно говоря, это даже не Житомир, а Жидомир. В закоулках и переулках всюду быстро трещат на жаргоне, а в кофейнях и ресторанах интеллигенция говорит по-польски. Через комиссию больше половины проходят евреи, а остальное делится главным образом на немцев-колонистов и малороссов. Этих немцев сплошь да рядом никак не отличишь от русских: и общий *habitus*², и типичная хохлацкая речь, и даже иной раз фамилия. Встречались мне немцы Ивановы и Поповы.

Насколько провинция отстала от текущих событий видно по тому, что до сих пор в полной неприкосновенности все муниципальные вывески: «С.-Петер-

¹ Ратники — ополченцы, солдаты запаса.

² *Habitus* (лат.) — телосложение, свойство.

бургская улица», а на главной, на Киевской, имеется вывеска книжного магазина, на одной половине которой крупным шрифтом написано: «Buch = Kunst u. Musikalienhandlung»! <...>

Митомир, 15 апреля 1915 г.

Вчера я был опять в канцелярии и говорил с полковником. Он мне очень понравился. Обещал во всём меня поддерживать и мне содействовать, чтобы санитарное состояние дружины стояло на высоте. Он лично обходит места расположения рот и строго следит за чистотой в помещениях и на дворах. В чисто медицинскую часть он никогда не будет вмешиваться. Если провизия забракована врачом, то она забракована окончательно, и на этот счёт у него уже имеются распоряжения. Медицинский осмотр нижних чинов и т. д. вполне зависит от осмотра врача, и решение его свято. Любимое выражение полковника: вы в этом деле более компетентны, вам и карты в руки!

Сегодня мы начинаем прививать оспу вновь поступившим. На днях устроил общий телесный осмотр. Как видишь, у меня теперь нашлась работа. Завтра, вероятно, опять буду заседать в комиссии...

Митомир, 16 апреля 1915 г.

Опять я тебя должен огорчить, а так не хочется! После комиссии, которая длилась сегодня с 10 утра до 5 вечера, я зашёл домой и застал на столе визитную карточку одного врача, на которой рукой моего младшего товарища было приписано: испр[авляющий] об[язанности] старш[его] врача 495 пеш[ей] Рязан[ской] дружины. На обороте сообщение, что они вечером ещё раз зайдут. Я сразу понял, что мне опять предстоит перемена климата.

Так и есть. Только что они ушли, и вот что оказалось: призванный из ратников пожилой земский врач-хирург только что впервые прибыл в Киев. Там он ждал около недели, а затем получил назначение старшим врачом в нашу дружину. Тотчас же сел на поезд и сегодня уже здесь.

Относительно меня он ничего не знает. Он думал, что едет на вполне вакантное место... Здесь ещё никаких бумаг не получено. Приехал он как снег на голову!

Вероятно, я не утверждён, и мне снова придётся ехать в Киевский резерв до нового назначения. Сказка про белого бычка!.. Почему я не утверждён? Может быть, они считают, что врач запаса не должен служить в дружине? Всё сие покрыто мраком неизвестности. Нам остаётся только покориться своей участи, мы люди маленькие...

Только ты, Шурочка, пожалуйста, не думай, что я удручён или что-нибудь такое. Нисколько! Меня это неутверждение даже не удивило. Я с самого начала здесь говорил, что, вероятно, останусь ненадолго. Но всё-таки рассчитывал с месяц посидеть, а вышло только 10 дней. <...>

Я думаю, что завтра моё положение выяснится окончательно и что послезавтра мне уже можно будет выехать в Киев. Там я поговорю с младшим делопроизводителем и сильно надеюсь ещё в этот же день выехать в Москву!.. Может быть, когда ты получишь это письмо, я буду уже у тебя. Может быть, твои именины мы справим вместе!..

Фр.Оск. рвётся к своей невесте и при первой возможности едет повидаться с ней. Воспользовавшись тыловой неразберихой, 19–20 апреля он вновь побывал в Москве.

Сухиничи¹, 21 апреля 1915 г.

Только что проснулся, Шурочка моя милая, уже 12-й час дня! Спал прекрасно. Что тебе писать? Что ты у меня хорошая, хорошая, что я тебя люблю. Да всё это тебе известно. Что холодно, и даже падают отдельные хлопья снега... <...> И что в Москве, вероятно, то же самое. Так напишу только, что я взялся за перо только для того, чтобы первое обращение было к тебе, и ты бы видела, что первые мои мысли — о тебе!

Киев, 22 апреля 1915 г.

Приехали мы с небольшим опозданием, в половине восьмого утра. Как только я побрился и вымылся, я отправился к Лейкину. Переговорить с ним пришлось только через дверь, так как у него оказалась жена, и они ещё не встали. Рассказал он, что уже два дня <...> приходил вестовой из управления с приглашением мне пожаловать туда. Лейкин говорил вестовому, что я уже давно уехал в Винницу... Вот какой недогадливый!

От Лейкина я пошёл на почту, но писем мне ниоткуда не было. <...> Тогда я пошёл в управление, где из начальства ещё никого не было. Дежурный писарь подтвердил, что меня уже искали два дня и показал мне моё новое предписание: командируюсь впредь до утверждения для исправления должности старшего врача в парковый дивизион вновь формируемого в Киеве 33-го армейского корпуса.

Через некоторое время появился Стабников (младший делопроизводитель) который мне и сообщил, что Паньковский (старший) вчера приказал составить рапорт о том, что меня не могут найти по указанному мною адресу. Рапорт, однако, ещё не написан.

Я ждал беды, когда появился Паньковский. Однако он довольно приветливо и даже дружелюбно встретил меня и только спросил мельком, не дожидаясь моего ответа: вы куда ездили? Затем он выразил уверенность, что в новой должности я буду непременно утверждён, и поздравил меня с хорошим назначением. Так мы с ним и расстались.

Потом я пошёл рядом в штаб узнать месторасположение моей части, но там они ничего не могли сказать и посоветовали зайти в соседнее артиллерийское управление. Там мне сообщили, что моя новая часть ещё не начата формированием, что это начнётся, вероятно, через 3–4 дня. Тут я поглядел на часы и сообразил, нельзя ли тотчас же сесть на скорый поезд и всё-таки поспеть к твоим именинам!.. Поговорил с дежурным адъютантом, но тот мне сообщил, что меня сегодня же в приказе командируют на время в какой-то 4-й запасный артиллерийский дивизион, за которым я и буду числиться до поры до времени. А явиться туда мне надо ещё завтра. Так вспыхнувшая было надежда тотчас же и погасла. <...>

Долго я бродил по аллеям и дорожкам парка. Людей почти никого, только отдельные парочки военных с дамами встречались изредка. Сильный ветер гудел и шумел, было холодно. А деревья всё-таки уже совсем зелёные!

¹ Сухиничи — город в Калужской губернии.

Затем я пообедал и взял себе комнату на Жилянской улице, меблированный дом Франсуа. Дом этот новый и чистый, устроен на заграничный манер. Комната просторная, с широчайшей кроватью, обширным зеркальным шкафом и умывальником с тазом. Всё чисто и достаточно изящно. Этаж пятый (подъёмная машина). Цена 1.50 в сутки или 30 р. помесечно. <...>

Ты, конечно, не знаешь, что такое парковый дивизион. Мне объяснил адъютант в артиллерийском управлении. Это соединение двух парков артиллерийских, то есть тех частей, которым приходится доставлять снаряды к местам расположения батарей. В парке около 300 человек. Значит, в дивизионе их будет 600, не больше. А в дружине было 3000! Сами парки в бою не участвуют. Они позади боевой линии. Так мне объяснил адъютант. Он считает, что должность очень хорошая. Я тоже очень доволен. Во-первых, это не Кавказ, во-вторых, это, хотя в будущем и действующая армия, но всё-таки не передовой перевязочный пункт — под обстрелом не будешь. И, в-третьих, это должность старшего врача. Разница оклада приблизительно на 100 р. в месяц! Приходится невольно и об этом подумать. Ведь у меня сейчас опять только 35 р. в кармане.

Киев, 23 апреля 1915 г.

Сегодня весь Киев украсился флагами, и солнце светит всюю! Хороший и тёплый весенний день, масса праздничной публики на улицах. У всех такой вид, словно они сами именинники. <...> Что бы тебе пожелать самого лучшего, моя милая именинница? <...> Получила ли ты мои цветы, заказанные ещё из Житомира? Я просил прислать тебе розы, лилии и тюльпаны. Гвоздики сейчас достать нельзя. Я искал в Москве, да не нашёл. <...>

Был я сегодня утром в запасном дивизионе, к которому я на время причислен. Оказывается, что при нём и будет формироваться новая часть. Я первый из приехавших офицеров. Сегодня вечером ждут новую партию. Нижние чины все уже отобраны. Недостаёт командного состава и всей материальной части. Предполагают, что формирование затянется на 2—3 недели, и мы будем готовы только к концу мая. Вероятно, формирование начнётся послезавтра. Во всяком случае, как говорит адъютант, мне далеко удаляться нельзя, чтобы, в крайнем случае, можно было вызвать телеграммой. Поэтому я думаю сегодня ночью поехать опять в Винницу, побыть там завтра и послезавтра и вернуться сюда 26-го рано утром, если только телеграммой меня не вызовут раньше. Пока далеко не уедешь. <...>

Мне придётся быть здесь, потому что я пока буду один. Мне надо будет выписывать и получать все медикаменты, перевязочные материалы и т. д., отбирать и распределять фельдшеров и санитаров, вести денежную отчётность, подписывать бумаги и т. д. и т. д. Если возни будет много, то сейчас же буду просить о присылке мне младшего врача (из зауряд-врачей второй очереди!), — всё-таки легче.

Куда нас двинут? Конечно, неизвестно, но существует возможность отправки нас в южные губернии, где, кажется, формируется армия. Может быть, мы предназначены брать Царьград?!.. Кто знает, кто знает? Всё возможно. <...>

Вообще, с наступлением летного сезона опять всюду сильнее чувствуется война. Тяжелее она ложится на плечи всем... Всё-таки, Шурочка, я всё больше

убеждаюсь, что очень долго она длиться уже не может. Торговаться мы будем долго и упорно, но фактически все стороны выдохнутся много раньше. <...>

Кончил читать сегодня проф. **Крэмб**: «Германия и Англия»¹. Лекции эти немало витиеваты, автор увлекается, но всё-таки <...> книга во многих отношениях интересна и характерна.

Винница, 24 апреля 1915 г.

Пишу при свете парафиновой свечки. Дело в том, что к Раф.Мих. с 19-го числа, наконец, приехала семья: жена, дети, отец и даже тёща. Он их поместил недалеко отсюда в маленьком домике и перевёз туда почти всю обстановку, которая здесь имелаась. Я сегодня почти весь день провёл там, о впечатлениях расскажу завтра, ибо уже поздно, и я устал. После того мы в компании поехали кататься на лодке по Бугу. Было очень хорошо, тепло и звёздно. Вовсю трещали соловьи, пахло черёмухой... Наивно заметила Мария Николаевна: «Хорошо бы сюда ещё Вашу жену!» И я с ней вполне был согласен.

Киев, 26 апреля 1915 г.

Вот я опять вернулся в Киев. Какой я, правда, стал путешественник! Какая подвижность! Я уже смеюсь, что для меня теперь одинаково легко, что переулком найти — что в Москву съездить... <...>

Расскажу о своих впечатлениях. Приехал я в Винницу третьего дня рано, но уже никого не застал, все были на работе. Я немного привёл себя в порядок и пошёл в госпиталь.

Конечно, всеобщее изумление. Выразили все на своих лицах удовольствие... Работы у них сейчас много, около 500 человек больных! И справляются они втроём довольно быстро, к часу работа заканчивается. Своим главным врачом они остались очень довольны. Он оказался именно таким, каким я себе его представлял: очень спокоен и уравновешен (после Петра Петровича-то!), лишних слов не говорит, не в своё дело не вмешивается, весьма деликатен и предупредителен (предлагал заменить дежурного, если тому хочется уходить!). Требуется, чтобы работа была сделана, но кем, в каком порядке и с соблюдением каких формальностей — это ему совершенно безразлично. Одним словом, он оказался прямо-таки идеальным главным врачом. Вдобавок к нему приехала его жена, и они с ней даже не показываются. Столуются отдельно, занимают отдельную квартирку в две комнаты.

Я очень рад за товарищей и от души их поздравил.

Когда Рафаил кончил, я с ним пошёл на его квартиру, где он устроился со своей семьёй. Там я и оставался до семи часов вечера. Присмотрелся я немного к его семейной жизни, сравнивал, мысленно критиковал. И что ты думаешь, Шуручка? Пришёл к очень утешительным для нас с тобой результатам: далеко им до нас! <...>

Спал чутко, боясь проспать. В 3 часа ночи вскочил, быстро собрал свои пожитки и помчался на вокзал. Как нарочно, поезд опоздал на 1 час, и я выехал из

¹ Книга шотландского историка, профессора Лондонского королевского колледжа Джона Крэмба «Германия и Англия» (М., 1915).

Винницы только в 5 утра. Полдесятого был в Киеве. Снова объявился в мебелированном доме Франсуа, только в другом номере (прежний занят).

Узнал, что в эти дни вестовой за мной не заходил. Посему и так как я сильно устал, то решил пойти в казармы только завтра, а сегодня отдохнуть. Днём читал Мечникова, которого закончил.

Киев, 27 апреля 1915 г.

Тем временем, у меня опять перемена, как я тебе уже сегодня телеграфировал. Я к этим превратностям судьбы начинаю относиться вполне хладнокровно — пусть их! <...>

Дело в том, что в канцелярии, куда я сегодня пошёл, мне адъютант объявил, что формирование корпуса, а вместе с ним и паркового дивизиона, отменено, назначения все аннулированы...

Тогда я поехал в окружное военно-санитарное управление. Там мне Паньковский объявил то же самое. «Ну, уж и везёт Вам, как утопленнику! Поздравляю Вас!» — сказал он мне и предложил снова написать рапорт о прибытии. Я пошёл и написал рапорт. Просил Паньковского назначить меня на постоянное место, на что он только плечами пожал: не от меня зависит. Теперь снова буду ждать назначения...

В Москву же я не поеду по нескольким причинам: 1) сегодня было уже поздно, и я потерял целый день, 2) второй раз, если я опоздаю, мне едва ли сойдёт, пока ещё свежо в памяти моё первое отсутствие, и 3) нет денег. У меня сейчас только 10 р. в кармане, даже на билет не хватит. А из Житомира почему-то до сих пор не шлют моего аттестата, без которого я даже 1 мая не могу получить денег. Я сегодня уже написал по этому поводу в Житомир. Я, конечно, мог бы сегодня вечером поехать в Винницу, но мне не хочется. Хочу отдохнуть и сидеть несколько дней (если только дадут) спокойно дома. Буду читать, писать письма. <...>

Как хороши были эти полтора дня в Москве. Чем это не Нагу?.. Написал письмо матери. Они в Риге тоже провели несколько тревожных дней. Решили «во всяком случае» остаться в Риге¹.

Киев, 1 мая 1915 г.

Очень огорчился твоим сообщением, что заказанные цветы так и не попали к тебе. Какое свинство!

У меня имеется почтовая расписка в том, что я из Житомира ещё 10-го апреля отправил деньги (10 р.) в Москву, в магазин Филиппова (бывш. Рабле) на Мясницкой. В переводе же подробно указывал, на что их истратить и когда. 20-го днём я зашёл в магазин и лично говорил со старшим приказчиком, выбирал с ним цветы и заставил его даже записать для памяти мои поручения. «Будьте покойны-с! Плохого не дадим», — такие фразы были его постоянным ответом. Получены ли мои деньги, он сказать не мог, так как кассирша ушла обедать. <...> Был, впрочем, убеждён, что деньги получены, почему же нет? Был Рабле, австриец, и заказы исполнялись добросовестно. Появился Филиппов — и получилось свинство!

¹ Обстановка на Северо-Западном фронте заставляла опасаться захвата Риги немцами. Тогда, между прочим, и были образованы добровольческие отряды латышских стрелков.

Я до поры до времени остаюсь в Киеве. Пошёл я вчера утром в управление. Оказалось, что ещё третьего дня я получил новое назначение, которого, однако, мне ещё не передавали: Вы назначаетесь и т. д. старшим врачом формируемого летучего санитарно-дезинфекционного отряда и т. д. Оказалось, что отряд этот уже две недели формируется одним врачом-евреем (вероятно, потому он и отчислен)¹. Формируется он в Киеве, вероятно, для обслуживания санитарных поездов. Подробностей я ещё не знаю. Сегодня в управлении встречусь с предшественником и приму от него все дела. Имеется ещё младший зауряд-врач, кажется, тоже еврей. Команда состоит из 11 человек, но их ещё нет, они «ошибочно» отправлены в другой город. Отряд находится в непосредственном ведении «санитарного управления». Я думаю, что, вероятно, мы ещё недели 2—3 будем формировать, а затем меня опять почему-нибудь отчислят. Не верю я теперь в постоянство назначений. Правда, в управлении мне говорят, что это место постоянное... Кто знает? Я думаю, что скептицизм всё-таки вполне уместен.

Во всяком случае, мы с тобой встретимся ещё в Киеве! А это для меня сейчас самое главное.

Познакомился я в управлении с ординатором Старо-Екатерининской больницы² Выгодчиковым³. Знаешь ли ты его? Он днём после обеда заехал ко мне, и мы гуляли с ним на Аскольдовой могиле. Было чудесно, роскошная погода. Потом пошли в Купеческое собрание на открытие летних симфонических концертов.

Киев, 2 мая 1915 г.

Выяснились некоторые подробности, и я тебя опять должен огорчить. Оказывается, что наш летучий отряд предназначен не для Киева, а для обслуживания тыла армии. Куда он будет направлен, ещё совсем неизвестно, но, во всяком случае, не на Кавказ, в этом отношении ты можешь быть совершенно спокойна.

Теперь другой вопрос: когда он будет отправлен? Мой младший товарищ, Исаак Абрамович Катович(!), говорил мне, что через полторы-две недели, а мой предшественник, Лазаркевич, говорил, что отправят нас не раньше, чем через месяц, быть может, даже позже. Будто бы так говорили ему в канцелярии управления. Я по прежнему опыту тоже уверен, что улита едет, когда ещё будет!.. Май наш, Шуручка, это несомненно!

Формируется всего пять таких отрядов, я вчера познакомился с другими старшими врачами. Я оказался, конечно, среди них самым несолидным на вид. Есть среди них один в чине полковника (коллежский советник), другой — подполковника (надворный советник, как и П.П.), и вдруг я! Ну мы за себя постоим, лицом в грязь не ударим.

¹ Доля евреев среди военных медиков ограничивалась 5%.

² Ныне Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского

³ Выгодчиков Григорий Васильевич (1899—1982), впоследствии выдающийся микробиолог, академик АМН СССР.

Оказывается, что этот отряд совсем самостоятельная часть, будет подчинён только непосредственно начальнику санитарной части. Придётся брать на себя обязанности Петра Петровича! И вот что скверно — не будет смотрителя, а посему всю хозяйственную и канцелярскую часть придётся вести мне лично. И, конечно, нести за неё ответственность. Я думаю, что многое узнаю от коллег, но всё-таки хотелось бы по душам поговорить на эту тему с опытным Раф.Мих. и нашим смотрителем.

В 10 часов утра у нас сегодня совещание. Посмотрю, если окажется возможным, то поеду на сутки в Винницу, узнавать всё, что мне знать надлежит, застраховать себя от слишком грубых ошибок. Ведь я до сих пор принципиально отстранялся от обсуждения всяких формальных дел, думал, что не понадобится.

Степень формирования отряда пока такая: за две недели успели порыться в законах и приказах и узнать самое существенное из того, что надо знать. Многое ещё покрыто мраком неизвестности. Получили на непосредственные расходы по 200 р. на руки. Из этих сумм истратили около трёх рублей на канцелярские книги и бланки. Узнали, что в интендантстве должно быть известно по списку имущество (будет ли?), а в полевой аптеке медикаменты. Узнали, что гидропульты и термометры придётся покупать. Узнали вчера, что при военном госпитале имеются фельдшера и нижние чины для отрядов. Кое-что уже выписал и даже получил жалованье за половину апреля.

Вот пока всё. В управлении никто ничего не знает, и приходится до всего докапываться, что и делают, не спеша. Куда нам спешить, в самом деле?! <...> Привези, если найдёшь, что-нибудь интересное по санитарной и дезинфекционной части и по прививкам.

Киев, 2 мая 1915 г.

Пишу тебе сегодня второй раз. Собираюсь ночью выехать в Винницу. Надвинулось на меня сегодня так много вопросов, требующих разрешения, что мне никак не обойтись без задушевной беседы с Рафаилом. Тут главным образом вопросы канцелярские, денежные, которые могут меня запутать. А потом ведь после войны придётся отдавать отчёт, расплачиваться!

Поехали мы сегодня в военный госпиталь смотреть назначенных нам нижних чинов. Оказалось, что они все на работе или вне госпиталя. Видеть их не пришлось. Взяты они все из слабосильных команд. По всей вероятности, половина из них окажется негодными к службе. На завтра решили их собрать и сделать среди них выбор. Предоставляю это Катовичу. Фельдшера будто бы тоже уже где-то имеются.

Достал я у Катовича сегодня приказы и инструкции, касающиеся летучих санитарных отрядов. Всё это захвачу с собой, и будем завтра разбираться с Раф. Мих. Один из старших врачей высказал предположение, что через две недели мы уже отсюда выступим. Я же сильно в этом сомневаюсь. Во всяком случае, ты меня ещё застанешь здесь.

Говорил я с Паньковским (делопроизводителем из врачей в управлении). Тот утверждает, что это моё назначение вполне определённое и оспариваемо быть не может. «Хотя ведь Вам как-то особенно везёт», — добавил он...

Как ты относишься к этому назначению? Спокойна ли ты? Работать мы будем, вероятно, главным образом, если даже не исключительно, на холере. Ну а ведь от холеры можно уберечься, ты знаешь. За себя ты не боялась, так не бойся и за меня. <...>

Я очень доволен этим назначением. Хорошо, что не будет непосредственного начальства, будет известная самостоятельность, будет движение, перемена места и условий, не будет однообразия. <...> Со стороны всё кажется страшней, чем оно есть на самом деле. <...>

Днём опять был в Купеческом собрании. Обедал там с Выгодчиковым и другим московским врачом, невропатологом из клиники, армянином (фамилию не расслышал). Было весело, оживлённо. Хорошо встречаться с москвичами! Со всем особый народ..

В мае 1915 г. Александра Ивановна в свой отпуск приезжала в Киев. Здесь, в цветущем весеннем городе, они с Фр.Оск. провели вместе около трёх счастливейших недель (с 8 по 28 мая), о которых потом вспоминали всю жизнь.

Киев, 28 мая 1915 г.

Вот опять я пишу тебе письмо № первый. Как-то странно даже беседовать с тобой не непосредственно, не видеть тебя и не слышать.

А жасмин и фиалки всё так же благоухают, как будто бы и не произошло никакой перемены, словно всё по-старому... Даже мыло Хабибулина не изменилось нисколько: большой кусок розовый и маленький зелёный, всё тот же сильный запах ландыша. <...>

Гораздо легче мне самому уезжать, попадать после прощания в новую обстановку, ждать неведомого будущего.

Номерной по возвращении моём с вокзала встретил меня словами: «Ну, теперь опять одни!» Я только махнул рукой. Взял газету, завалился на кровать и стал читать.

Недолго пришлось мне читать. Появился Катович и просидел у меня до вечера. Сильно боюсь, что он начнёт надоедать мне. Мы с ним сильно поспорили кой о чём. При этом я убедился в том, что он, кроме медицины, решительно ничего не знает и принадлежит к тому довольно распространённому у нас типу людей, считающихся образованными и не имеющих ни малейшего общего образования, в высокой степени неразвитых и всё-таки считающих себя компетентными чуть ли не во всех сферах и вопросах. Впрочем, он малый хороший, и не в умаление его достоинств пишу я тебе это. Жить мы с ним, конечно, будем хорошо.

Нижний чин Бобровник, которому я дал отпуск, до сих пор ещё не явился. Как бы не устроил неприятность!

Разбирался в казённых бумагах, привёл их в некоторый порядок. Написали с Катовичем требования на получение полевых порционных и рапорт с запросом относительно того, кто нам даст средства и повозки для перевозки нашего имущества. Зашли к Шлегелю, выяснили некоторые вопросы, поболтали. В общем, ничего нового не узнали, всё — idem.

Статью Евг. Трубецкого из Р.В. я вырезал. Он психопат, я согласен с Арзумановым.

Киев, 29 мая 1915 г.

Утром всласть почитал газету. Потом получил письма и Р.В., прочёл их, ответил матери на письмо. Не успел кончить, как пришёл Катович. Мы с ним опять немного порылись в бумагах, написали кое-что, затем скверно пообедали, поели мороженого (программа тебе известна). Наконец, Катович распростился, и я начал читать «Державную Германию» Бюлова¹. Прочёл 100 страниц, однако эта книга нравится мне значительно менее. Она очень суха и переведена скверно, многое наврано. Потом пошёл к Арзуманову, с которым и прошлись немного по Крещатику, закупили консервов и ветчины и поужинали у меня в номере. Теперь он ушёл на дежурство, а я вот пишу тебе скучное письмо.

Киев, 31 мая 1915 г.

Вчера весь вечер занимался фотографией, проявлял пластинки с твоими снимками. А сегодня — целая куча новостей.

Прежде всего — пришла телеграмма в управление с приказом нам немедленно отправиться в действующую армию. Шлегелю назначен городок на Нижнем Сане², а четыре других отряда командируются в распоряжение штаба 8-й армии. Эту новость нам принёс сегодня Шлегель, бывший утром в управлении. Знаем мы только, что 8-я армия находится где-то в Восточной Галиции, а где именно — ничего не знаем. Вероятно, тронемся на этих же днях. <...>

Другая наша новость, это — Арзуманов сегодня командирует на Подволочиский эвакуационный пункт и должен выехать уже завтра днём. Так быстро разваливается вся наша здешняя компания!.. Он уже уложил свои вещи. Мы только что пили вдвоём вечерний чай у меня.

Затем для нас сегодняшней новостью явились события в Москве. В здешних газетах ни намёка. На станции глухо говорят о грандиозных пожарах, о разгроме [антек] Кёллера и Феррейна... Какая подкладка? Так мы здесь толком ничего и не узнали. А в Р.В. только одни официальные объявления³. <...>

Получил фотографии. <...> Я прямо-таки не налюбуюсь на тебя в малоросийском костюме! Какая ты там простая, искренняя и хорошая⁴.

Киев, 1 июня 1915 г.

Сегодня я получил твоё первое письмо из Москвы и очень ему обрадовался. Мы как раз с **Катовичем** выходили из гостиницы. Швейцар подал мне письмо. Тотчас **Катович** заявил: «Подождите немного, я только сбегаю к себе, узнаю,

¹ Бюлов, Бернгардт. Державная Германия. Обзор политических и государственных стремлений за последнее десятилетие. Пер. с англ. М.И. Брусяниной. Пг., 1915.

² Сан — правый приток Вислы.

³ 26 мая в Москве начались беспорядки, которые переросли в самый массовый за время войны немецкий погром. 27—28 мая по всему городу и в его окрестностях происходили грабежи и поджоги магазинов, контор, фабрик, частных домов и квартир, чьи владельцы носили немецкие фамилии. В погромах участвовали десятки тысяч людей. При этом более всего пострадали российские подданные и подданные союзнических и нейтральных стран. 29 мая в город были введены войска, для прекращения бесчинств применено оружие. Погром вызвал сильный общественный отклик.

⁴ Этот сильно увеличенный фотопортрет до конца жизни висел у Ал.Ив. над кроватью.

нет ли и мне письма». Но, увы, ему письма не было. Я ему прочёл те места, где ты описываешь то, что видела в Москве¹. Он молчал, не сказал ни слова, но был угрюм. Я тоже не скажу ни слова, ты и так прекрасно знаешь, что я думаю. Впрочем, хочу только сказать, что я не был поражён неожиданностью, нет, ведь к этому всё клонится. Меня уже более не удивишь. И даже слёз у меня на глазах не было и не будет!..

Шлю тебе на днях снимки. Две фотографии, где ты в национальном костюме, мне очень нравятся. Я постоянно буду носить их при себе. <...>

Наши дела вот на какой точке: мы в управление не ходили, а нам предписания не присылали, дескать, сами придут... Там прямо-таки удивительные люди сидят. Нам же необходимо было выгадать день, чтобы привести в порядок все интендантские дела, получить деньги на прокорм нижних чинов, а также, чтобы закупить всё необходимое для нас лично. Всё утро я сегодня сидел в интендантстве. Завтра тоже придётся ещё там сидеть, а также получить деньги в казначействе. После обеда же мы с Катовичем закупаем по магазинам. То есть, вернее, закупали я, а он только смотрел. На себя он истратил только около двух с полтиной, я же... ну да ты сама знаешь. Купил я в Экономическом обществе², прежде всего, походную кровать. Она очень лёгкая и, по-видимому, прочная. Она вся укладывается в небольшой брезентовый чехол с ручкой. Мне очень расхвалил эту систему один полковник. Затем купил фляжку «Термос» на ремне. Реноме этой фляжки известно. Из напрасных трат следует упомянуть о чемоданчике-погребке на две персоны. Катович упорно отказывался войти со мной в пай. Тогда купил целиком на свои деньги (22 р.!!!). Соображение же такого рода: прежде всего — чистота,

¹ В этом письме от 29 мая 1915 г. Ал.Ив. писала: «Нерадостно меня встретила Москва, мой родной Ёжа. Ведь вчера здесь была самая настоящая оргия толпы: громили, грабили и поджигали фирмы с немецкими фамилиями. По словам вёзшего меня извозчика, было около 70 пожаров. Саша лично видела обгоревшие развалины Кёллеровских магазинов; на мостовой груды осколков и вороха бумаги, среди которых копошатся дети. Ужас и скорбь, безграничная скорбь охватывает при виде такой картины. — Можешь ли представить, что делается на Мясницкой, где громадные машины выворочены на мостовую; семена Иммера развезны по ветру, ноты и остатки ценных инструментов валяются повсюду... Безумие и ужас... Рассказывают, что Цинделя [*председателя правления Товарищества ситценабивной мануфактуры*] удушили верёвкой, а какого-то служащего на Прохоровской фабрике утопили в Москве-реке. Нам ли говорить о немецкой жестокости? В толпе слышались возгласы «долой жидов!» — и это в то время, когда без различия национальностей сражаются на войне. И сейчас ещё в некоторых местах Москвы продолжаются пожары... Не могу больше писать обо всём этом». На следующий день Ал.Ив. вновь вернулась к этой теме: «Я всё ещё нахожусь под влиянием кошмарных впечатлений вчерашнего дня. Ты подумай только, нет почти ни одной бойкой улицы, где бы не было следов погрома. Все магазины Бартельса, Жирардовских мануфактур, некоторые еврейские лавочки и даже частные квартиры... Рассказывают, что дня за три началось брожение на Прохоровской фабрике по поводу отравления 30 рабочих водой. В итоге — заключение, что немцы отравили воду. Post factum было расследование. Оказалось, что в бак протекла грязная вода из бани. Может быть, это и не так, не знаю, но похоже на нашу действительность».

² Гвардейское экономическое общество организовало торговлю в прифронтовых районах.

так как весь погребок запирается, и там будет уж всё, несомненно, моё. А, вторых, я взял на две персоны. Пригодится ещё нам с тобой когда-нибудь.

Купил ещё одеколон, электрические батареи, ножички Gillette, английские булавки, спиртовку с таганкой, кастрюлю и т. д. Завтра будем покупать медикаменты, свечи, спички, большой фонарь, сахар, соль, консервы, чай и т. д.

Киев, 3 июня 1915 г.

Вчера я тебе не писал, и вот почему: целый день бегал по магазинам, а когда вернулся домой, то уже застал у себя товарищей. Устроили нечто вроде военного совета. Однако так-таки никакого определённого решения мы не вынесли, да и ничего нельзя предусмотреть, так как многое не в нашей власти. <...>

Московские подробности отвратительны; узнаю почти только из твоих писем. Говорят, что был здесь вчера Выгодчиков и опять не застал меня дома. Он прямо из Москвы. Седлецкий говорил с ним несколько минут. Других источников здесь нет.

У нас всё ещё идут бестолковые приготовления. Никто нам не может или не желает указать маршрут..., и мы не знаем, прежде всего, куда ехать. По закону мы обязаны ехать кратчайшим путём. Если же поедем более длинным, то разницу стоимости проезда всех людей и груза взыщут с того, кто подписал железнодорожное «предложение». В управлении стараются всучить нам, свалить на нас всю ответственность. Этапный комендант ссылается на коменданта станции, тот — на заведующего передвижением войск и на окружной штаб. А в штабе нас направляют в управление, которое от нас отрешивается, хотя обязано бы позаботиться. И в результате — воз и ныне там!

Другие затруднения — в интендантстве. Местный интендант вчера уехал куда-то, и вместо него подписывает и отвечает бухгалтер. Тот же сегодня вдруг отказывается по нашим требованиям отпустить нам совсем, казалось бы, бесспорные суммы. И на каком, ты думаешь, основании? А на том, что мы, дескать, ещё не назначены, а только предназначены! Так, например, Пипериди не может получить денег на седло, хотя остальные давным-давно их получили! Отказывает в следуемых нам добавочных, требуя удостоверения в том, что мы их раньше не получали, хотя в нашем аттестате ни слова о них не говорится. Выходит так, что в аттестате должно быть не только то, что получено, но также обозначено всё то, что *не получено!* Какой абсурд! И где же мы теперь, отчисленные от своих частей, можем доказать, что мы этих сумм не получали?! Из-за этого нелепого вопроса мы сегодня потеряли в интендантстве несколько часов. Придётся валандаться и завтра...

Пишу тебе так подробно, чтобы ты знала, какие силы задерживают нас от выступления... Хочется поскорей уж отряхнуть прах с своих ног и отправиться в Галицию. Говорят, что там значительно меньше этих формальностей, меньше этих сухих и чёрствых чиновников! <...>

Всё-таки думаем, что послезавтра или, в крайнем случае, в субботу удастся выехать... Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает!..

Сегодня никаких закупок не делал, а вчера закупил два больших фонаря, приспособленных для керосина и для свечей, большой чайник, заменяющий нам самовар, покупку которого нам все сведущие люди отсоветовали. Заказал

также в аптеке маленькую походную аптечку в особом ящике (ol.saph. in ampull.; coff.p.b.; morph.mur., protargol; zinc. sulfur.; ac. mur. dil. [*камфарное масло в ампулах, кофеин, морфин, протаргол, окись цинка, соляная кислота*]), большую мензурку, щётки для рук. Затем целый ряд фотографических принадлежностей (гипосульфит вместо 10 коп. фунт теперь стоит 70 коп.!), клейкую бумагу (!), нашивки с красным крестом и т. д. Завтра куплю шприц Праваца и термометр, а также всё съедобное. Как хорошо, что пока ты была здесь, было так безмятежно!

Киев, 5 июня 1915 г.

У меня сейчас голова идёт кругом, спокойной минуты себе не нахожу. Ведь завтра мы выступаем из Киева. Маршрут — Львов! Беготни так много, что еле стоишь на ногах. Вот и сейчас уже второй час ночи.

Вчера утром мы, наконец, выяснили маршрут и назначили определённый срок отъезда — 6-го в 3 часа 13 минут дня, через Броды (не Волочиск). Послезавтра мы должны уже быть во Львове. Там мы узнаем дальнейшее наше направление.

Вчера бегал в интендантство и управление, писал рапорта, отношения и записки, ходил по магазинам. А вечером мы опять совещались у меня в комнате. Ушли в первом часу, и я завалился тотчас же на постель, не писал даже тебе. И сегодня то же самое, даже ещё более интенсивно. Вечером был ещё в казначействе и получал деньги. Завтра отошлю свой долг Рафаилу Михайловичу. Купил термометр (3.50!), шприц «Рекорд» граммовый (6.50!!) и машинку для стрижки волос (6.50!). Цены отчаянные. Вчера купил себе седло за 30 рублей (подержанное), пехотного образца. Вообще же вещей у меня будет уйма. Только что уложил один ящик да бросил, уже поздно.

Киев, 6 июня 1915 г.

Сижу на вокзале и пишу тебе. Должны были выехать в 3.13, но в поезде все места оказались занятыми, а багаж не успели взвесить и приготовить. В таком положении оказались все наши три отряда. 4-й ещё вчера решил сегодня не ехать и отложил на завтрашний день: Солтык ещё не получил седло, которое ему хотели откуда-то прислать по дешёвому тарифу... Так-то!!

С утра сегодня я бегал и ездил как угорелый. <...> Быстро, быстро пришлось упаковывать последние вещи, и что же? — оказалось у меня всего 11 мест! Тем временем Катович получал наше имущество из аптечного склада, но почему-то сам лично не повёз на вокзал, а исчез к врачу. Я этого не знал, и поэтому вышла задержка. Приехал я на вокзал за три четверти часа до отхода поезда, но оказалось уже поздно. Пошли мы опять к коменданту и решили ехать с пересадками с поездом, отходящим в 12 ч. 20 мин. ночи. Комендант обещал постараться достать нам купе.

Я искренно удивляюсь тому, что даже целым отрядам, самостоятельным частям войск приходится передвигаться в зависимости от случая, если публика сообразовит оставить места или самому удастся с бою захватить его. Я наивно думал, что раз мы заявили коменданту, то остальное уж его дело. Но оказалось совсем не так. Как всё это странно...

Значит, сегодня ночью мы выезжаем, но доедем ли? Вот вопрос. Я более склонен думать, что на границе мы остановимся, и нас дальше не пустят. Ну, посмотрим. Всё сюрпризы, вся наша жизнь теперь состоит из сюрпризов. <...>

Здолбуново¹, 7 июня 1915 г.

Вот я уже не в Киеве, а недалеко от границы, в трёх часах езды от Брод. Сейчас 2 часа дня. Мы только что приехали. Заранее приготовили себе купе и устроили нижних чинов. При нас погрузили весь наш багаж (всех трёх отрядов) в отдельный товарный вагон и наложили на него пломбы. Обещали прицепить его к нашему поезду. Однако здесь в Здолбунове его с нами не оказалось. Очевидно, остался в Киеве... Здесь пересадка. В 7 часов вечера идёт пассажирский поезд в Броды. Там опять пересадка. Не знаем и теперь, доедем ли мы до Львова. Возможно, что мы в Бродах будем дожидаться приезда нашего багажа.

Радзивилов², 9 июня 1915 г.

Мы в Здолбунове узнали, что пассажирских поездов в Львов уже не будет³, и что дальнейшая наша ближайшая судьба неизвестна. Стали мы слоняться по станции. Наблюдали оживлённую жизнь её, приход и отъезд воинских поездов и т. д. Поужинали. Но о сне нельзя было и думать: пассажирские помещения были битком набиты, а в городке и гостиницах свободных мест не было. Всё сильнее стал одолевать сон. Тогда у меня появилась блестящая идея, — посмотреть, нельзя ли устроиться где-нибудь на ночь в санитарном поезде. Разузнали, что через полчаса должен был отойти такой поезд в Радзивилов—Броды. Мы пошли и переговорили со смотрителем поезда. Он нам разрешил поместиться вместе с нашей командой. Мы тотчас же все полезли в поезд (к нам присоединились ещё два товарища, отправлявшихся по тому же адресу, что и мы). Команда получила теплушки, а мы санитарный вагон. Сейчас же легли спать. Не успели и раздеться, как поезд тронулся. Вдруг к нам приходит смотритель и сообщает, что в последний момент поезд получил назначение ввиду загруженности пути отправиться на маленькую ветку Дубно--Каменец, переждать, пока освободится путь. Нам было всё равно, остались спать.

Утром проснулись на затерянной в лесах и полях маленькой станции Смыга⁴. Тишина и мир. Ничто не напоминает войну. Не проходили даже поезда по этой захолустной ветке. Мы вышли гулять в лес. Лежали на траве, я сделал даже один групповой снимок. Пообедать нам дали в поезде. Пили чай с сухарями и шоколадом. Газет и вестей никаких, только догадки.

Так прошёл весь день. Всё ждали паровоза, ушедшего с утра. Легли спать. Ночью просыпаемся: вагон тронулся, поезд пошёл. Утром оказались уже за Дубно, на пути в Радзивилов. Бесконечной вереницей тянулись около нас по сосед-

¹ Здолбуново — ж.-д. станция южнее Ровно.

² Радзивилов — город Кременецкого уезда Волынской губернии на границе с Австрией, в 10 км от Брод.

³ Именно в этот день Львов был сдан неприятелю. До осени продолжалось «большое летнее отступление» русской армии. Противнику были сданы Галиция, Польша и Литва.

⁴ Станция Смыга на тупиковой ж.-д. ветке Дубно-Каменец, южнее Дубно.

нему пути встречные поезда из Галиции. Весь путь от Дубно до Радзивилова был забит этими поездами, нагруженными чем попало, а также массами беженцев... Сплошной вереницей стояли они, не могли двинуться.

Так мы, наконец, медленным темпом доехали до Радзивилова. Тут уже всё пахнет войной, её близостью. Всюду масса солдат. Большой транспорт пленных австрийцев. Беспорядочная жизнь на вокзале.

Первое, что мы заметили, это наш товарный вагон, в котором помещается наш груз и наши консервы. Мы запомнили номер. Но теперь он уже опять исчез. Вероятно, попал-таки в Броды. Как бы только не отправили его в Львов, там можно ведь и затерять.

Мы весь день сидели здесь в поезде. Его поставили на запасный путь, ждать очереди. До Броды отсюда 8 вёрст. Будем ждать. Нам спешить некуда. Переночуем ещё одну ночь в вагоне. Здесь симпатично. Нам дали одеяла, подушки и простыни.

Броды, 10 июня 1915 г.

Вот наши приключения: вчера наш санитарный поезд так и не отправился в Броды, и мы снова переночевали в нём. Письма тебе и матери я отправил с другим санитарным поездом, выходящим в Киев. То же самое сделаю и сейчас. <...>

Утром уложили вещи, попили чайку. Подождали немного, но поезд продолжал стоять на одном месте. Тогда мы решили отправиться с пустым товарным. Так и сделали. Быстро нагрузили вещи и поехали. В 12-м часу дня мы попали, наконец, в Броды. Уложили вещи на платформе и пошли обедать в буфет. Всё битком набито солдатами, офицерами, беженцами, вещами, рухлядью и т. д. Каждый отходящий поезд представлял ту же картину полного случайности состава, как и описанные вчера встречные нам поезда. И всё-таки мы вскоре узнали, что Львов уже сдан. Чужих как-то неловко было спрашивать, и ответы были противоречивые и неопределённые. Встретил того прапорщика-дружинника, с которым мы на Пасхе выехали из Москвы. Он здесь сопровождает партии пленных. Вот только от него мы узнали точно, что Львов сдан ещё вчера. Подробности, впрочем, неизвестны были и ему. Оказалось, что штаб нашей армии уже начинает съезжаться в Броды. Дальше ехать нам не придётся. <...>

Мы в полной безопасности, только всякие сообщения сейчас крайне затруднены. Наш груз опять исчез из виду.

11 июня 1915 г., Броды

Пишу тебе быстро несколько строк. <...>

Устроились здесь в двух больших пустых комнатах. Так как у нас с Катовичем походные кровати остались с багажом, нам пришлось спать на полу. Я подложил снизу красное одеяло, а накрылся коричневым. Другие устроились более комфортабельно в своих походных кроватях. Тем не менее, спал хорошо.

Утром не спеша попили чайку и пошли в санитарное управление армии. Там только ещё разбирались, пришлось подождать на бульваре. Затем представились сначала генералу — начальнику санитарного отдела. Принял любезно, но выразил крайнее изумление, почему у нас нет ни лошадей, ни повозок. Мы всей

своей фигурой изобразили вопросительный знак. Любезно отпустил нас, пообещав посоветоваться с главным врачом отдела.

Затем мы пошли к этому последнему, — действительно ст[атскому] сов[етнику] Сахарову. Седенький старик. Принял нас очень вежливо и предупредительно. Выразил недоумение по тому же поводу. Спрашивал нас о наших специальностях, о наших пожеланиях. Выслушал наши сетования на киевские порядки, поскорбел с нами, пообещал по возможности скорее устроить нам лошадей и повозки. Записал номера вагонов с нашими грузами. Обещал принять меры к их разысканию. Отпустил милостиво. Вообще, мы остались очень довольны. Никак не ожидали встретить так много отзывчивости и искренности. Дай Бог и дальше так же!

Теперь будем выжидать. Вероятно, завтра или послезавтра всё разрешится.

Нельзя скрывать, что наша компания, к сожалению, всё больше расклеивается. Очень симпатичен Звездин, коллега, заменивший Смирнова. Он рубаха-парень, дельный, простой, четный и искренний. Малопривычны Солтык и в особенности глупый и чванливый Пипериди, грек. Совсем не лажу я с Катовичем. Всё больше обнаруживаются специфические качества — нахальство и глупое самомнение. А ведь ты знаешь, как я не люблю такого сорта людей. Возмутился я и его отношением к местному населению, когда мы искали квартиру. И это он, который так боится нашествия врага на свою родину!!!

Броды, 14 июня 1915 г.

Новости у нас, вот какие: вчера мы получили приглашение послать по одному солдату в управление для покупки лошадей. Мы их послали, но нам их вернули, сказали, что нашлись свои специалисты по лошадиному делу. Из всего этого мы вывели заключение, что, значит, нам лошадей дадут, и не расформируют. А мы уже серьёзно стали считаться с этой последней возможностью. Ходили вчера со Звездиным (преемником Смирнова) на станцию узнавать, не пришёл ли наш груз. Но, увы, его и след простыл. Установлено одно, что вагон с этим номером через Броды не проходил. Это — вчерашние наши новости.

А сегодня отряду Солтыки пришёл приказ отправляться в Радзивиллов — помогать на станции при перевозке раненых. Это, конечно, только временно, чтобы не сидели без дела. Нам приказов никаких не было. Вот и всё. В остальном наша жизнь здесь не налаживается, как следует.

Квартира у нас такая: передняя, в которой спят солдаты, большая комната, в которой помещаемся мы, то есть Звездин (милый, простой и дельный володимец), Пипериди (глупый и чванливый грек), Звонницкий, младший врач Звездина (из богатых купчиков-еврейчиков), Катович (которого ты знаешь только с одной стороны, лучшей) и я. Затем следует такая же большая комната, где тоже помещается команда, и кухня, выходящая на двор с колодцем и «учреждениями».

Компания у нас очень неровная, разношерстная. Чувствуем мы себя друг с другом нехорошо (за исключением Звездина и меня, когда мы остаёмся одни). Катович молчит или говорит глупые дерзости. Звонницкий сравнительно безобиден, наиболее воспитан. Пипериди либо молчит, либо поучает, читает мораль — нудный и скучный. Остаётся одна светлая личность — Звездин, вдвоём мы отводим душу. Он очень сдержан и спокоен, чего не скажешь про меня. Поэтому

сегодня утром у меня была нелепая сцена с Пиперидами. Дошло до того, что мне пришлось ему сказать, что если он себе позволит одно ругательство, то получит от меня пощёчину. Он сразу стал тише, но всё же мне очень противно, что между «товарищами» возможны такие сцены.

Катович вчера целый день держал себя спокойно, но вечером почему-то без малейшего вызова с моей стороны опять сказал мне дерзость. Я смолчал, только посмотрел на него удивлённо. Сегодня мы опять молчим.

Шурочка, неужели мы, люди средней полосы России, так разнимся от всех этих «южан», что у нас нет общего языка?! Мне они в высокой степени противны. Ну и в компанию же я попал! Впрочем, ты не думай, что я удручён. Нисколько. Уж одно ко мне отношение Звездина доказывает мне, что я прав, что не мной вызваны такие отношения. И мне в высокой степени наплевать на них. Немножко только обидно, что нет уже тех простых хороших отношений, которые у нас установились было в 253-м п.з. [полевом запасном] госпитале. Другие там люди. Там русские, а здесь, кроме Звездина, — «южане»! Противно. Из меня понемножку может выработаться юдофоб, если дело пойдёт дальше в таком же духе.

Погода у нас чудесная: тёплые солнечные дни, временами ливни с грозой. Сидим и валяемся у себя в комнате на походных кроватях или на полу (!), читаем. Наши кровати в багаже, и нам с Катовичем приходится круто. Обедаем в рестораниках. Кормят вкусно и сытно. Несколько раз в день пьём чай с сухарями, монпансье. Смотрим из окна на улицу, где непрерывное движение автомобилей и обозов. <...>

Газет у нас нет. Вчера на вокзале увидели у одного солдата «Киевскую мысль» от 11-го числа. Так и набросились на неё.

Достали много карт генерального штаба, а применить их не можем. Сегодня с утра по дороге проходит много подвод с церковными колоколами — сняты, как говорят, во Львове, чтобы не досталась немцам медь. Ночью проснулись от нескольких ружейных выстрелов. Причина неизвестна. Орудийной пальбы вчера не слышали. Всё здесь стало тихо и мирно. Надолго ли? Ничего не знаем, что делается на белом свете. Даже адреса своего всё ещё не знаем.

Броды, 15 июня 1915 г.

Тихий день без всяких событий. Ни слухов, ни точных известий, ни газет, ни разговоров. Ничего не знаем. Солнце печёт. На улице автомобили поднимают пыль, коллеги спят среди бела дня. Мухи так и окружают, так и лезут за уши, на нос, по волосам. Отбиваешься от них без усталости, но они неутомимы. Клонит ко сну. В соседних комнатах спят все наши солдаты. Кругом стоят чемоданы, корзины, коробки и сапоги...

Назови это идиллией, обломовщиной или ещё как-нибудь, но картина правдива, — именно так мы здесь живём.

Впрочем, мы читаем. По крайней мере, я читаю. Прочёл этюд Айхенвальда¹ о письмах Чехова, прочёл даже брошюрку о немецком засилии в русской медицине. Кончил вчера «Францию» Белоруссова, читаю теперь Чеховский сборник.

¹ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) популярный литературный критик.

Очень тебе рекомендую Белоруссова¹. Особенно ценен его труд тем, что написан до войны, до пристрастного и одностороннего освещения, которым грешит теперь и **Белоруссов**. Интересны его выводы в заключительной статье. Как они отличаются от всего того, что принято писать теперь. Я постараюсь тебе выслать при первой возможности. <...>

Напечатал сегодня на солнце все имевшиеся у меня негативы для будущего альбома².

Радзивиллов, 17 июня 1915 г.

Пишу быстро с вокзала несколько только строк, так как сейчас отходит санитарный поезд. Только что приехали сюда.

Вчера получили предписание отправиться сюда, чтобы следить в санитарном отношении за станцией и окрестностями, так как появились случаи холеры. Раньше сюда уже приехал Солтык, а теперь Звездин и я. Пипериди мы, к счастью, оставили в Бродах. Ещё не устроились.

Придумал такой адрес для писем: ст. Здолбуново, Волынской губ, до востребования. Буду туда посылать солдата.

Радзивиллов, 18 июня 1915 г.

Сейчас у меня есть время тебе писать. Я дежурный. Ночь. Сажу в буфете станции. На скамьях спят и храпят. Буду тебе писать подробно. <...>

Первого из нас потревожили Солтыка, и только через два дня после него двинули и нас сюда. Соображения начальства были такого рода: делать им всё равно нечего, пока у них нет лошадей. Пусть хоть некоторую пользу приносят... Солтык вначале должен был играть роль как бы наблюдателя за санитарным состоянием следующих через Радзивиллов войск. Но уже вскоре задачи были расширены. Стоило ему здесь появиться, как появилась и азиатская гостья [*холера*]: кроме 2—3 заносных случаев, был случай, как говорят, и здесь на вокзале. Тогда нач.сан.части решил принять более энергичные меры и разработал маленькую программу, выполнить которую призваны мы.

Третьего дня, когда мы получили в Бродах назначение сюда, мы имели странную предварительную беседу с нач.сан.части, в которой он развивал нам свои взгляды. Мы записывали по пунктам. Вынесли из этой беседы самое хорошее впечатление, что имеем дело с человеком хорошим и дельным. Мы должны были явиться на подмогу Солтыку и вместе с ним провести следующие меры: следить за чистотой всего района станции Радзивиллов, войти в сношения с властями местечка для проведения санитарных мероприятий. Сговориться с земской больницей относительно устройства холерного барака для гражданского населения. Следить за проходящими эшелонами, для чего установить непрерывное дежурство на станции. Оборудовать один вагон для перевозки холерных солдат в холерный госпиталь в Броды, другой вагон — для тифозных заболеваний, третий

¹ В сборник Белорусова «Франция» (М., 1915) вошли его статьи разных лет.

² При таком «сухом» методе печати стеклянный негатив, плотно прижатый к фотобумаге в специальной рамке, надолго выставлялся на солнце. Это позволяло обходиться без проявителя и фиксажа, но изображение потом следовало оберегать от яркого света.

для амбулатории в случае надобности, а один для дежурного служебного персонала. Производить дезинфекцию тех мест, откуда доставлены холерные больные. Изолировать по мере возможности и надобности соприкасавшихся, для чего отсылать [их] в имеющийся изоляционный пункт в Бродах.

Вот наши задачи. А средства такие: во-первых, из полевой подвижной аптеки в Бродах мы достали всё самое необходимое для дезинфекции, во-вторых, от железной дороги получили вёдра, халаты, полотенца, лопаты, кисти и т. д., в-третьих, вошли в соглашение с имеющимися здесь дезинфекционными отрядами из Москвы (именными¹), в-четвертых, обращаемся за содействием, с одной стороны, коменданта станции, с другой — этапного коменданта и пристава.

Такова была наша программа.

Приехали мы, задержавшись из-за аптеки и отсутствия поездов, только вчера к ночи. Как раз только что перед этим был прислан солдат с холерой и помещён в вагон, уже приготовленный Солтыком. Той же ночью его отправили в госпиталь в Броды.

Комендант станции отвёл нам помещение в квартирах бывших таможенных служащих. Громадные хоромы, но почти пустые. Я на ночь устроился спать на большом письменном столе и спал очень хорошо.

Сегодня утром мы устраивали вагоны для предназначенной им цели. Постельное бельё и т. д. получили. Всё на своём месте.

Затем мы с Звездиным опять стали расспрашивать относительно нашего груза. И что же? Оказался вагон здесь, в Радзивилове! Они его сегодня как раз собирались переправить в Броды, согласно полученной телеграмме. Мы попросили коменданта отцепить этот вагон и подать его на наш тупик, на котором стоят и другие наши вагоны. Он разрешил, и вагон теперь находится там. Груза, однако, мы не получили ещё, так как начальник станции отказывается выдать только двум отрядам (ведь Пипериди остался в Бродах!). Мы же хотели уже не запечатывать вагона, чтобы он нам мог служить складом. Завтра выясним этот вопрос. Так как лошадей всё ещё не имеем, нам очень желательно оставить груз на всякий случай в вагоне, который можно прицепить в любой момент...

Затем я с Солтыком поехал в город, где мы виделись со всеми властями поддерживающими: очень любезным этапным комендантом-полковником и приставом-пьяницей, типичной провинциальной полицейской крысой. Довели их до значительной степени смущения. Кой-какие меры будут приняты, однако.

Сегодня здесь появился ещё один прекрасно оборудованный железнодорожный дезинфекционный отряд в четырёх вагонах, с камерами и т. д. Старший врач его вчера имел разговор с начальником сан.части, из которого надо вывести заключение, что мы тут, во всяком случае, долго не останемся, что нас скоро отправят по корпусам армии, значит, вероятно, скоро дадут лошадей и повозки. Вообще наше положение здесь очень неприятно...

Доставили сегодня и ещё одного холерного. Однако он не дождался отправки в Броды и экзитировал к вечеру. А недавно нам привезли ещё одного с подозрением на *abdominalis* [*брюшной тиф*]. До завтра решили оставить в другом вагоне, если выяснится, то отправим завтра.

¹ Именные дезинфекционные отряды — отряды, носившие имена их устроителей.

Получили мы, между прочим, в полевой аптеке и сыворотки! Даже противодизентерийную! Я думаю привить холеру и тиф всей команде и нам, будем поступать научно! Чем мы хуже немцев? <...> Как хорошо, что ты мне не только жена, но и товарищ по работе. <...> За меня не беспокойся нисколько. Мы осторожны. Я себя считаю гарантированным от всяких неприятностей.

Погода жаркая, солнечная. Настроение, в общем, хорошее, несмотря на неприятности с «товарищами».

Радзивилов, 19 июня 1915 г.

Была возня. Привезли днём несколько энтеритиков [больных с воспалением тонкой кишки] и двух абдоминальных, а вечером принесли на носилках швейцара со станции в предсмертной агонии. Он тут же и скончался. По-моему, это не холера, а естественная смерть. Жена его рассказывает, что давно уже хворает «пороком сердца». За полчаса до смерти поднимал тяжесть. Коллеги со мной не соглашались, считают более осторожным принимать его за холерного. Пойдёт теперь кататься! В неудобное время вздумал помирать.

Багажный вагон стоит рядом с нашими «летучками», однако его не отпирают. Настаивают на том, чтобы мы взяли весь груз, чтобы можно было остальное отправить в Броды для Пипериди. Мы же не хотим, потому что не знаем, куда деть все вещи пока у нас нет ещё ни лошадей, ни повозок. А воз и ныне там...

Телеграммы всем вам не послал, потому что на телеграфе сказали, что они идут теперь медленнее почты.

Газету теперь опять читаем каждый день. Получается «Киевская мысль» за предыдущий день. Когда я получу Р.В.? <...> Обедаем мы здесь в госпитальном пункте бесплатно. Кормят очень хорошо и вкусно, домашний стол из трёх блюд. Там же другие и ужинают. Я же и Звездин вечерами остаёмся дома. Неловко как-то без нужды злоупотреблять бесплатной любезностью.

С «товарищами» отношения остаются скверными. <...> Очень много читаю. Кончил «Чего ждёт Россия от войны»¹. Подчеркнул те статьи, которые стоит читать. Взялся за Елпатьевского «За границей»². Что это за прелесть! Ты непременно должна прочесть всю эту книгу. Написана увлекательно, вдумчиво, остроумно. И хороший человек пишет...

Радзивилов, 21 июня 1915 г.

Вчера приняли в свои вагоны двух холерных и одного энтеритика. Я их даже не видел, приняли без меня. Сегодня я с 8 часов утра и до 4-х дежурил у вагонов, совершенно бесполезно. Только в 3 часа принял одного больного с *resurgens*'ом [возвратным тифом] (не моя диагностика), которого следовало бы не принимать, а отослать дальше в земскую больницу. Как видишь, деятельность малоинтересная и малопродуктивная. В особенности мне досадно, что приходится так бесцельно торчать у вагонов. Я предлагал дежурить здесь, дома, — благо, что мы

¹ В сборник «Чего ждёт Россия от войны» (Пг., 1915) вошли статьи М.И. Туган-Барановского, П.Н. Милюкова, Н.И. Кареева, В.И. Вернадского, З.Н. Гиппиус, В.М. Бехтерева, А.И. Шингарёва и др.

² Елпатьевский С.Я. За границей (СПб., 1910, 1912).

живём в двух шагах от станции, но **Солтык** настоял на своём. Особенно бесцельно дежурство ночью.

Зато я успел там сегодня закончить Елпатьевского «За границей». <...> Получил истинное большое наслаждение от чтения этой книги.

Долго ли мы останемся здесь, не знаем. Думаю, что, вероятно, скоро нас откомандируют по корпусам. Я надеюсь, что тогда продуктивней будет работа, будет больше разнообразия. С другой стороны, и здесь есть преимущества: просторное помещение, газета на другой день и ванна с душем. Ежедневно утром я моюсь в ванне весь тепловатой водой, а вечером принимаю холодный душ, — я чистый!

Вчера наконец распечатали вагон с нашим грузом. Вытащили мы все свои вещи. Казённое имущество оставили под охраной рядом с вагонами, а своё забрали. Спал я на своей походной кровати, оказавшейся чрезвычайно удобной. Перебрал провизию и склад книг, полюбовался и надышался снова Хабибулинским мылом.

Радзивилов, 22 июня 1915 г.

Жизнь вошла в известную колею... Пока нас из этой колеи не вышибут снова...

Сегодня опять приняли в вагон трёх холерных. Опять не местного происхождения. Я не дежурил, а сидел дома. <...>

Сейчас положил в вагон больного солдатика, подобранного на улице. По моему, приступ *malagiae*. Хотел было отправить в земскую больницу, запретил Солтыка. Он ответил, послать в том случае, если я не сомневаюсь в том, что это *malagia*. Ввиду того, что я по первому взгляду не решаюсь ставить безошибочного диагноза, я решил трактовать его как рекуррентика [*больного возвратным тифом*] и положил в вагон. К ночи отправим в Броды.

Радзивилов, 24 июня 1915 г.

Вероятно, завтра мы со Звездиным двинемся обратно. Мы думаем, там нам дадут повозки и лошадей и отправят по корпусам. Наконец-то! Хочется поскорей быть приданным определённой части, да и надоел Солтык, напускает на себя важность.

Хорошо бы попасть младшим врачом к Звездину. Мы бы тогда зажили дружно, ладно. <...>

Я на днях должен получить деньги, и сохранилось у меня ещё около 200 рублей (ведь я получил в Киеве пособие по случаю назначения на новую должность). Как получу, так вышлю тебе около 400 рублей. Ты, однако, не все клади на книжку. Не забыла ли ты подписаться на «Практическую медицину»? Затем хорошо бы ещё кое-что себе приобрести. Я посоветовал бы, например, выписать некоторые издания товарищества «Мир», либо «Русскую историю» или «Историю русской литературы». Выписывай то, что тебе покажется интересней. Затем «Медицинскую микробиологию» Тарасевича¹ (вышел третий том), Даркшеви-

¹ Медицинская микробиология для врачей и студентов. Под ред. Л.А. Тарасевича. Т.1—3. Пг.; Киев, 1912—1915.

ча¹. Попрошу тебя купить непременно: Meyer u. Gottlieb: «Экспериментальная фармакология»². Эту книгу читает Катович. Она очень интересна. Я здесь её тоже прочту, но хочется её иметь и в будущем. Наконец, Шурочка, если у тебя остались какие-нибудь долги или нужны расходы, то, конечно, ты не задумаешься располагать деньгами как угодно, ведь так? На книжку только чистый ненужный остаток! Нам нечего копить, во что бы то ни стало с молодости! <...> Ведь эти деньги мне прямо-таки даром даются...³

Радзивилов, 25 июня 1915 г.

Так и есть: сегодня подтверждён нам приказ отправляться в Броды. Завтра утром мы туда поедем. Пипериди там уже получил приказ отправляться в Злочов⁴. Вероятно, и нас назначат в разные места. Нас, то есть Звездина и меня. Солтык до поры до времени остаётся здесь, но и его предупредили, что скоро потребуют. Дай Бог нам поскорей настоящую работу, хотя какую ни на есть!

С Солтыком у меня сегодня была крупная неприятная сцена из-за исчезнувшего будто бы в моё дежурство халата. Говорили весьма повышенным тоном. Он заявлял о своих будто бы правах, я их отрицал и не признавал его компетентности. Он меня упрекнул неуживчивым характером, дескать, со всеми успел перессориться...

Шурочка, что же это такое? Ведь с коллегами в Москве и госпитале я жил всегда дружно, отношения самые лучшие! С Звездиным здесь у меня тоже наилучшие отношения. Он из средней России, володимерец, а вся эта южная и юго-восточная публика совсем не по мне. Они мелочны, чванливы и неумны... Это моё глубокое убеждение. Я очень, очень буду рад отряхнуть этот прах с своих ног. После этих господ даже прибалтийские немцы мне кажутся, чуть ли не широкой натурой!.. Правда.

Вчера, когда я запечатывал письмо к тебе и писал адрес, я громко выговаривал твоё имя, отчество и фамилию. Ведь я никогда не пропущу случая, чтобы не поговорить о тебе, похвастаться тобой. Звездин, который слушал, тогда обратился ко мне с вопросом, не сестра ли ты доктора Василия Ивановича. Я подтвердил. Оказалось, что они когда-то вместе учились в Юрьеве, а затем встретились в японскую кампанию. У Звездина остались самые лучшие воспоминания. Поговорили вообще о костромичах и владимирцах; он вспоминал, рассказывал. Вообще он хороший человек. Единственная светлая личность на общем тёмном фоне. <...>

¹ Даркшевич Л.О. Курс нервных болезней. Т. 1–3. Казань, 1904, 1914, 1917.

² Мейер Г. и Готтлиб Р. Экспериментальная фармакология как основа лекарственного лечения. СПб., 1913.

³ Несколько позднее, в письме от 8 августа Ал.Ив. высказалась по поводу присылаемых женихом денег: «В том месяце я получила от тебя так много денег, что, я думаю, мне скоро придётся заводить другую книжку. Ведь при почтовом отделении можно делать только небольшие вклады. А у нас уже 500 рублей. <...> Странно всё-таки теперь распределены деньги: одни получают много, а другим есть нечего. Это ужасно... Врачи не должны так много получать».

⁴ Город Злочов (Злочув, Злочев), в 30 км к юго-западу от Брод, входил в состав Австро-Венгерской империи, ныне город Золочев Львовской области Украины.

Б[роды], 26 июня 1915 г.

Теперь в письмах я уже не стану больше обозначать место, из которого пишу, чтобы не подвергать письма опасности быть конфискованными. Говорят, что здесь на этот счёт теперь очень строго. Лишь бы вообще доходили письма до тебя!..

Долго мы сегодня собирались в Р[адзивилове] — не было поезда. Наконец-то тронулись медленно, медленно. Здесь в последнее время было много крушений; по сторонам временами попадались покорёженные вагоны и платформы... В первый раз увидел окопы, сооруженные по дороге в Б[роды], — самые обыкновенные рвы, как оказывается. Кажется странным, что они и ряды колючей проволоки в мирной обстановке всего пейзажа могут послужить для целей войны.

Приехали мы сюда уже к вечеру. Долго ждали в санитарном отделе, но не дождались своего начальства. Зашли в полевую почту. Оказалось там два письма Звездину, от 6-го и 13-го, и одно Катовичу из Киева даже от 23-го! Они ликовали. Других писем никому никаких не было.

Узнали, что эта полевая почтовая контора находится всегда при штабе армии, и что можно адресовать вполне точно так: 8-я действующая армия, 10-я полевая почтовая контора, такому-то отряду и врачу. Письма сохраняются у них до востребования. Я думаю, что лучше бы тебе отныне адресовать сюда. Говорят, что письма доходят довольно быстро и аккуратно. <...>

Пишу тебе, а где-то далеко бухают пушки, доносится раскатистый гул. Пипериди, как оказалось, получил четыре повозки, по две лошади упряжных на повозку, и пару лошадей верховых. Он сегодня до нашего приезда уехал к месту назначения в 12-ти верстах отсюда, в распоряжение этапного коменданта. Вероятно, и мы будем обслуживать тыл корпусов, пути из снабжений, по которым проходят войска.

Как-то я буду сидеть на лошади? Уморительно, — ведь я совсем отвык, с 907-го года не сидел. Вот когда, наконец, начнётся походная жизнь!

Б[роды], 29 июня 1915 г.

Пишу тебе о наших происшествиях за последние три дня. Предварительно сообщу на всякий случай, что из Р[адзивилова] в последний день отправил книжку и 150 рублей денег; надеюсь, что не затеряются. Говорят, что почта теперь совсем наладилась. Как только получу жалованье и порционные, pošлю тебе ещё 250 рублей и такую сумму надеюсь посылать тебе ежемесячно. Буду стараться жить скромно, пора же за ум взяться. <...>

Лошадей и повозки мы получили вчера вечером: 10 лошадей, из них две верховых, и четыре крестьянских повозки. Пока всё оставили там, откуда нам их дают. Думаем, что не сегодня-завтра нам будет назначение, тогда и возьмём. Прикомандировали нам и по пять нижних чинов для ухода за лошадьми. Как видишь, мы теперь уже немалая часть. Когда двинемся в поход, то образуем длинную ленту!.. Вот какая я теперь важная птица.

Вчера в санитарном отделе происходило совещание всех медицинских начальников частей армии для выработки определённого плана санитарных мероприятий. Вероятно, и мы в этих мероприятиях будем играть известную роль, и наша доля участия уже predetermined. Пока, однако, нас ещё не известили ни о чём.

Заказал я сегодня нашему столяру ящик для канцелярии, складной столик и табуретки. Он с рвением взялся за дело — изленились ведь все мои солдаты

от ничего не деланья. Корехов остаётся бравым парнем. Я думаю, что на него я могу положиться. Бобровника же (тот, что получил отпуск и опоздал на сутки с лишним) я ещё в Киеве себе приметил. Да и ты считала его плутоватым. В Р[адзивилове] у доставленного со станции покойника (швейцара станции, помнишь?) пропали часы. Пало подозрение на Бобровника. Солтык метал громы и молнии, он бы всё испортил. Мне же с Кореховым удалось дело покончить миром. Часы нашлись, но Бобровник и в самом деле оказался тут виноватым. Поставь дело официально — и он пошёл бы под расстрел. А так ему вышел хороший урок. Я думаю, он его не забудет <...>

Объявили войну мухам и двинулись на них походом. Вооружились листами клейкой бумаги и ловим, ловим... Тоже занятие. Не жарко, появились тучи, дождь.

Б[роды], 30 июня 1915 г.

Моя милая Шурочка. Уже поздно. Коллеги спят. Только Катович сидит против меня и тоже пишет письма домой. Ведь завтра едет мой младший унтер в Здолбуново, он должен принести мне письмо от тебя и из Риги, московские газеты. Он же отнесёт наши письма елико возможно ближе к России. Дай Бог ему удачи во всех его делах! <...> Только теперь я, наконец, привожу в порядок свою канцелярию. Закончил книгу входящих и книгу исходящих бумаг, собрал все бумаги и рассортировал их по отделам. Написал опись имуществу, собрал и пронумеровал все счета. Завтра возьмусь за денежный журнал и за книгу приказов. Как это скучно! Да, скучно, но ничего не поделаешь — необходимо. И даже приятно сознание, что, наконец, всё устраивается.

Сегодня весь день слышна была далёкая канонада. Сейчас тихо. Слышен только сверчок и далёкий лай собаки в поле...

Стало прохладней. Мух столько же. <...> Обеды в ресторане очень вкусны и сытны.

Б[роды], 2 июля 1915 г.

Уж ты меня простишь, что пишу сейчас быстро и кратко. Уже поздно, а через несколько часов придётся вставать и двинуться в поход. Дело вот в чём: ещё вчера Звездин получил приказ отправиться в 7-й корпус, а сегодня утром я получил приказ отправиться в 8-й корпус. Вчера мы опять вели беседу с начальником санитарного управления Сахаровым и снова вынесли из этой беседы самое отрадное впечатление. Надеемся, что удастся хоть что-то сделать.

Сегодня я целый день был в бегах по делам службы: в санитарном отделе, в интендантстве, в казначействе, на почте. Между прочим, отправил тебе очередные 250 рублей. Надеюсь, что удастся так отправлять каждый месяц. Сделал кой-какие закупки — и для себя, и для отряда. Получил лошадей, доставил груз со станции, выдавал нижним чинам жалованье, говорил им внушительную речь по поводу выступления. Упаковывал, заканчивал кой-какую отчётность по книгам, писал рапорты. Как видишь, имею полное основание чувствовать себя слегка утомлённым и тянуться к постели. Надо ещё написать матери; вчера не успел.

Хотелось бы тебе поподробней написать, в какое место мы едем, да боюсь, что цензура может задержать из-за этого письмо. Тебе ведь всё равно. Одним словом, приблизительно в десяти верстах за линией фронта.

Придётся ехать кружным путём, так как поперёк, говорят, одни пески и нет порядочных дорог. Таким образом, нам придётся сделать конец в 50 приблизительно вёрст. Выезжаем в 6 часов утра. Встанем в 5 часов.

Не знаю, придётся ли писать тебе завтра, а если придётся, то удастся ли отправить. Мы едем в сторону от магистрали.

Р[адзихов]¹, 4 июля 1915 г.

После того, как я кончил тебе писать прошлое письмо, я написал ещё матери. Стало поздно — 2 часа ночи. Потом ворочался и долго не мог заснуть. Разбудили в 5 часов утра. Стали собираться. На тесном дворике два наших отряда нагружали свои последние пожитки. <...> Потом мы кратко рукопожатием распростились с Звездиным и поехали в разные стороны — он на юг, а я на север! Нам обоим очень жаль, что нас не назначили в соседние части — всё-таки изредка бы виделись. Мы успели уже попривыкнуть друг к другу. Звездин даже уже определённо перешёл на «ты», я же только в особо интимные минуты. Он охарактеризовал наши отношения: «знаешь, главное, что мы друг перед другом можем не стесняться и понимаем друг друга; *эти* — слишком чуждый нам народ»... И я с ним вполне согласен.

Отношения наши с Катовичем, однако, продолжают улучшаться. Роль тут сыграло и твоё приветствие ему. Ты — наш добрый гений. Он со своей стороны просил передать тебе свой привет, что я и выполняю. Другая причина та, что мы теперь остались одни, и нам волей-неволей приходится считаться друг с другом и обмениваться взглядами и мыслями. Тёплых и сердечных отношений, конечно, не будет, но корректные — возможно; дай-то Бог.

Я отклонился от темы. Итак, я сел на лошадь верхом, Катович на одну из наших телег, и наш отряд двинулся в путь. Шли мы, конечно, шагом. Первые часы мы шли по хорошему шоссе, и лошади не уставали. То полями, то лесочками. Пейзаж вроде нашего российского: поля и луга, равнины и небольшие холмики. На многих полях уже убирают хлеб. Крестьянки в типичных малороссийских рубахах, с приветливыми широкими лицами — народ хороший.

Вначале было совсем нежарко, а потом стало припекать. Делали привалы в тени лесочков. На лошади я чувствовал себя только в первые минуты неуверенно, а потом быстро вспомнил времена молодости и убедился, что я ещё не так уж плох... Благо и лошадь попалась хорошая, смиренная. Только автомобилей пугается. И приходится её тогда держать под уздцы.

Временами попадались целые запущенные поля с ярким маком — красота! А васильков, васильков-то! Чувствую я, что это большой минус в моём образовании, что я мало знаю деревню, вообще природу, но восторгаться ею я могу. Быть может, даже особенно сильно потому, что мало её знаю.

В первом часу дня в большом селе сделали продолжительный привал, — на два часа. Там распрягли лошадей, накормили их. Солдаты сделали свои припасы, а мы с Катовичем достали кипятку и пили чай с сухарями. Провизии с собой мы везли много — целый ящик и даже больше.

¹ Радзихов (Радзихув) — ныне город Радехов на северо-востоке Львовской области Украины.

Отдохнув, двинулись дальше. На перепутье нам указали неверный путь. Карта неточна, не всё занесено на неё. Как бы то ни было, одним словом, мы сбились с пути и попали в непролазные пески, где наши лошади быстро замаялись. От встречных узнали о нашей ошибке. Они же нам указали, как через леса выбраться на правильную дорогу. Долго мы шли лесами, густыми и тёмными. Когда стали из них выходить, вдруг поднялся ветер, который скоро превратился в настоящую бурю. По полям носились густые тучи пыли, так что не видно было горизонта. Вообще местность эта вдоль границы очень мало заселена, и мы двигались, чуть ли не целыми часами не видя никого.

Между тем буря всё усиливалась. Со всех сторон на нас быстро шли тёмные тучи. Когда мы, наконец, стали проходить через большое селение, где напоили лошадей, разразился ливень. Можешь себе представить своего Ёжку в такой обстановке: впереди идёт четыре телеги, нагруженные всякими там ящиками и багажом, ничем не прикрытые. На них сидят и около них идут наши солдатики, а сзади верхом еду я в брезентовой накидке. Ветер так и рвёт, как бешеный, лошадка моя волнуется, так и изгибается под порывами его, а сверху так и льёт, и хлещет дождь, как из рога изобилия.

Шли мы так, молча около часу. Тогда только понемножку прекратились и дождь, и ветер. Перед закатом даже выглянуло солнышко. Лошади наши окончательно задохлись по грязи, а мы все устали адски. Больше всех, конечно, устал я: во-первых, почти не спал, во-вторых, почти весь день сидел на лошади, а это без привычки кое-что да значит. Насилу доплелись до одного фольварка, где мы и расположились на ночлег. У управляющего достали хлеба, молока, яиц. Там же расположились и наши люди.

Когда, наконец, мы вошли в комнату, я еле держался на ногах, тем более что страшно болела голова. Успел только выпить стакан чаю с хлебом и съесть два яйца, как и повалился, как сноп, на кровать и тут же заснул мертвецким сном. Писать я тебе не мог, хотя бы по той причине, что пальцы рук, державшие весь день поводья, не повиновались... Таким вышел наш дебют.

Сегодня мы встали в 6 утра, выехали в 7, а в 9 часов уже приехали в Р[адзихов], где узнали, что только что приехал сюда и штаб нашего корпуса. Нам, значит, не нужно было ехать дальше. Корпусной врач после поездки ещё спал, а посему мы занялись отысканием помещения. Таковое нашлось рядом с площадью, достаточно сносное. После я пошёл к корпусному врачу, который меня встретил очень хорошо и любезно, и с которым, мне кажется, тоже можно будет жить и ладить. Он старик, но держится бодро, приветлив и, говорят, добр. Он мне сказал, что нам придётся работать через несколько дней, когда с позиций вернётся санитарно-гигиенический отряд, который будет нам указывать, где нам прикладывать свою энергию.

О дальнейшем, милая Шуручка, завтра. Уж прости, что так сухо-повествовательно: мне всё ещё страшно хочется спать...

Р[адзихов], 5 июля 1915 г.

Не кончил я ещё описания вчерашнего дня. Приехали мы вчера утром в десятом часу. Не знали точно, здесь ли находится штаб, в который мы должны обратиться. Оказалось, что штаб только что приехал и ещё не расположился.

Пришлось нам некоторое время подождать. Затем я разыскал коменданта, который предложил нам самим озаботиться приисканием помещения. Послал своих молодцов на разведки, и скоро мы начали устраиваться в небольшом домике-хате недалеко от центральной площади. Сравнительно чисто, в особенности, когда наш Дмитрук вымыл полы и прибрал. Лошадей мы поставили напротив дороги у изгороди, груз убрали в сарай под одной с нами общей крышей. В общем, получилось недурно.

Потом попили чайку, пообедали яйцами с хлебом, расположили вещи. После этого я пошёл к корпусному врачу, который, как я тебе уже писал, встретил меня хорошо. Однако, когда я заикнулся было о нашей роли «наблюдать в санитарном отношении за путями снабжения армии» (как нам указывал в Б[родах] Сахаров), он достаточно определённо указал мне «не наблюдать, а дезинфицировать по указаниям санитарного врача корпуса» и, таким образом, сразу поставил нас в более узкие рамки. Этим самым, правда, он с нас снимает и некоторую ответственность: ведь наша работа будет чисто исполнительной.

Сказав, что в ближайшие дни, до приезда сан. гигиенического отряда, у нас, вероятно, работы не будет, он меня отпустил. Так как мы все очень устали, мы скоро залегли спать. Но спать нам не пришлось: только что мы стали засыпать, как за нами прислал корпусной врач, предписал провести у него в порядок о[тхожие] места! Пришлось тут же распаковывать все ящики, ведь мы не знали, где что находится. Пришлось приготовить растворы наскоро, разводить сулему, формалин и т. д. Послал туда Катовича, фельдшера и нескольких санитаров, которые там и провозились до вечера. Тем временем я проверил содержимое ящиков. Потом мы оба писали письма и легли спать всё-таки в первом часу. Зато думали выспаться сегодня...

Не тут-то было! В 7 часов утра присылает за мной корпусной врач, велит осматривать местечко. Я вскакиваю, быстро бреюсь (я пять дней не брился!), и бегу к нему. Там застаю санитарного врача корпуса Архипова¹, ещё молодого и симпатичного. <...> Нас познакомили, а потом предложили осматривать вдвоём в санитарном отношении местечко. И вот мы с утра обходили все дворы, осматривали все стоянки частей войск. Оказалось, что там, где стояли части нашего корпуса, было чисто убрано, все приспособления и удобства согласно правилам и предписаниям. Видна была забота Архипова, который здесь (то есть в корпусе) находится уже с месяц. Он деятельный и энергичный. Раньше он был ординатором госпиталя, [который] формировался в Воронеже. В мирное время он — санитарный врач города Орла.

В соседнем корпусе было много грязи и упущений, но там мы оказались бесильны. Теперь улицы подметают, навоз вывозят, дворы чистят, мусор сжигают. Но, Боже, что за грязная страна эта «заграничная» Галиция! Что делается на задворках! Колодцы рядом, совсем рядом с переполненными отх[ожими] местами! А баня! Внутри гадость, грязь, а все воды стекают без всяких даже канав просто так, по дворам, по лужкам!.. Вониче издали! А вот ещё с осени закрытая бойня! Ближе подойти нельзя, смердит отчаянно. Деревянное зданье, стоящее на столбах. Все отбросы просто бросались в люк, а кровь стекала на землю. Не-

¹ Архипов Василий Михайлович — санитарный врач корпуса, прежде санитарный врач Орла.

смотря на обилие неоднократно применённой извёстки, земля насквозь пропитана гниющими массами и зловонием! Хотим сжечь до основания. Вообще здесь санитарному врачу есть дело, по дезинфекционной же части пока ничего... Говорят, что холеры в нашем корпусе теперь почти нет. Попадают только редкие случаи, а было значительно больше.

Ходили мы по жаре до двух часов дня. Потом пошли по домам отдохнуть. Тем временем Катович окончательно проверил содержимое всех ящиков и выбрал всё то, что может понадобиться.

Опять не обедали, а достать здесь нельзя почти ничего. Хотели устроиться в собрании, но там отказали, так как будто бы у них отбирают поваров. Завтра пойду в соседний госпиталь и постараюсь там устроиться. Наши солдаты тоже ещё не пристроены. Выдаём деньгами. Обещали их прикомандировать в желудочном отношении к сан. гигиеническому отряду, но его ещё нет. То же самое с лошадьми. Интендантство в фураже отказало, пришлось купить в деревне воз сена за 7 рублей. Счёт имею, но не знаю, в какую часть его пристроить — не предусмотрено. Придётся из собственного кармана — не голодать же лошадям!.. Завтра утром посылаю Катовича в Б[роды] за кормовыми деньгами. Уже давно выдаю своим солдатам из собственного кармана, потому что в Б[родах] затянули, и мы не успели в интендантстве получить... Теперь же осталось у меня и своих-то только 30 рублей.

Вот видишь, какие у меня заботы. Я нарочно останавливаюсь на всём так подробно, чтобы ты могла получить полную картину нашей жизни здесь и условий, в которых она протекает. Я уверен, что не может не быть тебе интересным всё то, что касается моей деятельности здесь.

Р[адзихов], 6 июля 1915 г.

Всё возня с канцелярией. Ведь привести в порядок все эти книги, да ещё не имея никакого опыта, это штука немалая. <...> Зато, слава Богу, удалось сегодня пристроить людей и лошадей. Даже сам пристроился в отношении продовольствия. Пошёл утром к корпусному врачу и снова спросил его, как быть с людьми и лошадьми. Так как сан.-гигиен. отряд всё ещё не едет, а они голодают (ведь здесь и за деньги трудно, что получить). Тогда он вместе со мной пошёл к начальнику обоза корпуса и пристроил наших солдат и лошадей на довольствие к нему. Спросил меня, где я обедаю. Я ответил, что пока нигде, что в собрании мне отказали, и что я собираюсь сегодня же попросить гостеприимства в соседнем госпитале. «Это не должно быть. Вы причислены к штабу и должны устраиваться вместе со штабом», — и тут же пошёл к хозяину собрания и добился нашего принятия туда. В тот же час я там пообедал очень сытно и вкусно. А вечером поужинал, тоже очень сытно и вкусно. Всё это удовольствие (сюда входит и хлеб, и чай, и сахар, и молоко, и сыр, и колбаса) обходится в 30 р. в месяц! Если мне при таких условиях не удастся хоть кое-что сэкономить, то меня следует повесить.

Во время ужина в парке фольварка, в котором помещается штаб, играла военная музыка!.. Совсем хорошо... Изредка издалека доносится орудийная стрельба, почти так же далеко, как и в Б[родах]. Третьего дня, в вечер приезда, над Р[адзиховом] летали два аэроплана, вероятно, наших, так как не стреляли по ним. Красиво!

Сегодня отправил Катовича в Б[роды] за деньгами. Дело, к сожалению, не обошлось без трений. Мы вчера вечером написали все бумаги и условились, что он поедет в 7 часов утра, чтобы успеть ещё в тот же день в казначейство и иметь возможность завтра же рано утром выехать из Б[род]. Ведь нам кормовые деньги нужны поскорей. Сегодня утром я просыпаюсь в 7 часов утра, а он ещё спит. Я его бужу, он мне в ответ:

— Я сегодня не поеду.

— Почему?

— Очень плохо спал ночь. И сейчас болит голова...

— Всё-таки Вам придётся ехать, так как это необходимо. Это не мой каприз.

— Я думал, что я имею дело с человеком, а не с железом. Хорошо. Я поеду!..

— Поймите, я с удовольствием сам бы поехал, но ведь мне сейчас нельзя.

Молчит, медленно, медленно одевается, заваривает чай, жуёт, не спеша. Потом сидит у окна и выглядывает наружу. А лошади и люди давно готовы, ждут.

— Вы поедете, Катович?

— Поеду, но подожду, пока не перестанет дождь. Можно бы и завтра поехать.

— Нет, я Вас попрошу поехать сейчас же, чтобы успеть сегодня же в казначейство.

— Если Вам нужны деньги, я мог бы Вам дать. Вы не человек, Вы какой-то каменный!

И, демонстративно хлопнув дверью, уезжает. Как на грех, сегодня почти весь день идёт дождь.

Р[адзихов], 7 июля 1915 г.

Вышло так, что придётся ограничиться несколькими словами. И вот почему: ждал до 9 часов Катовича, думал, что он мне из Брод привезёт письма от тебя, и потому не начинал. <...> Но Катович не приехал. Нет его и сейчас.

Вместо него зашёл наш санитарный врач Архипов и принёс мне приказ корпусного врача завтра на рассвете отправиться в одно село (в десяти верстах отсюда) и произвести там тщательную дезинфекцию в четырёх хатах, в которых среди местного населения было на днях четыре случая холеры. Обследовал там сегодня наш санитарный врач. Пришлось спешно отдавать распоряжения, готовить растворы и т. д. Сейчас же я лягу спать, чтобы быть свежим. Очень доволен, что нашлась работа — всё-таки не будешь чувствовать себя слишком уж ненужным. <...>

Не помню, написал ли я тебе новый адрес, по которому ты должна писать. Поэтому повторяю: 8-я действующая армия, 10-я полевая почтовая контора, л.с.д.отр. [летучий санитарно-дезинфекционный отряд], такому-то.

Есть у меня материал для предохранительной противотифозной прививки, а книжку Абрамова¹ я никак не могу нигде найти; осталась каким-то образом в

¹ Абрамов С.С. Предохранительные прививки, их теоретическое обоснование и практическое применение. М., 1915.

Киеве. Был бы очень рад, если бы ты мне снова прислала. Не в Москве ли остались и мои две брошюры о холере (Афанасьева и ещё кого-то¹). <...>

Целый день льёт дождь. Убрал свою комнату. Стало прямо-таки уютно. Развесил карты, да вот газет нет: последнюю читали от 1-го числа. Не знаем, что творится.

Р[адзихов], 8 июля 1915 г.

Я сегодня устал адски. Так и тянет в постель, рука плохо владеет пером. Целый день работал физически, сидел на лошади. Дезинфицировали четыре халупы. Подробности завтра. Сейчас только хочу тебе сообщить, что приехал, наконец, вечером Катович, который привёз мне два письма, и солдат, посланный за презентом, привёзший из Здолбунова три письма... <...>

Боюсь, что с завтрашнего дня придётся объезжать ряд сёл, для осмотра их в санитарном отношении. Завтра у нас будет по этому поводу совещание.

Устал, иду спать. Спасибо, моя милая Шурочка, за сегодняшний праздник. Твоё последнее письмо было с штемпелем: «вскрыто военной цензурой». Все твои письма я получаю, пиши смело.

Р[адзихов], 9 июля 1915 г.

Сегодня ни читать, ни даже спокойно писать нельзя. Завтра в седьмом часу утра я выступаю с несколькими из своих нижних чинов, на одной подводе в поездку для санитарного осмотра местечек, сёл и деревень расположения тыловых частей войск своего корпуса. Мы с санитарным врачом и ещё одним коллегой поделили между собой этот район. На мою долю досталось около 15—20 местечек. Утром занимался отчётностью, рапортами и т. п., днём совещались, выработывали план действий. Потом я бегал устраивать своих людей в отношении продовольствия. Вечером собирал пожитки и т. д., а ночью уже написал одно письмо матери, день рождения которой сегодня. И вот пишу тебе.

Завтра утром выступаем. Вероятно, придётся околачиваться дня три. Едва ли удастся справиться за два дня. <...> Убеждён, что настанет скоро спокойный период. Это вначале новая метла всегда старается.

Всё-таки возьму с собой чернила и почтовую бумагу. Может быть, удастся написать тебе несколько слов, только удастся ли отправить? <...> Мои письма имеют, по крайней мере, одно достоинство: они дают верное изображение условий моей жизни, моих настроений, смены впечатлений.

Р[адзихов], 12 июля 1915 г.

Опять я целых два дня не писал тебе. <...> Я целых два дня скитался по сёлам и деревням самого края северо-восточной Галиции; где уж тут письма писать...

Опять приходится повествовать. Таковыми теперь, вероятно, преимущественно и останутся на некоторое время мои письма. Пока все наши события примут характер повседневности и перестанут интересовать своими подробностями. <...>

¹ Афанасьев М.И., Вакс П.Б. Азиатская холера. СПб., 1907.

Заготовив накануне все необходимые принадлежности, как-то: сулему, едкую известь, зелёное мыло, неочищенную карболовую кислоту и т. д., а потом нашу офицерскую палатку и личные вещи, нагрузив всё это и ещё походную кровать на одну телегу, посадив на неё фельдшера и санитара и сев сам верхом на лошадь, — мы рано утром третьего дня двинулись в путь. Погода была ясная, тёплая, днём даже жаркая.

Только что мы поехали по большой дороге, как услышали шум мотора аэроплана: высоко над нами он как раз над головами нашими пересекал дорогу, такой изящный и быстрый. Через некоторое время он вернулся, уже довольно низко летая. Тут мы увидели, что это наш, а не австрийский аэроплан.

Потом у нас пошло уже всё, как по ниточке: заезжали в какую-нибудь деревню, спрашивали старосту и расспрашивали его относительно бывших смертных случаев, заболеваемости, о числе дворов и колодцев. Осматривали колодцы, рассматривали воду, обращали внимание на почву, протекающие ручьи и т. д. В каждой деревне я с наслаждением знакомился с ребятами, заводил с ними разговоры, шутил с ними. Одним словом, отвёл душу. Ребятки у них славные. Да, впрочем, разве они могут быть иными? Попадают типичные российские деревенские физиономии, но общий тип всё-таки как бы тоньше, деликатней. Народ мне понравился: видимо, простой и чистосердечный. К русским и всему русскому относятся очень доброжелательно: видимо, искренно и без угодливости. Да это и понятно: наши хохлы болтают с ними совсем свободно. Живут русины, в общем, бедно. Общий вид деревень типичный хохлацкий, с белыми мазанками. И всё же моего санитаря, самарского мужика, поразило обилие зелени и плодовых деревьев около хат. Сравнивал со своей деревней. Вообще многому наши солдатики научаются и у своих, и у чужих.

Вот недавно я подслушал разговор между Кореховым (Архангельская губ.), Рязановым (Самарская губ.) и хохлом Мирко. Любопытно, как они каждый другому про свои домашние обычаи и порядки рассказывали! Все они хлебопашцы, есть чему научиться у других...

Так вот записывал все добытые сведения, садился на коня — и дальше, в следующую деревню с той же программой. К первому вечеру сделали уже больше половины. В девятом часу вечера стали раскладывать палатку на опушке большого леса, на лужайке около маленькой деревни. Вышла луна. Было сначала тихо, тихо... Потом — бах! Издали раздались выстрелы орудий, и потом стреляли без перерыва, как из пулемёта. Вероятно, это и есть нечто близкое к «ураганному» огню... Было жутко при невозмутимой тишине окрестностей слышать эти далёкие непрекращающиеся звуки. Так всю ночь и бахали без перерыва.

Ночью у меня почему-то сделался озноб, а утром вчера я проснулся совсем разбитый. Не привык я ещё к некоторым лишениям. Прежде всего, не наладил ещё свой желудок. Ведь в штабе обедать приходилось всего-то три дня. А потом этот отъезд, целый день верхом на лошади, без основательной пищи, в жару... Так я вчера и ехал всё время с сильной головной болью и весь какой-то слабый. Вернулись в 7 часов вечера. Я сразу, помывшись, завалился в постель, принял 0,6 фенаcetина, выпил горячего чая. Сначала знобило, потом пропотел, затем крепко заснул, а сегодня проснулся уже совсем здоровый. А после обеда стал себя чувствовать даже совсем хорошо. <...> Теперь, вероятно, некоторое время придётся сидеть дома, и я успею опять совсем наладиться.

Сегодня утром написал доклад о своей поездке и пошёл к корпусному врачу. Разговоры у нас с ним наилучшие, ни тени каких-либо недоразумений. Товарищи из санитарно-гигиенического отряда зовут нас переехать к ним. Но я отнюдь не хочу. Мы тут уже устроились и сжились. К тому же у них нет помещений для наших нижних чинов, и им пришлось бы ночевать под небом, а без нужды — к чему же? Впрочем, кажется, у нас возьмут всех наших солдат к 1-му августа, как моложе 35 лет, и пошлют их в строй. Вопрос этот относительно нашего отряда ещё не решён. Было бы очень обидно. Особенно с Кореховым и Рязановым мне не хотелось бы расстаться. Люди они серьёзные, дельные, работают хорошо, и на них можно положиться. Хохлов мне не так жаль. Те как-то ленивы и болтливы. Да, было бы жаль... <...>

Результат моего объезда вполне благоприятный. Только в одной деревне я нашёл один случай дизентерии. В остальных — заразных заболеваний не оказалось. Вода почти везде прекрасная. Колодцев много, почва больше песчаная. <...>

Днём была жара, сейчас благодетельный дождь. Вдали бухают пушки. Катович пошёл дезинфицировать баню, а я воспользовался его отсутствием. Как-то лучше текут мысли, когда никого нет поблизости. Теперь буду писать аккуратно. <...>

И от матери нет ничего с 17 июня! Я даже не знаю, можно ли им ещё туда [в Ригу] писать. Ведь газет у нас никаких, и мы решительно ничего не знаем... Вам там, в Москве хорошо! Вы хоть знаете, что на свете делается. <...> Сегодня опять занимался канцелярией. Больной это у меня вопрос. Книг давно уже не брал в руки, лежат в ящике. Обидно, что куда-то исчез Абрамов.

Р[адзихов], 13 июля 1915 г.

Сегодня я пошёл на почту и там нашёл для себя целых три письма от тебя, от матери одно письмо и от Карлуши две открытки. Я получаю теперь все твои письма без исключения. <...> Ты спрашиваешь, можно ли сюда посылать отдельные номера газет. Конечно, можно, и по совести сказать, когда мне на почте дали твои письма, я очень настойчиво требовал розыска и газет. Я ведь неисправимый газетоман. А здесь, где по целым неделям их не видишь, они особенно дороги. Впрочем, там же на почте мне удалось присмотреть несколько последних номеров чужих газет. Всё-таки начинаю теперь немножко беспокоиться за своих родных... Что с ними будет? <...>

Мне после двух дней передышки завтра опять придётся объезжать новый регион. На этот к западу от Р[адзихова], по направлению к позициям. Всё бы очень хорошо, да вот ещё какое-то нытьё в животе, не совсем ещё наладился он. Никогда раньше я не знавал такой гадости. После объезда этого района нам дадут передышку. Тогда всё будет обследовано.

Не знаю ещё, брать ли мне с собой все средства или поехать сначала одному, чтобы поскорей покончить с собственно санитарным осмотром и опросом. В случае надобности (а такая, вероятно, будет) можно будет потом послать Катовича с багажом в определённое место. Он здесь пока должен заботиться об очистке города и приведении его всех мест в приличный вид. Не мешало бы и ему поездить, он ведь совсем здоров. Оказался он, кроме всего прочего, ещё порядочным лентяем. Делает всякое дело весьма медленно и весьма неохотно, так что прямо

тошно глядеть. Об обязанностях имеет, очевидно, слабое понятие. Отношения наши остаются неважными. Хотя всеми мерами стараюсь всё делать сам, он, кажется, думает, что я прохлаждаюсь и хочу всё свалить на него. Очень скучная и неумная песня!..

Санитарный врач Архипов — парень ничего себе. Хорошие люди в с.-гигиеническом отряде, милые и симпатичные, харьковский бактериолог¹. За обедом и ужином обыкновенно довольно шумно и непринуждённо, играет музыка, подают вкусные блюда, мороженое и т. д., как в ресторане. Если бы тут с неделю посидеть, можно было бы сразу совсем наладиться.

Р[адзихов], 14 июля 1915 г.

Сегодня я получил письмо от матери от 6 числа. <...> Переживают они там сейчас тревожные дни. Не до празднования им дней рождения. Что с ними будет? Всё покрыто пресловутым мраком неизвестности. <...> Старшие братья, вероятно, будут высланы из Риги, так как находятся в призывном возрасте. Карлушке нашли место при городском трамвае. Надолго ли? Все нормы переворачиваются, понятия меняются, всё летит вверх ногами... Ну, уж и время, Шуручка!

Вчера вечером мы с санитарным врачом обсуждали план действий. Открылись широкие перспективы. Будем наблюдать, контролировать, предупреждать и т. д. и т. д. Беда только вот в чём: он — санитарный врач по профессии, я же в этом отношении самый обыкновенный смертный (не пришлёл ли что-нибудь по общесанитарной части и гигиене?). Он имеет известные инструкции и полномочия, я же — неизвестно кто я, на чём лежит ударение, на первой или второй части нашего наименования. Неизвестно, кому я подчинён — не то прямо санитарному отделу армии (Сахарову), не то корпусному врачу (Вышемирскому). Письменных предписаний я не получаю ни отсюда, ни оттуда... Я должен наблюдать за правильностью исполнения инструкций, но я сам их не имею и не знаю... Одновременно с объездом своего района я продолжаю отвечать за то, что происходит в отряде. Я должен вести всё делопроизводство отряда... Ты знаешь, работы я не боюсь, но я должен же иметь известную базу, знать, что с меня могут требовать и что могу и должен требовать я. Вот ещё и канцелярия! Тут целый рад чисто формальных дел, от которых, однако, я не могу отказаться, и которые отнимают много времени. Хотел сегодня я с утра по всем этим вопросам переговорить с корпусным врачом, но уже не застал его. Он уехал в какую-то дивизию и вернётся только вечером. Однако, так как я без удостоверения ехать не могу, то сегодня я ограничился лишь объездом верхом на лошади двух ближайших к Р[адзихову] деревень, в которых частей войск не было.

В первом селе всё оказалось прекрасно, в другом же я наткнулся на свежую холеру! Третьего дня там захворал старик. Вчера утром умер, его уже похоронили. В другой избе вчера вечером заболел мужчина, который сегодня утром уже умер. По рассказам — типичная *asiatica*². Напротив этой избы, через дорогу, сегодня утром захворала женщина, бывшая вчера ещё вполне здоровой. В 12 ча-

¹ Матвеев Сергей Гаврилович — младший врач санитарно-гигиенического отряда, харьковский бактериолог.

² *Cholera asiatica* (лат.) — азиатская холера.

сов дня я её застал со всеми, по-моему, признаками: цианоз губ и конечностей, втянутое лицо, тоскливое выражение, беспокойство и очень сильно обложенный язык. Холодные руки и ноги, судороги в икрах ног. Нитевидный пульс, понос с утра (к сожалению, испражнений не видел), сильно втянутый, но мягкий живот. При мне у неё появилась сильнейшая рвота. Всё это в течение нескольких часов!! По-моему, к вечеру будет exitus¹. <...>

Пила она сырую воду из колодца, который стоит во дворе предыдущих, где сегодня умер мужчина. Колодезь я тотчас же велел заколотить и поскакал сюда. Но корпусного врача всё ещё нет, а производить дезинфекцию, не изолировав больных, я больше не буду. В той деревне, в которой я производил дезинфекцию (тщательно!) неделю назад, было ещё 12 случаев! Ведь нельзя было убрать самую больную, она там и осталась... Это наш больной вопрос. До сих пор у нас нет никаких больниц для местного населения. Военное ведомство не имеет права принимать. А Всероссийский земский союз² и Красный Крест до сих пор не соорудили. Если бы да своя рука владыка! Быстро бы искоренили все очаги. Ведь тут захвачено самое начало.

Р[адзихов], 19 июля 1915 г.

Вот и вчера не пришлось даже за ручку взяться, а сегодня даже чересчур много пришлось писать, так что сейчас как-то ручка даже плохо уже держится в руке...

15-го и 16-го я находился в разъездах. С утра сел на лошадь и поскакал. На лошади я теперь чувствую себя хорошо и уверенно, а главное, нет уже той общей разбитости на следующий день. Конечно, к вечеру сильно утомляешься, но это уже вполне физиологически.

Задача моя была такая: обследовать, во-первых, все сёла и деревни назначенного мне района в санитарном отношении, так же как и в прошлую поездку, затем осматривать места стоянки частей войск, обозов и т. д. и собирать всевозможные сведения о них. В-третьих, по определённой схеме описывать санитарное состояние целых полков, входящих в мой район. Сюда входит целый ряд вопросов о водоснабжении, питании, одежде, устройстве окопов, отхожих мест, изоляционных пунктов и т. д. и т. д.

15-е число прошло малопродуктивно в этом отношении и по моей вине! Дело в том, что попал я в дивизионный лазарет как раз на именины старшего врача, очень милого товарища. <...>

Устроился лазарет хорошо: в покинутом графском фольварке с роскошным старинным парком и фруктовым садом. В самом доме ещё сохранилась кой-какая драгоценная мебель, на стенах висели гравюры, портреты. В шкафу — библиотека польских, английских и французских книг. На чердаке целый ворох их всюду разбросан. Зеркала, диваны, старинные шкафы... Многое поломано, многое исчезло...

¹ Exitus letalis (лат.) — смертельный исход.

² Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, созданный в августе 1914 г., широко развернул свою деятельность по оказанию медицинской помощи воинам, а затем и беженцам, занимался также снабжением армии.

На следующее утро я двинулся дальше. Попал в околоток одного из двух полков моего района. <...>

Попал в лазарет летучего запасного отряда. Там познакомился с очень симпатичным старшим врачом. Поговорили о заболеваемости местного населения, обошли его лазарет, бивак и т. д. Показывал мне всё, не скрывал недостатки. Я везде и всюду всё виденное записывал в записную книжку для отчёта.

Предложил я ему заняться хоть как-нибудь лечением и изолированием местного населения, так как мы в этом направлении бессильны. Он прямо ухватился за эту идею и предложил отрядить кой-кого из своих фельдшеров и санитаров в соседние деревни для подачи помощи холерным, где таковые окажутся, и телеграфировать в Киев о присылке эпидемического питательного отряда. Решили мы в тот же вечер ещё поехать к корпусному врачу с этими предложениями.

Потом я поехал дальше. Всё ясней становилась ружейная стрельба, всё более грозно бухали пушки. Приехал в Т., где стоял околоток другого полка. Там опять перезнакомился со всеми врачами. Особенно старший врач мне очень понравился, — из идейных земских врачей прежней марки. С ним мы затеяли длинный разговор о дизентерийной и Мозеровской [*скарлатинозной*] сыворотках...

Осмотрел околоток и кухню их полка. Т. в полутора верстах от окопов. Оттуда надо было в К., вдоль фронта. Однако одно открытое место там находилось под обстрелом, поэтому пришлось ехать кружным путём через большой глухой лес. Странная это была поездка: с трёх сторон слышны ружейные выстрелы, время от времени раздаётся орудийный гул. Слышен был и самый вой снаряда, хотя и неясно, ведь до позиций всё же оставалось 1—2 версты. А в лесу тихо. Только изредка увидишь в сторонке прячущихся в чаще леса беженцев-крестьян из соседних деревень с их повозками и коровами. Бедный народ, много страдают они...

Приехал в К. Там до вечера успел только обследовать 2—3 бивака, затем пришлось скакать обратно. По дороге заехал к врачу земского отряда. Там поужинал, а потом вместе с ним поскакали в Р[*адзихов*]. В 11 часов ночи мы были здесь после тоже своеобразной поездки верхом при лунном свете, быстрой рысью по пустынному шоссе при отдалённом гуле орудийной стрельбы.

Корпусный врач с благодарностью принял предложения. Была тут же отслана телеграмма в Киев. В 12 часов ночи я, совсем разбитый, попал в постель. Писать тебе не был в состоянии при всём желании. <...>

Совсем обалделый, я вернулся и в таком состоянии и написал тебе несколько строк. Вчера же я с утра поскакал опять в Т., чтобы собрать некоторые добавочные сведения. Выехал при пасмурной погоде, а вскоре же посыпался мелкий, совсем осенний дождичек, и поднялся ветер. Так и пришлось все эти расстояния преодолевать под дождём, в брезентовой накидке. Как нарочно, лошадь моя в грязи оступилась и стала хромать, так что пришлось обратно ехать чуть ли не всё время шагом.

Приехал я вчера вечером только в 9 часов, проделав около 45—50 вёрст. Прости, Шуручка, и вчера я не устоял, не мог, и сразу завалился на кровать. Сегодня же целый день писал доклады, подробнейшие доклады о виденном — и корпусному врачу, и в санитарный отдел армии... Писал до тошноты, до *mouches volantes*¹.

¹ *mouches volantes* (франц.) — мелькающие мушки (в глазах).

И сейчас вот пишу, а голова кружится, не могу больше глядеть на бегущую перед моими глазами ручку. А ведь надо ещё писать и матери! Не знаю, вероятно, не выдержу и напишу завтра. Но сегодня корпусной врач говорил, что завтра надо снова ехать в деревню, где была холера, и производить дезинфекцию..

Ты не думай, что Катович ничего не делает. Нет, его тоже запрягли основательно. Он тут вылавливает холерных и отправляет их в госпиталь (теперь, со вчерашнего дня, разрешено принимать заразных из местного населения в военные госпиталы) и дезинфицирует. У него очень много работы. <...>

Читать ничего не приходится. Всё тянет в кроватку, хочется спать. С тобой бы вместе здесь работать, а не с Катовичем! Какое бы блаженство!

Радзихов¹, 20 июля 1915 г.

Только что я закончил длинное письмо матери в [вымарано: Ригу]. Не знаю, дойдёт ли оно. Сегодня получил от неё ещё одно письмо, от 13-го! Тяжело им там. Неизвестность мучает. В день рождения матери над [вымарано: Ригой] пролетал первый неприятельский аэроплан и бросил бомбу в железнодорожный мост через [вымарано: Даугаву], но не попал. Из [вымарано: Риги] всё вывозится, все учреждения, все фабрики, работающие на государство, машины, служащие и рабочие. Я удивляюсь, что мать ничего не пишет о старшем брате [Вилли]. Очевидно, он ещё остаётся там. На 14-е ждали приезда из деревни Лени, тогда все будут вместе, кроме меня... Бедные они, что будет с ними? Когда мы снова свидимся и в какой обстановке? Вот и к ним война подошла вплотную и заставила их думать только о ней, забыть обо всём повседневном, будничном.

Как счастлива всё-таки Москва, что ей не приходится бояться нашествия, что она может преспокойно слушать концерты, смотреть пьесы в театрах, ужинать в ресторанах... Совсем как в обычное мирное время. А ещё утверждают, что в Москве война чувствуется! Нисколько не чувствуется, и мало москвичей её чувствуют. Иначе не устроили бы безобразия 28-го мая... <...> Сегодня был в деревне, в которой первый раз дезинфицировал из-за холеры. Эпидемия уменьшается естественным образом, без нашего содействия. Приехали сюда земский эпидемический отряд с женщиной-врачом и земский питательный отряд. Вероятно, функционировать будут пока здесь в [вымарано: Радзихове], ведь тут за последние три дня среди еврейского населения было [вымарано 2—3 слова]. Катович энергично дезинфицирует. Отношения у нас с ним сносные, терпимые, — и только. Не горюй, я себя чувствую без него вполне хорошо.

Р[адзихов], 21 июля 1915 г.

Сегодня день прошёл в писании: заносил и систематизировал бумаги, писал приказы. Туго продвигается канцелярская работа. Слишком уж она скучна. Господи, когда я закончу этот труд!

Завтра думаю опять начать объезд своей епархии, то есть района. Начну с близко лежащих сёл. В одном из них была холера, посмотрим его сейчас. Только что мы опять заседали у корпусного врача. Присутствовала и женщина-врач из земского отряда, чрезвычайно массивная, грузная особа. Сидела она со стоиче-

¹ Название города вымарано цензурой.

ским спокойствием. В общем, экзамен выдержала удовлетворительно. Решали, куда направить её эпидемический отряд. В конце концов, решили, что санитарный врач Архипов завтра объездит с ней самые подозрительные сёла. Где окажется наиболее необходимым, там и останется.

Тем временем здесь в Р[адзихове] холера усиливается. Сегодня среди местного населения (бедный еврейский квартал) было уже 8 случаев. Катовичу и другому санитарному врачу Барченкову¹ много работы: изолируют, помещают в госпиталь, чистят, дезинфицируют, регистрируют. Сегодня решили, что с нашими скудными силами не справиться с заразой, и хотят попросить приехать большой земский отряд. Питательный отряд уже начал функционировать. Образован комитет из местного населения, выбраны особые наблюдатели на каждые 10 домов. Вообще, Шурочка, военное санитарное ведомство, наконец, стало творить живое дело. Лучше поздно, чем никогда. Барченков говорит, что прямо узнать нельзя, если сравнивать то, что делалось или, вернее, не делалось пять месяцев назад, с тем, что делается в последнее время.

Меня эта борьба с холерой начинает интересовать. Жалею, что так много времени уходит на разговоры и на канцелярию, предпочёл бы быть сейчас на месте Катовича. Он же жалуется на обилие работы и говорит, что если так дальше пойдёт, то он не выдержит... Я же считаю, что в Морозовке нам приходится временами куда интенсивнее работать... Удивляюсь, ведь этот человек только начинает работать! Помню, с каким наслаждением я работал первое время в дифтерите. Да и не только в первое время... Да, Шурочка, люди разные бывают. Скучен этот Катович. <...>

Шурочка, я очень буду рад, если ты мирно закончишь свой стаж и по хорошему разойдётся с Николаем Николаевичем [Алексеевым], директором. Подумай, Шурочка, не останешься ли ты всё-таки в Морозовке? Мне так хотелось бы сейчас вместе с тобой работать по дизентерии. Ты бы меня учила, показывала бы... А то ты уж очень будешь учёная! Ты всё копишь новые познания в медицине, а я — что знал, то забываю...

Р[адзихов], 22 июля 1915 г.

Сегодня получил от тебя целых четыре письма! Ты только подумай: целых 4 письма!! Последнее из них шло только неделю. Все, все твои письма доходят. <...> Если бы ты знала, Шурочка, как мне интересны решительно все подробности жизни вашей в Морозовке! Малейший штрих в характеристике знакомых людей, товарищей, малейшая подробность твоих переживаний и забот. Очень прошу тебя, Шурочка, писать подробней о твоих исканиях в области терапии, хотя бы той же дизентерии. Ведь я только две недели работал в этом отделении, но всё-таки или именно потому оно меня заинтересовало. Liquor Uzaeae² у вас сейчас, конечно, не имеется, сыворотка хороших результатов не даёт. Ну, расскажи мне в таком случае хоть кое-что из бактериологической области. Мне не хочется, чтобы ты находила там для себя какие-нибудь новые пути, а я бы

¹ Барченков Александр Авксентьевич — москвич, врач соседнего санитарного отряда, потом врач штаба корпуса.

² Настой корней узары антидиарейного действия.

совсем в этом процессе не участвовал. Помнишь, как одно время мы дружно интересовались и прокладывали себе путь по дифтериту?.. Славные были времена! <...>

Очень интересно всё, что ты рассказываешь о Николае Ивановиче¹ и его жене. Я Ник.Ив. люблю. Я его очень ценю и люблю. Как хорошо, что и ты его оценила. Ведь он по существу, безусловно, хороший человек; мой тёплый привет ему.

Р[адзихов], 24 июля 1915 г.

11-й час ночи. Я только что вернулся с объезда верхом на лошади своей епархии. Пообедал и вот, в ожидании чая и постели, пишу тебе. Вчера тебе не писал — рано утром выехал в одно село в 12 верстах отсюда, где будто бы умерло от холеры сразу 7 человек. На поверку оказалось, что холера была виновата только в четырёх случаях, остальные же безобидные. Выяснял, расспрашивал, распоряжался. Беседовал с местным ксёндзом, с которым сразу стали приятелями. Заехал кстати на обратном пути ещё в два села моего района. В одном из них пил чай у местного сельского учителя. Тоже подружился. Беседовал с полковыми врачами одного из полков. Решили завтра ещё раз встретиться для выяснения некоторых подробностей санитарного состояния этого полка и разных санитарных мероприятий и возможности их осуществления.

У входа в Р[адзихов] встретился с корпусным врачом, которому тут же сделал доклад. Вернулся к четырём часам. Пообедал и лёг на постель отдохнуть. Затем пришёл сюда земский фельдшер из санитарно-гигиенического отряда, с которым мы разбирали мою канцелярию. Мудрёная это штука, я всё больше запутываюсь. Провозились с ужином до 11-ти часов! Я окончательно изнемог и завалился опять в постель. <...>

Так прошёл вчерашний день. А сегодня я тоже встал раненько и поскакал со своими санитарями и фельдшером в то село производить дезинфекцию. Её мы произвели тщательно. Предварительно пришлось из одного из домов отправить в Р[адзихов]ский госпиталь ещё одного заболевшего. Кончили там в час дня.

Оттуда я санитаров с подводой отправил домой, а сам поскакал дальше, по направлению к позициям. Осматривал биваки, выписывал, что видел, давал инструкции. Затем попал в околоток одного из полков. Там посидел с товарищами за чаем и собрал массу сведений. От них только и можно узнать, что осуществимо, что нет. Я всё это записываю и без всяких обиняков сообщаю в своих докладах.

Вообще ведь наша роль здесь сравнительно независимая и самостоятельная. Мы не только должны, но и сами можем писать и говорить правду.

Получили нравственное удовлетворение: в Р[адзихове] вчера не было ни одного холерного случая. Раздали 580 бесплатных обедов, кроме того, чай, хлеб!!! Правда, через земский отряд, но ведь не без нашей инициативы. А чистка местечка! А оздоровление целого квартала! И в деревнях теперь холера не будет распространяться, ведь мы теперь можем отправлять в военные госпитали, изолировать. Тоже наша инициатива.

¹ Скворцов Николай Иванович — тоже врач-ассистент Морозовской больницы. Ал.Ив. написала о своей поездке на дачу Скворцовых.

Вернулся сегодня только к 10 часам вечера. Весьма сильно устал. Ведь опять проделал на лошади около 45 вёрст! Ты только подумай, каков твой Ёжка! Сидит на лошади, будто не человек, а кентавр! <...>

Газету с описанием первого заседания Думы¹ здесь читают с громадным интересом, «Русских ведомостей» всё нет.

Р[адзихов], 25 июля 1915 г.

Уж много раз ты мне писала о Хабибулинском мыле, я это всё понимаю. Какой кусок ни возьми, всё прекрасно: и нежный аромат, и обилие пены, и мягкость действия. Я тоже до сих пор умываюсь с наслаждением и каждый раз снова восхищаюсь. Никогда раньше не думал, что мылом можно так заинтересоваться. Непременно разыщи в Москве магазин на Рождественке. У меня ещё большой запас, хватит надолго.

Мы, то есть наш отряд, наконец, получили номер. Ты теперь можешь писать: л.с.-д. отр. № 22. Это вроде как бы локализации. <...>

Сегодня весь день сидел дома, никуда не ездил. Решил дать отдых себе и лошади. Утром читал твои письма и два номера газеты, писал рапорты, отправлял пакеты. После обеда посидел у санитарного врача Архипова, который сегодня неожиданно получил назначение в другой корпус. А с 6 часов до ужина сидели в санитарии и по распределению районов.

Дело в том, что вернулся из командировки старший врач этого отряда — одессит Щастный² (быть может, ты его знаешь?). Ему корпусным врачом поручено объединить нашу деятельность и систематизировать её. Жаль, что у нас отбирают Архипова. Он всё-таки парень ничего себе.

Канцелярия продолжает меня пугать.

Р[адзихов], 26 июля 1915 г.

Получил письмо от матери из Риги от 18-го и открытку от Лени из деревни от 15-го числа. Можешь ли ты себе представить, каково сейчас им там? Сколько горя в письмах матери! И всё-таки под конец письма высказывает уверенность, что мы ещё увидимся после войны, несмотря ни на что... Вероятно, в последний момент придётся из Риги выехать всем трём братьям, и старики-родители останутся одни с сестрёнками. Матери, конечно, это самое ужасное. Она колеблется, не знает, что делать. А отец, по-видимому, не отдаёт себе уже вполне ясного

¹ 19 июля открылась четвёртая сессия Государственной думы IV созыва, выступившей с острой критикой правительства.

² Щастный Сергей Михайлович (1875—1943) — старший врач санитарно-гигиенического отряда 8-го армейского корпуса, позже санитарный врач армии, затем фронта, начальник санитарной части армии, фронта, автор учебника «Краткий курс микробиологии инфекционных болезней» (1912, 1919), впоследствии видный организатор советского здравоохранения, учёный-эпидемиолог, директор Одесского государственного санитарно-бактериологического института им. И.И. Мечникова и Крымского института эпидемиологии, микробиологии и санитарии, профессор и первый заведующий кафедрой микробиологии Крымского медицинского института в Симферополе, был репрессирован, в ссылке возглавил Иртышскую санэпидстанцию, самоотверженно боролся с эпидемией сыпного тифа и умер, заразившись этой болезнью.

отчёта в серьёзности момента, становится стар... Карлушу снова пристроили в гимназию в Двинске, из которой он было собирался перевестись. Ведь теперь забирают и его год, 1896-й! Конечно, и там учиться ему едва ли придётся. Но ведь сейчас всё равно всё летит вверх тормашками.

<...> Что будет дальше? Что станет с родными? Мать пишет, что во всяком случае она попытается наладить переписку, может быть, как-нибудь через Швецию. <...> Если ещё прибавить, что она описывает поголовную эвакуацию всего из Риги, то станет совсем понятным её смятение. Бедные они! <...>

Я завтра сделаю себе противохолерную прививку, а затем противотифозную. Советую тебе разыскать и прочитать статью Тарасевича, опубликованную в № 5 «Общественного врача» за май месяц: «Новейшие данные по вопросу о предохранительных прививках против брюшного тифа и холеры»¹. Статейка маленькая, но содержит кое-что любопытное. Когда будешь читать, то поймёшь меня.

Хочется работать вместе с тобой, хочу опять заняться медициной.

Р[адзихов], 27 июля 1915 г.

Сегодня получили газету с известиями о взятии Варшавы и Ивангорода... Даже жутко становится, когда помотришь на карту!.. А параллельно речи в Государственной думе и разговоры о ней... Заинтриговало меня окончание речи Керенского². Милюков³ стал немного правдивей обычного — менее цветист и более близок к истине. В общем, много ещё выпренных слов, но всё же чувствуется коренной сдвиг: Россия с этой войной выйдет из тупика. Слишком глубоко она задела всё и всех, слишком всё перевернула. Уже психология народа не та...

Как сильно изменилось при всём беспристрастии представление о целом народе — о немцах. Ты вспомни-ка, что раньше представляли себе под этим словом? — Если это уже не тот булочник, который — по Пушкину — по утрам открывает свой васиздас, то всё-таки это ещё полтора года назад, прежде всего олицетворение мещанской добродетели — аккуратности, порядочности и самодовольной ограниченности. Слово *немец* всё ещё части имело оттенок лёгкого презрения, произносилось часто, хотя и доброжелательно, но с чувством собственного внутреннего превосходства. Признавались их успехи в разных областях, но как бы с оговоркой: берёт усидчивостью; вот если мы только захотим, так любого немца за пояс заткнём!..

А теперь? Что теперь немец, и каким он будет представляться в глазах подрастающего поколения? Это, прежде всего, человек суровый, неумолимо-суровый,

¹ Тарасевич Л.А. Новейшие данные по вопросу о предохранительных прививках против брюшного тифа и холеры // *Общественный врач*. 1915. № 5.

² Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) — лидер фракции «трудовиков» в IV Государственной думе, впоследствии эсер, министр юстиции в первом составе Временного правительства, с 5 мая — военный и морской министр, а с 8 июля ещё и министр-председатель Временного правительства.

³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, политический деятель, лидер Партии народной свободы (конституционалистов-демократов — кадетов), член Государственной думы всех четырёх созывов, министр иностранных дел во Временном правительстве, приверженец «войны до победного конца», овладения Босфором и Дарданеллами, идеолог Белого движения. В Париже издавал газету «Последние новости».

без колебаний идущий к намеченной цели, заранее всё взвешивающий, непреклонно и правильно, как автомат, работающий, сильный своей сплочённостью и организованностью, всецело подчиняющий своё личное «я» целям общества и государства, бесстрашный и неумолимый железный человек... Человек с гипертрофией воли и рассудка и атрофией чувства.

Именно такое представление вызывает слово немец. Представление жестокое, грозное, вероятно, далеко не правильное, но вполне определённое, — и как далеко оно от столь недавнего ещё образа! Да, — *tempora mutantur et nos mutamur in illis!*¹ Это пример, но ведь одинаковым образом в корне изменилась общественная и народная психология и по многим другим вопросам. Воистину, мы присутствуем при зарождении как бы целой новой геологической эпохи: четвертичный период кончается безвозвратно, — начинается пятеричный!

Расфилософствовался! <...> А что пишут «Русские ведомости»?

Р[адзихов], 28 июля 1915 г.

Шурочка, хорошая, сегодня только несколько слов. Вернулся из поездки в одно село, где опять было три случая холеры. Производил там дезинфекцию. <...> Привили мне сегодня холеру в левое плечо. Для первого раза $\frac{1}{2}$ кубика, через неделю ещё 1 кубик. Реакции почти никакой. Из любопытства измерил t° . Оказалось вечером (привил в 11 ч. дня) $36,9^{\circ}$. Около места впрыскивания лёгкая краснота, припухлость и болезненность. Со стороны кишечника — *nichil*². Вот и всё. Говорят, что после второго впрыскивания реакция более значительная; посмотрим.

Как хорошо, что ты заинтересовалась дизентерией!

Р[адзихов], 29 июля 1915 г.

В нашем местечке холеры всё меньше. Случаи становятся единичными. Питательный отряд работает всюду. В деревнях, где мы (то есть я), теперь всех заболевших тотчас же изолируем — тоже единичные случаи. Там, где изоляция не производилась, там уже трудно вывести заразу. Завтра раненько утром я на своей Росинанте опять двигаюсь в путь. Заезд в «далёкий» отряд (где женщина-врач) и ещё дальше, вёрст за 25 слишком. Завтра вернусь усталый.

Р[адзихов], 30 июля 1915 г.

Как и следовало ожидать, я вернулся из своей поездки поздно и утомлённый. Ведь обратно я сделал 30 вёрст без передышки, не слезая с лошади. С моим-то миокардитом! Сейчас лягу спать, а потому только сообщаю, что писем от тебя сегодня нет, зато я получил длинное письмо от матери от 22-го числа! <...> Впрочем, сегодня узнаю из газеты, что «Проводник» переезжает в Москву³. Мать по

¹ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (*лат.*).

² *Nichil* (*лат.*) — ничего.

³ Крупный завод резиновых изделий, объединённый картельным соглашением с петроградским предприятием того же профиля «Треугольник». «Проводник» был переведен из Риги в Москву и подмосковные города. С ним чуть позже переехал в Богородск Вилли, инженер-химик.

этому поводу только пишет, что Вилли упаковывает всё своё отделение, но что они ещё не знают, куда поедут.

Р[адзихов], 31 июля 1915 г.

Ты ведь меня простишь, что и сегодня я тебе напишу только несколько строк. Дело в том, что я опять поздно вернулся из одной деревни, где мы производили дезинфекцию и т. д. Порядком устал. <...>

Выходка Ел.Ник. по отношению к Вильяму возмутительна!¹ Что ещё можно сказать по этому поводу. Ох, это ожесточение сердец и умов! Не скоро оно пройдёт и после войны. Но, Шурочка, поверь: меня этим не оскорбишь. Меня это не заденет, если даже и мне придётся сталкиваться с подобными случаями... Позор ложится только на головы тех, кто произносит такие суждения и осуждения.

Я, правда, многому научился в последнее время и во многом разочаровался. Но всё это не делает меня ни нетерпимым, ни ожесточённым. Будем стараться отличать временное от основного... Ну, опять разболтался.

В.....-С.....², воскресенье, 2 августа 1915 г.

Не случайно я сегодня написал «воскресенье», против обычного. Я, кажется, в первый раз сегодня за всё время войны заметил, что существует ещё и воскресенье. Если не для нас, то для других смертных.

Вот в чём дело: вчера выяснилось, что штаб нашего корпуса немного перемещается. На его место сюда становится другой. Вчера же мы с врачом санитарно-гигиенического отряда поехали сюда выбирать себе подходящее помещение. Наш отряд должен выехать немного раньше, чтобы привести кое-что в порядок, произвести дезинфекцию, где надо, и вообще почистить немного местечко, так как и тут имеется холера. Тут до сих пор находился «дамский отряд» (с женщиной-врачом) Красного Креста, про который я тебе писал. Их выселяют из фольварка, а туда помещается штаб.

Вернулись к вечеру и стали укладывать вещи. Я тебе вчера так и не написал. Сегодня утром я с отрядом выехал из Р[адзихова] в северо-западном направлении. В.—С. находится верстах в 12 от Р[адзихова] и верстах в 10 от позиций. Так что мы теперь приблизились к линии окопов.

¹ В письме от 24 июля Ал.Ив. писала: «Сегодня страшно расстроилась в отделении. На этот раз разогорчила в сомнительной терапии Ел.Ник. [сестра милосердия] Зашёл разговор о сегодняшней злобе дня. Она со злобой заметила, что всё это от того что много людей, которые продают Россию. Затем с неменьшей злобой заявила: “Как рад этому будет Н.Н. [Вильям], ведь в нём тоже германская кровь, недаром он над всеми издевается”. Я поблднела даже от такой гнусности, затем, опомнившись, закричала, что она не смеет оскорблять человека, “который заслуживает только уважения, и которому вряд ли найдётся равный по деликатности и мягкости, ведь он такой же русский подданный, как и Вы!” Она замолчала, но надулась и целый день не разговаривала. На обходе же с Ник. Ник. даже не поздоровалась. Нет, ты подумай, Ёжа, какая гадость! Человек работает с Ник.Ник. давно, никогда не видел ничего плохого и вдруг может так оскорблять. Тяжело, ужасно тяжело».

² В... С... — большое село в 12 км в северо-западном направлении от Радехова.

Утро было хорошее, ясное. Въезжаю я в село (это большое село). Всюду встречаются люди, идущие в церковь или выходящие оттуда с молитвенниками и в праздничных одеждах. Из костёла доносится торжественное пение органа и хора молящихся. Так странно мне показалось, что существует ещё воскресенье для кого-то, в 10 верстах от окопов, при раздающихся звуках оружейной стрельбы!.. Приспосабливаются люди.

Свою команду я пристроил в покинутом винокуренном заводе. Там и лошадям привольно. Сам же я сомневался, где остановиться: в халупе ли, или у костёла, в какой-то пустой комнате рядом с застеклённой верандой. Решился на второе, но теперь раскаиваюсь и, вероятно, завтра перееду в халупу. Во-первых, не оказалось «удобств», если не считать весьма неудобные «удобства». Во-вторых, оказалось, что через веранду ведёт главный вход во внутренние покои, в которых живут какие-то монашенки. И, в-третьих, ксёндз, с которым познакомился уже вечером, оказался очень болтлив и тяготеет, по-видимому, к обществу. Человек он неглупый, но уж очень речист! К тому же комната с затхлым запахом, сырая. Да и сравнительно далеко до команды. Переночуем и переждем. Целый день в комнату доносились из костёла звуки органа!

Вот, Шурочка, мы опять на новом месте. Всё-таки целый месяц прожили в Р[адзихове] (стиль историй болезни!). Уж реже солнышко блистало, пахнет осенью... Опять осень!

В[итков]!, 5 августа 1915 г.

Найди в себе запас бодрости, чтобы серьёзно заняться научной работой в дизентерии. Ты меня так обрадуешь, если твои искания и достижения в этой области выльются в определённую форму. Ведь ты у меня такая талантливая, и я горжусь тобой. Мне так хочется вместе с тобой искать и находить, но если это сейчас невозможно, то хочется видеть результаты твоих работ, учиться у тебя. <...> А всё-таки. Шурочка, что ты там ни говори, но след ты оставишь в Морозовской больнице несомненный. Борьба твоя с её порядками не проходит без пользы: все эти пробирки, трахеотомические наборы и т. д. далеко не мелочи. Тем более что ведь раньше никто на это не обращал внимания, всё шло по раз налаженной колее...

Ещё третьего дня я опять получил длинное письмо от матери от 28-го (!). Пишет она, конечно, удручённая: Эдит без места, Артур, вероятно, скоро потеряет место (из газеты я сегодня узнаю, что трамвай в Риге разбирается; значит, он уже не нужен!). Относительно Вилли вопрос ещё не решён, но, вероятно, его отделение будет опять функционировать под Москвой, в Богородске. Лени, конечно, тоже уроков не найдёт в этом сезоне. <...> Судьба Карлуши всё ещё неизвестна. Он телеграфировал в Двинск, но не получил ещё необходимого удостоверения. Ведь он тоже уже призывается!

Вот печальные вести из Риги. Как видишь, хорошего мало. При всём том, конечно, отчаянные цены на все продукты, растерянность жителей, беженцы, беженцы без конца... Родители и сёстры остаются, и я всё-таки считаю, что они

¹ Ныне село Новый Витков Радеховского района Львовской области Украины. Село Витков находится много восточнее, в Ровненской области.

правы, и в этом духе написал им. Ведь долго не может продлиться эта отрезанность от нас, я верю!..

Шурочка, завтра мне придётся выехать отсюда в командировку, вероятно, дней на шесть. Мне поручили объехать наш тыл вплоть до Дубно, обследовать в санитарном отношении пути, по которым движутся наши резервы. Поеду я на повозке с одним из конюхов, налегке.

Мы тут только одну ночь переночевали около костёла, у ксёндза. На другой же день переехали в халупу, которая оказалась много уютней: белые стены, иконы и даже Франц Иосиф с супругой смотрят на нас. С дороги буду тебе писать ежедневно, но не ручаюсь, что письма будут доходить регулярно.

Миколаев, 6 августа 1915 г.

Миколаев, в котором я сегодня ночую, это деревушка недалеко от нашей границы. нашёл я себе здесь симпатичную хату, разложил свои вещи, расставил свою походную кровать, попил с хозяевами чайку, поболтал с ними, вот пишу теперь тебе (они уже легли спать), потом на боковую, а завтра раненько, в 6 часов, в дальнейший путь. Симпатичны и уютны эти хохлацкие избы. Беленькие и чистенькие, без этого специфического тяжёлого запаха. К тому же сегодня праздник, и все в национальных костюмах, на столах скатерти и т. д. Мне это нравится.

Завтра вечером надеюсь быть уже в Дубно, а послезавтра — в обратный путь. Хорошо бы, если в четыре дня обделать все эти дела. Ведь чем скорей я вернусь, тем скорей получу твои письма.

Дубно, 8 августа 1915 г.

Приехал сегодня днём в Дубно, довольно быстро проделав 55 вёрст. Ехал по шоссе и большой дороге. Всё поля и поля, а под самый конец — холмы, как американские горки. Трясся в своей телеге отчаянно. Лошади у меня неважные, устали они по грязи; частый мелкий дождичек. По дороге останавливался в этапных пунктах, беседовал и собирал сведения у этапных врачей. Здесь в Дубно тоже остановился у этапного врача, молодого ещё товарища. Принял он меня очень радушно и с места в карьер стал мне рассказывать о своей жене, о всех её чудесных качествах. Сейчас он тоже пишет ей письмо; пишет ежедневно. Значит, я далеко не единственный такой усердный писатель в армии. <...>

Завтра утром — в обратный путь. Надеюсь послезавтра быть опять у себя в корпусе.

Здесь опять [*признаки*] культуры: имею газету от вчерашнего числа.

В дороге, 10 августа 1915 г.

Пишу тебе стоя. Столом служит мой погребок. Вчера я не сразу выехал из Дубно, так как одна лошадь захромала, и пришлось повозку с солдатом и лошадыми оставить там. У этапного коменданта достал подводу и доехал до следующего пункта, а оттуда ещё на другой, где и переночевал у товарища. Оттуда я выехал сегодня в 8 часов утра. Сейчас сделал небольшой привал уже в пределах Галиции. Вечером буду опять у себя в штабе. Только что раздавал ребятишкам «цукерки», то есть сахар и присланные тобой леденцы. Сделал снимок. Уже пятый

день в дороге, устал. Сегодня получу почту, письма от тебя. Это письмецо брошу по дороге в полевой почтовой конторе.

Мимо нас тянутся обозы бесконечной чередой...

В[итков], 11 августа 1915 г.

Вчера в грозу и под проливным дождём я, наконец, вернулся в свой отряд. Всё-таки довольно утомительно такое путешествие на телеге без рессор. Выехал я вчера рано утром, а приехал сюда только в десятом часу вечера. С утра не жрамши, если не считать плитки шоколада. Надеялся застать здесь целую гору писем, но оказалось только два от тебя и одно длиннейшее от матери. <...>

Значит, и у вас asiatica!¹ <...> А было бы интереснее изучить её подробнее в условиях хорошей больничной обстановки. У меня такое впечатление, что при хорошем уходе в гигиенической обстановке процент смертности был бы минимальный. Впрочем, это только впечатление².

Да, газеты я читаю с захватывающим интересом. Какое исключительное время мы переживаем! Какая коренная ломка всяких устоев! И какая неуравновешенность людей, метание в разные стороны, перемена взглядов. Боже, как мало мы ещё воспитаны, как недостаёт нам устоев культуры! Снова идёт искание линии наименьшего сопротивления, ищут виновников... Но хаос этот кончится когда-нибудь, и наступит ясность: «в муках рождается новый век»! Всё-таки многого я жду от будущего. Теперь жду, раньше не ждал...

Мать мне пишет от 3-го числа. Как будто немного успокоилась. Надолго ли? <...> Что будет дальше? Только не броситься в общий поток беженцев. Мне это кажется страшнее всего. <...>

Сегодня писал подробный рапорт-доклад о результатах моей командировки. В общем, что нужно было узнать, я узнал. Результатом доволен. Ехать пришлось и под дождём, и под солнцем, и емши, и не емши — целый ряд новых ощущений. Ну, спи хорошо.

В[итков], 12 августа 1915 г.

Сегодня нет от тебя писем, и уже два дня нет «Русских ведомостей». А хотелось бы знать, как ты там справляешься с холерой, заинтересовала ли она тебя. Мне так досадно на неаккуратность почты.

У нас опять установилась хорошая тёплая погода — как на грех, уже после моей поездки. Что ты скажешь по поводу моих служебных разъездов? Это, правда, иной раз занимательно: видишь новых людей, иной раз ярких типов, слышишь новые, любопытные иногда разговоры... Расширяется кругозор, и накапливаются данные для более обоснованных суждений, чем это возможно там, в ваших московских кабинетах...

¹ В начале августа Ал.Ив. сообщила мужу о единичных заболеваниях холерой среди беженцев.

² Догадка исключительно точная! В наше время выяснилось, что своевременное восполнение больному громадных потерь воды и электролитов делает прогноз холеры благоприятным.

Ночевал я в эти дни один раз в крестьянской халупе, один раз в подвижном госпитале и два раза у этапных товарищей. Беседовал подолгу и вдумчиво. Удостоился даже от одного товарища, того самого, что тоже ежедневно пишет своей жене, такой рецензии: знаете, мне кажется, что мы с вами уже давно, давно знакомы, и что я говорю с хорошим и умным русским интеллигентом в лучшем смысле слова. Вы точно определяете и формулируете то, что смутно у каждого из нас созревало, но что мы ясно не учитывали, скорее, только инстинктивно ощущали... Вот видишь, Шурочка, как меня оценивают после двух часов знакомства, гордись!

Сегодня я долго беседовал с Катовичем, читал ему статьи и отрывки из Р.В. со своими комментариями. Очень ему понравилась статья Жаботинского: «Гунн»¹. Ты помнишь её? В общем, я торжествую по всей линии: Катович явно сдался, и я чувствую определённо свою власть над ним. Вредна ему не будет эта власть, она пойдёт ему на пользу... Что ты на это скажешь, Шурочка? Примирение после предварительной сдачи всех позиций — разве это не торжество?

Новые заботы: с завтрашнего дня я решил довольствоваться своих людей собственным котлом. Это прибавит ещё целую лишнюю бухгалтерию, а между тем у меня канцелярия всё ещё находится в почти девственной неприкосновенности (какое красивое выражение!). Тяжки заботы старшего врача отряда.

На днях наш корпусной врач уезжает в продолжительный отпуск и, вероятно, уже не вернётся совсем. Кого нам Бог пошлёт в замену?

Писал ли я тебе, что, наконец, получил письмо от Раф. Мих., очень тёплое и сердечное. Собираюсь ему отвечать, но всё ещё не собрался. Стал тяжёл на подъём. Когда долго не пишешь, труднее бывает браться за перо.

В[и́тков], 13 августа 1915 г.

Завтра мы, вероятно, выезжаем из В[иткова]² немного севернее, вёрст на 20. Да, это тебе не Волочиск и не запасный госпиталь, где можно было устраиваться по-домашнему, жить на одном месте по 5—6 месяцев. Теперь придётся всё время путешествовать, переезжать то туда, то сюда.

Чудесная лунная ночь! Так тихо, мирно! Никаких признаков того, что в каких-нибудь десяти верстах находится та роковая черта, где люди подвергаются риску смерти в любой момент. И как только приспособляется человек к такому ужасу! Правда, удивительно.

Сегодня приехал новый корпусной врач. Внешне он похож на старого, но по качеству «esprit»³, кажется, значительно ему уступает. Боюсь, что он будет упорист без толку. Впрочем, увидим. Ведь это только первое впечатление.

Почему-то страшно хочется спать. Вообще это качество у меня не атрофируется никак, скорей наоборот, так и тянет.

Ц[орохов], 15 августа 1915 г.

Сейчас только несколько строк. На большее я не способен, так как валюсь от усталости и разбитости. Никогда в жизни я ещё не чувствовал себя таким раз-

¹ Жаботинский В.Е. Гунн // РВ. 1914.

² Началось быстрое отступление.

³ Esprit (франц.) — острота ума.

битым. Вчера утром выехали на север, по новому назначению. В лесу попали в болото, провозились лишние два часа. А когда попали, наконец, на место, то оказалось, что вышел приказ немедленно отправиться в другое место, на восток.

Ехали, не останавливаясь, всю ночь. Так как лошади страшно устали, то я ходил пешком (Катович сидел). Пришли к пяти часам утра. Позади нас яркое зарево пожаров, около нас обозы, а впереди — тишина полей, и над ними серебристая луна. И жутко, и красиво. Теперь мы в России. И знаешь, я это сразу почувствовал, — повеяло своим, родным. Мне Галиция надоела. Переночевали или, вернее, переутревали в хате, где нас приняли очень радушно, и потом — немножко дальше на восток.

Здесь в селе мы остановились в строящемся училище, без окон и дверей. Если и завтра придётся тут оставаться, то поищем более подходящее помещение. Писем и газет, конечно, нет ни вчера, ни сегодня. Не знаю, когда отправят это письмо. Отдам в канцелярию штаба. Пишу, а из фольварка доносится музыка оркестра — играют танго!..

Спать, спать!!!

[Сорохов], 16 августа 1915 г.

Сегодня я выспался после всех этих лишений и чувствую себя опять хорошо. <...> В первый раз мне пришлось принимать участие в отступлении. Нехорошее это чувство.

Ещё когда нас из В[иткова] назначили на север, у меня было ощущение, что мы лезем в мешок, который может затянуться. Я это даже высказал Катовичу. Поэтому меня по существу мало удивило, что нам пришлось так быстро уходить от угрожающего обхвата. Переход сделали порядочный. Вот теперь сидим здесь в [Сорохове] уже второй день, отдыхаем. Но, судя по тому, что часто стали появляться неприятельские аэропланы, чего раньше не было, надо полагать, что настойчивое наступление будет противником вестись и впредь. Недалеко от нас на севере и северо-западе беспрерывно бухают пушки, почти не смолкают. Что там делается?

Любопытен обстрел аэропланов шрапнелью, при котором я тоже присутствую впервые. Где-то высоко-высоко парит аэроплан. Почти не виден, а часто и совсем не виден. Слышно только гудение пропеллера в синеве неба. Но наши артиллеристы его заметили, и вот сразу ударяет пушка с соседнего лужка. Слышен вой и свист прорезающего воздух снаряда, как будто гигантский кнут рассекает его. Через несколько секунд около аэроплана появляется маленькое беленькое облачко, а ещё немного спустя слышен отдалённый звук разрыва: «бах!» Так эта картина повторяется несколько раз, пока окончательно не исчезнет вдали удравший воздушный пират! Картина, если смотреть со стороны, совсем невинная, даже забавная. <...>

А пока что мы сидим здесь в своей избушке без окон и дверей. Погода тёплая, спится хорошо. Дела, конечно, сейчас никакого. Читаю рассказы Бунина: «Чаша жизни». Я люблю Бунина. Из всех современных русских писателей его талант самый симпатичный — искренний и серьёзный. Его описание реальное, иной раз даже с оттенком натурализма, и всё-таки его тона, в общем, мягкие, нежные, слегка грустные, немного чеховские.

Другое развлечение у меня — это беседы с младшим врачом сан.-гигиенического отряда Сергеем Гавриловичем Матвеевым¹, очень симпатичным и вдумчивым человеком, интеллигентом в лучшем смысле этого слова. Беседуем о том, о сём... Он сам харьковский, там и работает в лаборатории. Жена его тоже врач. Говорим о своих жёнах...

Р[адомышль?], 18 августа 1915 г.

Вот мы опять на новом месте, и опять я вчера не мог тебе писать. Вчера утром мы ещё вставали, как ни в чём не бывало, а в 12 часов дня уже выступили. Нужно было сделать переход в 40 вёрст. К счастью, лошади отдохнули, и поэтому дело пошло гладко. В самом же начале нашего путешествия в экономии одного села я купил за 25 рублей у спешно отъезжавшего управляющего бричку, очень удобную и поместительную. Запрягли в неё наших «верховых», и дальнейшее путешествие пошло уж совсем удобно. Стали встречаться на пути всё чаще и чаще беженцы, «утикающие» со всем своим жалким крестьянским скарбом. Чрезвычайно тягостное впечатление производят они... Местами они скопляются большими таборами. Чувствуется полная растерянность и беспомощность. Разразилась гроза, и нам приходилось перелезть через два высоких холма по густой грязи. Рядом с нами шли беженцы. Клячки их застревали, телеги наезжали одна на другую, коровы и овцы разбрелись в разные стороны... Печальная картина.

Приехали сюда мы только ночью. Последний отрезок пути уже знакомая мне по недавней поездке дорога. Здесь в Р[адомышле?] устроились опять в крестьянской хате. Множество мух не дают покоя. Тут я сделал одно приобретение: на столе находилась небольшая скатерть, вышитая хозяйкой. Я предложил ей продать мне и уплатил ту цену, которую она назначила. Скатерть малоценная в художественном отношении, но любопытная как воспоминание.

Приходится прервать. Только что получили приказ немедленно же выступить дальше в Д[убно]; а уже 7 часов вечера. Будет опять путешествие!

Д[убно], 19 августа 1915 г.

Да, Шурочка, уж и было путешествие! Никогда его не забуду. Вот теперь я опять валюсь от усталости. Только что поспал и сейчас опять лягу спать.

Выехали мы вчера по шоссе, а тут уж толпились обозы разных частей нашего корпуса вперемешку с телегами и скотом беженцев. Сначала было темно, но скоро уж запылали кругом большие костры сжигаемого на полях хлеба, и стало совсем светло. На севере далёкое зарево на весь горизонт, а кругом близкое зарево бесчисленных костров... За полчаса до отхода я за полкопны овса в селе заплатил два рубля, а теперь всё это горело так, зря... На шоссе стихийное движение. Тут нельзя было ни самовольно останавливаться, ни объехать. Беженцы

¹ Матвеев Сергей Гаврилович — врач, из Лебедина Сумской губ. Дружба с «Гаврилычем» оказалась прочной, а судьбы друзей схожими. Последний раз Фр.Оск. навещил его в 1957 г. Отработав четыре года в лесном Вологодском краю, он при выходе на пенсию заехал на север Кировской области, где Сергей Гаврилович с женой жил после своих лагерей и работал бактериологом в лаборатории местной сельской больницы.

быстро очутились в стороне от дороги, и дальше шли уж исключительно только казённые обозы. Шли бесконечной чередой...

Вначале я со своими четырьмя подводами пытался объезжать. Пришлось бросить. И вот мы шли всю ночь. Временами стояли с полчаса без движения, временами неслись бешено вскачь, временами шли только шагком. Скоро образовался всё-таки второй ряд. Получалась иногда какая-то бешеная скачка, дикая охота. Раз мы долго стояли, я пошёл вперёд согреться. Потом сразу все тронулись вовсю, и я потерял своих из виду. Сел в лазаретную линейку до рассвета. А утром, когда все шли шагом, я слез и пошёл пешком вперёд разыскивать. Прошёл так несколько вёрст, но разыскал. Слева от нас, сравнительно недалеко (вёрст 8—10) всё время, всю ночь бухали пушки. Чем дальше, тем чаще встречались таборы беженцев, тем спокойнее становилось их бегство. Воистину великий исход!..

Сюда в город приехали уж только к 9 часам утра. Завтра больше; сейчас не могу.

Д[убно], 20 августа 1915 г.

Пишу тебе сегодня до некоторой степени в праздничном настроении. Ты недоумеваешь, почему? А вот почему: я сегодня далеко отбросил мысли о войне и её ужасах. Говорят, что, вероятно, мы здесь простои́м некоторое время, дела же у меня пока нет никакого. Вот я и занялся устройством своего нового помещения. Обставляю, насколько возможно уютно.

Мы попали удачно. Въезжая в Д[убно], мы завернули в первый попавшийся свободный двор. Тут оказалось всё необходимое для обоза, лошадей и команды. А в нашем распоряжении оказались две больших пустых квартиры и небольшой запущенный фруктовый сад с такими же цветниками! Вчера я не был в состоянии рассмотреть что-либо. Сегодня же утром проснулся от шума и возни. Оказалось, что ночью в верхнее помещение пробрались казаки и к утру перерыли там всё вверх дном. Пошёл я туда посмотреть, что они натворили. К счастью, всё мало-мальски ценное хозяева убрали вовремя, остались только вещи ненужные. Но удивительно, с каким талантом казаки перерыли и этот хлам. Даже шкаф с книгами весь распотрошили. Стал я разбираться в этих книгах: почти сплошь только одни бесплатные приложения к разным семейным журналам, вроде «Рудин»¹ и т.п. — одним словом, книжная макулатура. Но, навозну кучу разгребая, петух нашёл жемчужное зерно: нашёл и я полное собрание сочинений Г. Гауптмана на русском языке в издании «Нивы», конечно, даже не разрезанное. Взял к себе вниз почитать.

Но читать хорошие книги надо в хорошей обстановке, и вот я создал у себя уют. Я пошёл в сад и нарезал там себе цветов, набрал фруктов, душистых и свежих, обставил комнату мягкой мебелью. Пишу вот тебе за настоящим красивым письменным столом. И вот вообразил себе, что я вместе с тобой праздную нашу годовщину! Правда, ещё почти две недели до неё, но удастся ли в этот день создать тот внешний комфорт, который явится рамкой для внутреннего праздника? Будут ли тогда в моём распоряжении цветы? Может быть, нет. Так лови же момент.

И вот у меня в комнате три больших букета: первый высокий из пышных снежно-белых цветов (кажется, флоксы) с одурманивающим медовым запахом.

¹ «Рудин» — литературный журнал, издававшийся в Петрограде в 1915—1918 годах.

Стоит он на стройной изящной этажерке такой праздничный, декоративный. Второй букет стоит на маленьком столике, накрытом малороссийской скатертью. Он без запаха. Состоит он из холодных и гордых цветов осени: эти мохнатые красные и лиловые астры так ярко выделяются на белом фоне стены. И так идёт к ним пузатая ваза из тёмно-вишнёвого стекла! Третий букет скромный. Стоит он передо мной на письменном столе и сливает свой нежный аромат с тем, пышных белых медовых цветов: это душистый горошек наивно заглядывает в моё письмо. Так пусть же лепесток один дойдёт и до тебя!.. [В письмо действительно вложен засушенный жёлтый цветок.] <...>

Вот в этой обстановке, которая мне казалась созданной тобой, и я взялся перечитать «Затонувший колокол» Гауптмана. И снова трогательный образ Раутенделейн встал передо мною и сливался с твоим образом. <...> Это ты мне поставила эти цветы, и с тобой я читал эту чудесную сказку-драму о мастере Генрихе и лесной фее Раутенделейн! Ну, скажи, Шурочка, разве это не праздник? Не достойная годовщина?

Д[удно], 21 августа 1915 г.

Пишу тебе под впечатлением отвратительного зрелища. Может быть, не следовало бы тебе писать об этом, но как же я не должен делиться с тобой. <...> Катович накупил себе сегодня вина и напился. Пьян до последней степени. Я не могу себе представить более омерзительной картины, как интеллигентного человека, который доходит до чёртиков. Самое скверное тут то, что он напился в полном одиночестве, и обнаружилось это для меня совсем неожиданно. И ещё скверно то, что в пьяном виде он стал совсем отвратителен, стал ругаться и третиловать людей, обнаружил весьма невысокого полёта душу. Одним словом, он оказался весьма малокультурным человеком.

Другие люди, подвыпив, впадают в весёлое настроение, хотя обнять весь мир. Иные же становятся мрачны и молчат, пока не уснут. Третьи же просто безобразничают, обнаруживая все свои дурные инстинкты. Он оказался принадлежащим к третьей категории. Я не осуждаю его за то, что он выпил. Этот грех простителен. Быть может, ему и в самом деле было тяжело, и он хотел забыться на мгновение. Но что меня возмущает, это то, что и в пьянстве он выказал так мало благородства, что он просто-напросто уподобился самой последней скотине, что в нём проснулись инстинкты насильника, что он порывался избивать, обругать, уничтожить и подавить чужую личность!.. А этого я ему простить не могу. Ты знаешь, что в моих глазах это единственный грех, который не прощается. Для меня он теперь уж не человек, а скотина, которую и приходится держать за такую. Вот он бессмысленно воет в соседней комнате. Какая гадость! Господи, как мы некультурны! «В штыки его, в штыки его!» Это он бессмысленно повторял в течение получаса. Это бессознательно твердит человек, который принадлежит к расе издревле порабоощаемой и угнетаемой! Человек, который даже при верховой езде выказывает такую трусость, что становится тошно... Какая тупость и какая низость! <...>

Если ты ещё раз попросишь меня передать привет Катовичу, если ты ему и это простишь..., то, прости, Шурочка, я твоего поручения не исполню, не могу. Он стал мне противен, а это смерть!..

Д[убно], 22 августа 1915 г.

Последняя газета, которую я читал, от 16 августа. С тех пор я только немножко знаю, что творится в нашей непосредственной близости. Совсем не знаю, как положение Риги, что там делается. Так и живём в ожидании газет...

Сегодня мне опять пришлось объехать район в 20 вёрст, обследовать его в санитарном отношении. Ехал почти всё время под дождем. Туда по грязи, обратно по шоссе. Попал в целый ряд чешских колоний. Ближе знакомлюсь с бытом и психологией волынских хохлов. <...> Эти объезды дают мне очень много, и я ими дорожу. Видел опять громадные таборы беженцев, видел бесконечные их вереницы, тянущиеся по шоссе. Идут они и идут, а куда — сами не знают, просто «утикают»... Какое это горе, и какой ужас! Вот, например, большое село П[ереросля]¹, в семи верстах от Д[убно]. Заехал туда третьего дня утром казак и заявил, чтобы все скорей удирали, так как будто бы за ним «идут позиции» и скоро будут здесь. И что же? Через несколько часов всё село опустело, а жители, наскоро нагрузив свои телеги, уже тянулись по шоссе. Слух оказался ложным, однако жители не решаются возвращаться и остановились табором в пяти верстах от своего села. Тем временем в опустевшем селе остановились другие беженцы, шедшие позади, появились новые хозяева. Всё перевернули вверх дном. Остатки имущества расхитили, огороды раскопали, овёс и сено поел скот... Вернулись пятеро из прежних хозяев, стоят в раздумье около бывших своих хат...

По сторонам шоссе местами валяются трупы лошадей и коров. Их (то есть не трупы, а живых) продают за бесценок, только бери... В одном селе какой-то вымогатель в форме солдата (оказавшийся не солдатом) ходил по избам, угрожая спалить по приказу начальства, — и ему давали... Когда он, наконец, случайно наткнулся в избе на солдат, которые его задержали, у него оказалось 550 рублей! И это не единичные случаи, это теперь чуть ли не правило.

Полная растерянность, полная беспомощность населения!..² С этой задачей не справиться и Земскому союзу. Это моё убеждение. Что значат единичные пи-

¹ большое село Переросля, в 7 км от Дубно.

² Колоссальный, невиданный доселе, поток беженцев явился полнейшей неожиданностью для властей, которые, так же как и общественные организации, оказались совершенно не подготовлены к «великому исходу» населения из западных губерний. В своих письмах Ал.Ив. писала: «В деле оказания помощи беженцам царит полнейший хаос. Существует несколько организаций, которые вместо совместной работы, друг с другом конкурируют» (23 августа). «Остановились трамваи. Что будет дальше? Вот вопрос, который постоянно приходится повторять. Настроение напряжённо-выжидательное. Что будем дальше делать с больными? Всё переполнено, девать некуда, а новый поток больных всё прибывает и прибывает. Дежурить — одна пытка. Ведь теперь население Москвы увеличилось на 600 000. Немудрено, что старых больниц не хватает. Так-то, мой милый» (5 сентября). «Наплыв больных не прекращается. Даже сам Ник.Ник. Вильям теряет самообладание, видя всю ожидалку, полную больными. <...> Завтра у нас <...> обсуждение, сколько и каким образом мы можем уделить времени для помощи беженцам. Думаем взять под своё наблюдение Брянский вокзал. Только вот денег нет, а с голыми руками и с одними медицинскими советами далеко не уйдёшь» (14 сентября). «К стыду своему, мы ещё не приступили к участию в помощи беженцам. Наши представители всё заседают, что-то

тательные пункты и т.п. в этом море нужды и горя!.. Великий полупринудительный полустихийный исход!

Д[удно], 23 августа 1915 г.

Сегодня не жди от меня письма. С утра дан приказ приготовиться к передвижению в другое место. Сейчас уже вечер, однако, приказа выступить всё ещё нет. Быть может, и не будет, и мы здесь переночуем. Но это состояние ожидания мешает сконцентрироваться, лишает необходимого спокойствия. Цветы вянут, не хочется срывать новые без уверенности, что ими ещё придётся наслаждаться...

Тепло, но идёт дождь. Перспектива не особенно приятная. Писем и газет всё ещё нет. Возобновила ли ты абонемент в Художественный театр? Как у вас там, в Москве? Какие настроения?..

Д[удно], 24 августа 1915 г.

Почему ты сейчас не можешь быть у меня?! Это так обидно! Вот я сегодня нарезал себе массу цветов в саду, оставил ими всю комнату. У меня теперь целых шесть букетов! Из них два больших букета из астр, таких крупных, лохматых, похожих на хризантемы; они здесь великолепны. А передо мной на столе стоит небольшой скромный букет из наивных анютиных глазок. Ведь ты их тоже так любишь. Есть ещё букет из садовых жёлтых ромашек с резедой. А вместо тех белых пряных я поставил в вазу столь же декоративные цветы, названия которых не знаю: они высокие, на прямых стеблях, к бокам которых как бы прилеплены яркие красные махрово-бархатные подушечки или шишечки цветков. Каждый в отдельности мало красив, палкообразен. А собранные вместе они производят эффект.

У меня сейчас благодаря цветам так уютно и приветливо в комнате, вот только тебя нет...

Шурочка, знаешь, чем я сегодня весь день занимался? Мечтами и грёзами о будущем! Поверишь ли? И мечтал на этот раз не столько о нашей будущей совместной жизни, которая не может быть иной, как только светлой и радостной, а о тех внешних рамках, в которых она будет протекать, о том, какова будет наша работа, где нам удастся воздвигнуть свой «семейный очаг».

Так же, как и ты, я всё больше убеждаюсь, что Морозовская больница не поле нашей будущей деятельности: ты её не хочешь, а мне после войны труден будет доступ в неё... Так что же тогда? Карьера вольнопрактикующего врача без больницы мне ненавистна так же, как и тебе. Но где же взять больницу? Вот тут и начинаются мечты: вот если бы достать необходимое количество тышчонок (8—12 000!), то можно было бы устроить свою собственную лечебницу по собственному вкусу, вот в компании хотя бы с Кутей! Ты заведовала бы лабораторией, а мы с Кутей делились бы в административных функциях. Клиническая часть принадлежала бы всем троим. Если бы в Москве нельзя было бы рассчитывать на успех, то можно было бы где-нибудь в провинции, хотя бы в Екатеринославе. Там и жизнь дешевле. У нас было бы большое помещение, собственное неболь-

разрабатывают, ну и мы ждём общего заседания и сидим...» (22—23 сентября). «Когда же, наконец, кончится эта ужасная по страданию волна беженцев?» (24 сентября).

шое хозяйство, сад фруктовый и цветы, цветы, сколько угодно! Связь с центром, с Москвой мы бы не порывали, часто бы ездили туда на съезды, проветривались бы. Летом за границу, в шхеры, на Кавказ, в Крым! И ребятам лучше вырастать в провинции, чем в большом городе... Вот только бы сначала капиталец приобрести!.. Ну как перспективы, Шурочка?

О[строг]¹, 25 августа 1915 г.

Вот мы опять на новом месте, Шурочка... Ещё вчера вечером я ложился спать с известной уверенностью в прочности нашего стояния в Д[убно], а в 2 часа ночи нас разбудил казак, присланный от корпусного врача (нового) с извещением, что надо сейчас же выступить, и уже в половине третьего мы катили по шоссе всё в том же восточном направлении...

Переход небольшой, всего только 24 версты. Приехали в 7 часов утра. Последние 7 вёрст сделаны не по шоссе, а по столбовой дороге, по непролазной грязи. Теперь я понимаю, что в России приходится воевать с пятой стихией, с грязью... Вот тут-то германская артиллерия застрянет наверняка! Если только они не успели уже придумать какое-нибудь средство от неё.

Сейчас, конечно, мне опять сильно хочется спать. Всё-таки утомился. Это теперь частый припев моих писем. <...> Вероятно, это скоро пройдёт: поговаривают, что здесь мы будем стоять прочно, быть может, даже долго. <...>

Знаешь, Шурочка, а астры твои и сейчас стоят передо мной на столе! Я их всё-таки захватил с собой, жаль было с ними расстаться.

О[строг], 26 августа 1915 г.

Сегодня тут пронёсся слух, что будто бы Рига сдана, а потом отрицали. Ясно для меня одно, что письма мои туда уже не дойдут, что не стоит писать... Связь порвана! <...>

А наша старая Москва, по-видимому, опять хочет доказать, что она в самом деле сердце России, опять на себя берёт почин, инициативу... Что будет дальше? Во что выльются все эти стремления, эти чаяния?!.. Какие знаменательные, какие интересные времена! <...>

Как хорошо быть сейчас в Москве, в центре всего идейного движения! Хочется присмотреться, изучить, наблюдать. Хочется быть в самой гуще жизни, а не на задворках её. Хочется общения с людьми мыслящими, стремящимися. У нас тут провинция, самая захудалая провинция. Правда, у меня есть книги, хорошие книги, но они всё-таки далеки от современности. Они интересуют, даже волнуют, но не дают ответа на то, что нарождается, что только формируется.

Может быть, из нашего далека мы преувеличиваем, может быть, мы грешим аберрацией, но мне кажется, что нарождается в народной психологии нечто в самом деле новое, непохожее на всё то, что мы видели за последний год. Правда, только нарождается, скрытое всё ещё целыми наслоениями ненужного, пережитого, сумбурного. Но переворот чувствуется. Надвигается какой-то новый век, непохожий на все прошедшие. Да и не может эта чудовищная война не всколыхнуть, не потрясти до глубины народной психики. Сначала надлом, а потом перелом неизбежен...

¹ Село Острог — не надо.

Что будет — лучшее или худшее? Думаю и верю, что лучшее, несмотря ни на что. Народная душа очистится от толстого слоя наносной пыли. Не только у нас, нет. Везде, — и у друзей, и у врагов, — и культура, истинная культура, сделает шаг вперёд! — Так ли?

О[с[т]рог], 27 августа 1915 г.

Писем всё нет и нет. Газет тоже. Живём совсем отшельниками, отрезанными от всего милого, близкого. <...> Правда, и тут много любопытного и даже поучительного. Вспоминать буду с интересом, рассказать есть о чём. Но тут я только наблюдатель. От меня тут ничего не зависит, я ничего изменить не могу. Даже работа наша теперь, при частых переходах, сводится больше к очистке и уборке штабных помещений и т.п. Собственно санитарной работы в войсковых частях сейчас нет. Не здесь поле нашей деятельности. <...> Не то, чтобы я утомился ждать и начинаю разочаровываться в жизни. Нисколько. Но ведь уже второй год мы воюем! Дни проходят и лучшие дни, столь драгоценные дни...

О[с[т]рог], 28 августа 1915 г.

Я тебе ещё до сих пор не описывал, где мы тут остановились. О[с[т]рог] — это не то село, не то местечко, битком набитое евреями. Поперёк села — большая столбовая дорога, отличающаяся своей почти абсолютной непроходимостью в последние дождливые дни: ноги вязли, галоши застревали, дух захватывало от тяжёлой физической работы. По бокам — жалкие облезлые лачужки. Вот в этих лачужках нам и пришлось разместиться. Нам завидуют, говорят, что хорошо устроились. И в самом деле — ничего себе: заняли вдвоём целую комнату (корпусной врач помещается в комнате с четырьмя другими!). Стены окрашены в скверный синий цвет. Пол глиняный, несёт от него какой-то неопределённой кислотой. Поставили свои складные стол и три табуретки, развернули походные кровати, загромождали угол багажом, — и получился известный уют! Конечно, относительный, но всё-таки!

У евреев какой-то праздник, кажется, Новый год¹, и вот уже третий день по вечерам (и сейчас) из соседних комнат доносится их молитвенное завывание. Прямо тоска. Станный они народ. Какой-то древностью они пропитаны, совсем к современной жизни неподходящей.

Сегодня я сделал новое приобретение. Только не называй меня транжиркой. Расход необходимый и всецело себя оправдает. Купил я у крестьянина-беженца пару лошадей со сбруей и телегу. Заплатил ему ту цену, которую он сам запросил — 80 рублей за всё! Это, конечно, дешевле пареной репы. Эту цену я всегда выручу, даже при продаже во время демобилизации, когда всё будет продаваться за бесценок. А необходима была покупка вот почему: груза у нас для четырёх телег много, при больших переходах лошадям тяжело. Когда же приходится для пополнения средств и запасов командировать кого-нибудь с подводой в полевую аптеку или интендантство, — я остаюсь с тремя повозками, которые в случае надобности всего груза поднять не могут. Конечно,

¹ Еврейский Новый год (Рош а-Шана) праздновался в 1915 году с вечера 26 августа до вечера 28 августа.

следовало бы обзавестись казённой повозкой, но для этого требуется особое ходатайство и долгая переписка — когда ещё это будет! Лучше куплю за свой счёт. Так я и сделал.

Вообще эта канцелярия не даёт мне покоя. Не могу я никак её наладить. Всё ещё *in statu nascendi*¹. Вот это уже прямо тоска смертельная. И чем дальше в лес, тем больше дров, тем запущенней становится всё. Прямо горе.

О[с[т]рой], 29 августа 1915 г.

Шурочка, ура! Восстановилась связь, хотя пока ещё неполная: получил сегодня от тебя после большого промежутка первое письмо. Правда, ещё от 14-го числа, но всё-таки! <...> Получил также запоздавшее, очевидно, письмецо от Карлуши. Он дату не проставил, и по штемпелю тоже не разберёшь, но, кажется, что письмо от 6-го приблизительно числа. Пишет, что они с Артуром записались в милицию. Лени даёт уроки, Эдит сидит без дела, мать нервничает, отец читает газеты и занимается стратегией. Вилли пока ещё работает на месте у «Проводника», который частью переехал в Москву. Сам Карлушка получил, наконец, отсрочку по воинской повинности. В общем, как он выражается, живут они все удовлетворительно.

Благодарю покорно за такое удовлетворительное состояние! Вот и я тоже живу, в общем, «удовлетворительно». Научаются люди скромности в своих требованиях, приходится поневоле...

Ты недоумеваешь, почему я не советую родителям переезжать в Москву. Я тебе уже писал о своих доводах и теперь могу только повторить то же самое. Нет хуже состояния, как оторванного от всего своего семейного уклада беженца. Это великое несчастье, с которым не может сравниться ничто другое. И это в значительной мере относится и к более состоятельным беженцам. Я думаю, не следует бросаться в этот общий поток. Суд истории в этом вопросе, я в этом уверен, будет суров!.. Для матери, как я думаю, имеет значение ещё одно обстоятельство: скоро наступит годовщина смерти брата. Трудно ей будет оторваться от места, где протекали его последние дни, оставить одинокой в этот день его могилу...

Говорят, что завтра наш штаб, а значит, и мы, переедем в местечко М[изоч]², в 12 верстах отсюда, где имеется большой сахарный завод и фольварк, другими словами, более удобные помещения. В самом деле, здесь в селе до тошноты убого, серо и грязно. После Д[убно] всё хочется лучшего.

А цветы из Д[убно] всё ещё стоят на столе, кивают головками, шлют тебе привет. Удивительно, как долго они сохраняются.

Газет ещё не получали.

М[изоч], 30 августа 1915 г.

После обеда мы переехали сюда, в М[изоч], в двадцати верстах от родины **Катовича!** Штаб ещё не переехал, но санитарно-гигиенический отряд уже здесь. Тут места много, хоть отбавляй. Мы остановились в одном из зданий сахарного

¹ *in statu nascendi* (лат.) — в состоянии зарождения, в самом начале.

² Примерно в 25 км восточнее Дубно, южнее Ровно.

завода, где заняли две комнаты. Стены белые, имеется приличная мебель, простора много, чисто. Зашёл в фольварк: громадный парк, пруд, белые колонны, ржаво-красная черепичная крыша и ржаво-красный осенний дикий виноград, тесно обвивающий весь господский дом. Красота! Закат над прудом! А на севере гудит артиллерийская стрельба, почти непрерывно. — Вот контраст.

Утром в О[строге] успел ещё получить газету (К.М.¹) с 24 до 28-го числа (!) и письмо от матери от 18-го! Пишет много и обстоятельно. Впечатление такое, что они уже немного привыкли к обстановке. К чему не привыкает человек! В конце письма упоминание, что начинаются для неё тяжёлые дни, дни воспоминаний. Уже с 18 августа брат стал жаловаться на недомогание... Оказывается, что я был прав в своих предположениях.

М[изоч], 31 августа 1915 г.

Штаб сюда ещё не переехал, а потому нет здесь и писем. <...> Сделал благое дело: когда узнал, что штаб не переезжает, я послал Катовичу предписание такого рода: предлагаю отправиться для санитарного осмотра мест расположения беженцев по дороге М[изоч] — О[строг], другими словами, дал ему командировку на свою родину! Велел подать ему бричку. Срок назначил до завтрашнего вечера. Я думал, что он тотчас же сядет и поедет. Но нет, он провозился ещё целых два с половиной часа и даже послал, в конце концов, денщика узнавать, не готов ли обед! Не могу отказать себе в удовольствии упомянуть об этом мелком факте. Какой характерный штрих! Нет, ты только подумай: он дожидается обеда, когда ему дают возможность поехать на один день домой! А ты, Шурочка, ставишь мне в вину излишнее благоразумие и расчётливость. Нет, ты не права, я в этом теперь убедился. Когда я ездил к тебе на один-полтора дня, я об обедах не думал.

Ну, Бог с ним, пускай едет себе мирно. Я ему не враг, но не люблю я такого сорта людей и это не скрываю, не умею и не желаю скрывать.

Сегодня, наконец, опять хорошая погода. Грязь начинает понемногу подсыхать, а это уже большой плюс, о значении которого я в Москве мог только догадываться. Я сегодня даже погулял на лоне природы с товарищем Барченковым (москвичом, врачом штаба корпуса) и двумя сестрицами из Бессарабского земского госпиталя. Ты не ревнуешь? Мы обедали в этом госпитале, а потом пошли гулять. Сколько слив и яблок! И красивая холмистая местность, солнце! <...>

Сегодня же приехал из командировки один из наших санитарных врачей, доктор Алфеевский. Привёз газету от 30-го числа, вчерашнюю газету! Ты только подумай: я читал известия и знал, что это и есть в самом деле свежие новости, а не старый маринад, как обычно. Впрочем, утешительного вычитал мало. Всё это уже было — разговоры, разговоры и только. Самое интересное явление — это Гучков². Милюков только раздражает, как и вся кадетская послушная ему

¹ К.М. — здесь и далее: газета «Киевская мысль».

² Гучков Александр Иванович (1862–1936) — лидер партии 17 Октября, председатель III Государственной думы, член IV Думы, блестящий оратор, военный и морской министр в первом составе Временного правительства, затем председатель Центрального военно-промышленного комитета, один из лидеров Белого движения и антибольшевистской эмиграции.

партия. Страдают они каким-то роковым недомыслием с обильной приправой оппортунизма. Мелкие люди, и мелко они плавают.

А всё-таки любопытное времечко!

М[изор], 1 сентября 1915 г.

Шура, вот опять годовщину мы справляем, опять разделённые и столь близкие. <...> В комнате у меня празднично: я зажег целых 5 свечей (!) вместо обычных двух, стол накрыл только что полученной от прачки малороссийской скатертью, а на стол поставил вазу с душистым горошком и полевым маком, ярко-красные лепестки которого мне всё напоминают прошлогоднее поле близ Волочиска... Ты помнишь? К вазе прислонил твою фотографию: вот пишу и смотрю на тебя, моя милая.

И стены я разукрасил, да ещё как: нарвал в саду много веток спелой рябины. Ещё днём получилось очень красиво, а сейчас прямо эффектная картина: тёмно-зелёными сочными пятнами с прихотливыми очертаниями выделяются ветки на белой стене, а внутри их зелени яркими драгоценными рубинами горят полные грозди тёмно-красных ягод. Это так красиво! <...> Весь день сегодня стояла такая чудесная погода. Ласково грело солнце, и тишина стояла над прудом. <...>

Штаб сегодня переехал сюда. Вероятно, стоять здесь будем порядочно — дай Бог! Завтра возьмусь за будничную работу: канцелярию, объезды и т. д. Организации почти никакой, вернее — никакой! Горе безысходное, неисчерпаемое!

М[изор], 3 сентября 1915 г.

Весь день стояла чудная ясная погода. После обеда гулял с товарищами (Барченковым и Матвеевым) по парку фольварка — старинный барский парк¹. Сколько цветов, и какое разнообразие их!

Глядя на них, я пришёл к заключению, что всё-таки недурно быть богатым. Жаль, что в этом отношении у нас надежды плохи, не дано природой этого таланта.

На берегу пруда полуразвалившийся грот. На камнях его странная полустёртая надпись на польском языке. Какие празднества, какие пиры тут некогда задавались! Вот в этих тёмных аллеях гуляли ясновельможные паны и очаровательные панночки, и сколько раз, вероятно, раздавалось: коханочка милая, люблю тебя!

<...> Вчера, написав тебе письмо, я занялся чтением «Скунталы», поэтической индийской лирической драмы. Наивно, но трогательно она написана; много перлов, поэтических красот. Достойное чтение в такой день! <...>

Кстати, и ещё о книгах: заходил ко мне сегодня Барченков, а уходя, заглянул в чулан. Там он увидел ящик со всяком хламом, между прочим, и с книгами. Вытащили на свет Божий и стали разбирать — оказались все тома «Вестника знания»² за несколько лет и приложения к нему. Среди этих последних немало любопытных, которые мы и отобрали, и из которых решили составить нечто вроде походной библиотеки; любители найдутся. Книжки эти заброшены и для собственника, очевидно, никакой ценности не представляют. Таким образом, мы совершим благое дело на пользу просвещения.

¹ С XVII в. Мизочем владели польские магнаты Карвицкие.

² «Вестник знания» — научно-популярный журнал и издательство.

М[узор], 4 сентября 1915 г.

Сегодня я получил твою посылку и два старых письма. <...> Посылка твоя очень хорошая, страдает только одним вполне исправимым недостатком: мало шоколада! Дело в том, что товарищи, особенно Барченков, любят хороший шоколад, и каждый раз им у меня угощаются. А у меня как раз вышел весь запас Тоберовского шоколада, Абрикосовского тоже скоро не станет. <...> Спасибо тебе большое за книжечки, особенно за Абрамова и Афанасьева. Уже Катович забрал две брошюры, две забрал Барченков. Тарасевича я уже читал здесь у Матвеева в сан.-гигиенич. отряде. <...>

В своём письме ты смеёшься надо мной, что уже перестал посылать тебе денег. Подожди, с Божьей помощью, скоро опять пойдут от меня к тебе золотые или, вернее, бумажные горы. Во время отступления нашего я не успел ещё выписать себе жалованье и в настоящий момент даже не знаю, сколько у меня должно быть собственных денег. Поэтому не высылаю. Вот ужо разберусь... Ты ведь у меня, слава Богу, тоже не очень скопидомная! <...>

Сегодня я ездил с отрядом за 10 вёрст отсюда [*цензурой вымарано 6 строк*]. Ездил верхом на другой, большой лошади. Почему-то сегодня от езды получил большое удовольствие. Хорошо было возвращаться полями и лесом в темноте, при свежем ветерке. И сердце не шалит.

М[узор], 5 сентября 1915 г.

Позвали меня сегодня как специалиста в Бессарабский госпиталь, посмотреть, нельзя ли вынуть трубку у трахеотомированной девочки. Трубка лежит уже неделю. Т° нормальная, общее состояние прекрасно. Я, конечно, решил канюлю [*трубку*] вынуть. Результат получился хороший. Сразу же ребёнок стал дышать нормально, вполне свободно. Как приятно всё-таки иметь дело с хорошо знакомой привычной специальностью. Я сразу почувствовал себя на своём месте.

Сделал ряд снимков в парке фольварка. Ходил там с Барченковым, с которым мы всё больше сходимся. Он человек немного язвительный и саркастический, плешивой своей физиономией напоминает мне несколько летнего фавна, но высокообразованный и хорошо воспитанный. Интересный собеседник. Во многом мы с ним не сходимся, но его суждения — это не банальные фразы толпы, это продуманное, основанное на знаниях мнение. Его сарказм мне не мешает, я отвечаю тем же. Ко всему прочему, он москвич. Кончил Московский университет в 12-м году. Общих точек соприкосновения и воспоминаний достаточно. Он ординатором в нервной клинике у Статкевича¹. Думает после войны бросить всё и уйти в провинцию. Думает, но не решается. Так что и в этой сфере у нас нечто общее.

Сегодня он долго сидел у меня. Мы болтали о том, о сём. Я ему, конечно, рассказал о тебе. Ведь я не могу без того, чтобы не похвастаться своей женой перед новыми, стоящими этого знакомыми.

Матвеев тоже очень интеллигентный и хороший человек. Он мне нравится, и я чувствую себя с ним очень легко и хорошо, в особенности, когда он начинает

¹ Клиника нервных болезней при Московском университете. Статкевич Павел Григорьевич (1870 — после 1917) — экстраординарный профессор кафедры физиологии медицинского факультета Московского университета.

говорить о своей жене, и я могу говорить о своей. Вот Барченков о своей не говорит почему-то, зато говорит о ребёнке, о чём любит говорить и Матвеев. Тут мне пока приходится молчать... Ну что же! Придёт время, и мы будем хвастаться успехами своей Ирины и своего Бори. Ещё немножечко!

Последние дни дела нашего корпуса идут успешно. Поговаривают о скором переходе нашего штаба вперёд, вероятно, опять в [Дубно]. Жаль бросать здешний симпатичный уголок.

Завтра мне придётся поехать в интендантство, 20 вёрст отсюда. Там поблизости и почта. Кстати, справлюсь и у них. Погода портится, дует сильнейший холодный ветер, набегают дождевые тучи. Наступает опять осень. Лето прошло как-то незаметно. Осталась в памяти чудная весна, великолепный наш май... Затем в отношении погоды что-то неопределённое, под поверхностью сознания, а вот теперь осень.

А мы всё воюем, воюем... «А он всё просрачивает и просрачивает»... Помнишь эту цитату из Кони?

М[изот], 6 сентября 1915 г.

Ура, ура, ура!!! Получил от тебя сегодня целых 6 писем!!! Вот когда они понемногу собираются. Так удачно съездил сегодня на почту. Уж и погода была! Насилу доехал: такой сильный холодный ветер, грязь, полосами дождь. Но теперь не обидно; было бы обидно не получить ничего, напрасно мёрзнуть. <...>

По дороге, когда можно было, я читал сегодня «Русские ведомости» от 11 августа. Мне там показалось интересной статья Лурье¹, и я даже думал послать тебе эту статью. И вот я получаю сегодня же твоё письмо, где ты упоминаешь сама об этой же статье... Как это хорошо! Я люблю такие «случайные» совпадения, которые, в сущности, совсем не случайны. Жаль только, что ты раньше пропускала Лурье. Он мне дал для правильной оценки всего того, что совершается больше, чем все прекрасные передовицы вместе взятые. Он даёт факты, а они иной раз очень красноречивы. <...>

Ты пишешь мне, чтобы я продумал хорошенько, что тебе делать по окончании срока². Милая, я думал об этом неоднократно. И вот моё мнение: мне

¹ Лурье Семён Владимирович (род. в 1867) — журналист, сотрудник «Русских ведомостей», «Русской мысли», ряда философских журналов.

² Подходил к концу срок ассистенства Ал.Ив. в Морозовской больнице. Служба в этой больнице не удовлетворяла её. 24 августа 1915 г. она писала: «Сегодня я твёрдо решила служить здесь только до января — так что-то всё это надоело: бесцельная трата времени со старшими врачами, дежурства. Хочется скорее вздохнуть полной грудью, выйти из всей этой ненужной опеки. Вчера в таких симпатичных красках обрисовала деятельность земского врача одна из коллег-гостей. Или, может быть, я опять начинаю уставать. Ведь сейчас приходится мне работать в отделении по 7—8—9 часов. Правда, конечно, много сейчас [такой] необязательной работы, как бактериологические исследования, но ведь без них дизентерия безнадежно однообразна. А главное — отчаянный материал: везут накануне или за два дня до смерти. Ну, скажи, что тут, кроме канцелярии, делать? На меня этот материал действует самым угнетающим образом». Установившиеся в больнице порядки вызывали у неё ассоциации с политической системой государства: «Холодно,

кажется, что тебе надо будет в январе уйти из Морозовки, вероятно, окончательно. Она тебя не удовлетворяет. Ты постоянно будешь с ней воевать, а эта война действует на тебя удручающе. Мира у вас с Алексеевым нет, и не будет. Бывает только перемирие, а этого недостаточно для длительной совместной работы. Лучше разойтись. Если бы мы были вместе, ты бы примирилась со своей работой, с ограниченной своей инициативой. Так же нет. Так тебе всегда будет казаться, что Морозовка тебя давит, что она причина всех зол. Конечно, это правда, это так и есть, но всё-таки не в такой уж степени. Тебе теперь необходима перемена работы и условий её, как воздух. Иначе ты задохнёшься, всё равно не дотерпишь.

Лучше всего тебе взяться за то же, за что взялась Вера Михайловна: уйти в один из союзов и работать на широком поприще общественной помощи¹. И эта работа принесёт тебе немало разочарований, и тут иное не пойдёт так, как тебе хочется, но всё-таки это не то, что сидеть в Москве и заниматься в наше исключительное время обычным будничным делом, хотя и любимым. Настанут дни и для этой работы, сейчас же она тебя удовлетворить не может, пожалуй, даже не должна! <...>

Я думаю, что возможно будет устроиться как-нибудь не только на наш фронт, но даже в нашу или около нашей армии². Правда, и тогда едва ли возможно будет рассчитывать на совместную работу (разве только исключительное счастье), но всё-таки можно надеяться, что удастся увидиться хоть на миг, на маленький миг... Уж и это кое-что да стоит! Тебе же, Шуручка, большой под-

идёт дождь. Осень, слякоть. И такая же слякоть стояла на душе. Хочется сбросить с себя гнёт, хочется вздохнуть свободной грудью и бежать, бежать без оглядки туда, где есть свободный дух и справедливость... Я не знаю, почему, но когда сгущаются тучи на политическом горизонте, мне становится душно и больно в Морозовской больнице. Я отчётливо вижу здесь тоже централизацию власти и давление на личность. Разве с нами считаются, разве выслушивают наше мнение, разве, наконец, дают нам право решить некоторые вопросы чисто товарищеским образом? Нет и нет... Вот не далее как вчера расширили сомнительную терапию на 25 человек и выселили из комнат сестёр и нянь. Почему нельзя поговорить, предупредить? И так хочется, страстно хочется работать в таком учреждении, где всё бы покоилось на свободном сознании долга и взаимности, совести и уважения» (9 сентября).

¹ Вера Михайловна Овчинникова — тоже врач-ассистент Морозовской больницы, в июне перешла работать в Земский союз, заведовала домом подозрительных по холере в Брест-Литовске, затем в Вязьме и др.).

² О том, чтобы «поехать на войну, так как работа там живее и интереснее», подумывала и Ал.Ив. (5 сентября). Место эпидемического врача с высокой по тому времени зарплатой 350 руб. в месяц казалось ей особенно привлекательным. Работа, которую ей часто приходилось выполнять в больнице, была ей не по душе. «А всё-таки я хочу на днях пойти к своим коллегам, имеющим знакомство с деятельностью организаций Земского союза, и поговорить, нельзя ли там устроиться в каком-нибудь эпидемическом отряде. Ты подумай только: вместо интересной работы в отделении я должна идти в амбулаторию и проводить большую часть времени на устройстве больных в разные больницы. Прибавь ещё к этому, что я должна буду искать комнату в это тяжёлое время, и потом... могут тебе отказать в любое время, когда появятся мужчины-врачи. Нет, надо всё разом повать!..» — писала она 11 ноября.

держкой будет и то, что мы с тобой будем работать приблизительно на одном и том же поприще. Теперь, если заглядывать ещё дальше, будущность наша рисуется мне так: после войны мы с тобой накопим малую толику l'argent¹; ведь будет же это когда-нибудь! Я пойду оканчивать стаж в Морозовке (ведь надо же мне хоть немного познакомиться и с детской общей терапией!), а ты снимешь для нас обоих где-нибудь поблизости уютную квартирку, которую мы и оставим по нашему вкусу.

Прежде всего, мы после войны оформим наши отношения. Нельзя больше медлить, слишком тяжело это ожидание будущего, когда можно будет всюду, не только вне Москвы, показываться со своей милой, милой женой, своей гордостью, своим счастьем!.. Я так привык за год с лишним не скрывать, что я женат, что кажется диким снова перед людьми разыгрывать эту комедию. Я знаю, что ты со мной вполне согласна. И тогда, Шурочка, тогда.., ну ты меня понимаешь... Наша светлая мечта тогда может исполниться!.. Ох, как крепко мне сейчас хочется тебя обнять, моя Шурочка!

За этот год после войны ты себе найдёшь какую-нибудь интересную работу либо в лаборатории, либо в приютах или тому подобное. Если нельзя платную, то бесплатную, тогда можно и научно работать. А свободные наши часы мы найдём, чем заполнить!..

После же, по окончании стажа, мы с тобой придумаем что-нибудь самостоятельное, уйдём от опеки, быть может, в провинцию, где мы скорее можем проявить себя, — в Екатеринослав, в Ростов-на-Дону!.. Там видно будет. Если же сложатся как-нибудь благоприятно обстоятельства, то можно и остаться в Москве, только навряд ли.

Вот, Шурочка, целая программа. Остаётся только выполнить её. А наполнить содержанием — тем, что составляет смысл жизни, я думаю, мы сумеем! Наша совместная жизнь не может быть иной, как только богатой внутренним смыслом. За это я не боюсь нисколько!

М[лодава]², 7 сентября 1915 г.

Только несколько коротких слов сегодня. Мы уже опять переехали на новое место, на этот раз вперёд вёрст на 18. Мы теперь находимся в чешской колонии недалеко от Д[убно], верстах в 10—12. Днём переезжали при резком холодном ветре и временами дожде. Совсем уже осенняя погода. При сборах в М[изоце] я под умывальником нашёл своё собственное письмо тебе от 31-го числа, которое вот и пересылаю. Вероятно, его сдуло туда ветром.

Здесь уже все дома к нашему переезду были заранее распределены, а про нас забыли. Пришлось удовлетвориться сравнительно неважным помещением на окраине села. Холодно. Нет печи, комната преобладающая, мебели мало, пустынно, воеет ветер; холодная луна. Будем надеяться, что долго здесь стоять не придётся, что скоро попадём в Д[убно]. Хорошо бы опять туда, в прежнее наше помещение.

¹ L'argent (франц.) — деньги.

² Видимо, нынешняя Млодава Третья, северо-восточнее Дубно.

М[лодава], 8 сентября 1915 г.

У вас опять холера? Не пойму только, отчего она у вас взялась? Неужели какой-нибудь один случай может в больничной обстановке дать такую вспышку?¹ Даже как-то не верится. Зато, вероятно, смертность больничной холеры ничтожная сравнительно. Ведь тут секрет терапии в правильном и своевременном уходе за больным. <...>

Знаешь, чем я сегодня занимался? Я впервые осматривал места недавно ещё занятые неприятелем. После обеда сел на лошадь, заехал к Матвееву, и вместе с ним поехали по направлению к Д[убно]. Сначала шли всё наши окопы. Всюду видны воронки от снарядов, некоторые порядочной величины. Видны были следы перебежек. На опушке небольшого леса впервые увидел наш сторожевой пост на высоком дереве, совсем как изображают на фотографиях. С опушки город — как на ладони. Тут же на опушке свежая могила, просто, но тщательно и с любовью отделанная. Надпись: *Nier guhen* и т. д. («Здесь покоятся два храбрых героя»). И около окопов попадаются кое-где простые деревянные кресты. Даже на дереве одном в коре его изображен большой крест... Как всё это грустно!..

Заехали в село П[анталія]. Ряд халуп сожжены снарядами. Во всех хатах австрийцы выломали печи. В одном домике видна была рояль, где все струны порваны, а клавиши разбиты... Грустно, очень грустно. Дальше мы поехали до более прочных австрийских окопов, крытых листовым железом. Некоторые — с печами и трубами. Окопы не сплошные, а как бы индивидуальные, занимают весь склон холма. Если смотреть с соседнего холма, то получается впечатление массы ласточкиных гнёзд на отлогом берегу реки. Жалею, что со мной не было аппарата. Следующий раз захвачу.

М[лодава], 10 сентября 1915 г.

Был я сегодня в О[строге], где мы раньше стояли, в 8 верстах отсюда, и где теперь стоит интендантство, почта и т. д. Писем и газет не оказалось. <...> Получил я целую кучу денег. Жаль только, что никак не знаю, сколько из них моих. Придётся серьёзно взяться за подсчёт. Эта канцелярия меня подводит, ненавижу я её всей душой. Вот теперь опять придётся озаботиться о тёплых вещах для нижних чинов. Пиши бумаги, хлопочи! А у меня ещё не закончена даже за июнь отчётность. Прямо горе! Главное, не знаешь, как взяться. Тут и советы мало помогают. Тут нужна рутина, которой, конечно, у меня не может быть. Боюсь, что после войны на меня будет начёт за что-нибудь. Поэтому, если я и хочу откладывать деньги, то всё же ещё не буду считать их окончательно своими.

Вероятно, мне завтра придётся ехать в О[зеряны?], на родину Катовича, производить кое-где по дороге санитарный осмотр. Эта поездка затянется дня на

¹ С конца августа Ал. Ив. сообщала об участвовавших случаях холерных заболеваний. Очевидно, холеру в Москву занесли беженцы. 10 сентября 1915 г. Ал. Ив. писала: «Я тоже, как на передовых позициях: целый день за делом и к 11 часам вечера так устаю, что сплю, как убитая. <...> Холера положительно не переводится: только одну партию из сомнительной палаты переведёшь в другие больницы, как появляются новые больные. И все из Гродненской губернии. А прививок до сих пор нет. “Гром не грянет, мужик не перекрестится”. Что делать с нашим разгильдяйством?».

два, не меньше, а при плохой погоде и больше. Тем временем, мы отсюда, вероятно, уж двинемся дальше вперёд. Вот когда меня научили подвижности! Я я-то думал, что я уже никуда не годный в этом отношении, способен только сидеть на одном месте.

О[зёрны?], 11 сентября 1915 г.

Вот я опять путешествую и собираюсь сегодня ночевать у товарища — этапного врача, с которым я познакомился ещё в прошлую свою поездку из Виткова в Дубно. Пришлось мне и сегодня тоже проезжать мимо нашей почты. Получил там от тебя два письма. <...>

Попал я здесь в обстановку, от которой уже отвык: у коменданта — жена, дети. Ещё другой офицер, тоже с молодой женой. Сразу получается какой-то семейный уют, обстановка... Необходимо нам всем это, ох, как необходимо!

Коллега средних лет, симпатичный, из Одессы. Когда-то был на одном курсе с Борисом Абрамовичем Эгизом. Ещё товарищи-однокурсники считали его очень самонадеянным и несимпатичным, резким человеком и сторонились его. Вот как давно уже за ним эта слава!

Погода мне, как нарочно, благоприятствовала: чудесный тёплый и ясный день бабьего лета. Ни ветерка, ни грязи, ни пыли — удовольствие ехать.

Беженцы теперь уже возвращаются, многие слишком поспешно. Встретил я десять фур с галичанами из-под Львова, скитавшимися уже четвёртый месяц. На мой вопрос они ответили, что возвращаются домой. Казаки им сказали, что Львов уже занят нашими войсками!.. А позиции от них только в 20 верстах!.. <...>

«Русские ведомости» мне за последние дни что-то перестали доставлять. Не знаю, чем это объяснить. Неужели задерживают?

Когда будешь мне посылать тёплые вещи, то присовокупи книжку: П. Рорбах: «Германия и колониальная политика»¹ (вроде этого). <...> Ложусь спать. Завтра раненько в обратный путь, вероятно, до Дубно.

М[лодава], 12 сентября 1915 г.

Вот я опять вернулся «домой». Поздно, пора спать. <...> Вот несколько сценок из моей поездки.

Полдень, солнышко припекает. Еду по пыльной дороге. Кругом всё поля да поля, кое-где красный полевой мак. На горизонте начинающие окрашиваться леса. По воздуху тянутся серебристые нити... Тихо в поле, людей не видно. Хорошо...

Другая сценка: на краю дороги стоит небольшой табор беженцев-галичан. Я подхожу, меня сразу обступают все. Тут и старики в широкополых шляпах, с дымящимися трубками во рту, и кормящие грудью молодые бабы, и белокурая детвора с светлыми наивными глазёнками, и подростки-хлопцы с преждевременной важностью на лице. Одеты плохо, на многих лохмотья. Голодают, ведь их гонят прочь... Глаза их обращаются на меня с жалобой и надеждой. Но не покидает их природный юмор, и переносят они все лишения и превратности судьбы с каким-то удивительным стоицизмом — они выше своего несчастья... Я их расспрашиваю, обнадеживаю немножко, но я бессилен, ведь даже с деньгами они здесь ничего не могут купить.

¹ *Рорбах, Пауль.* Война и германская политика. М., 1915.

Я ухожу, а они меня благодарят. За что? За ласковое слово? Немного нужно человеку. — Грустно.

Третья сценка: вечер, взошла луна, стало вдруг светло. Позади меня метачко, через которое только что проехали. Там тихо. Переезжаю мост, обрисовывается фигура часового. Дальше большая дорога. Оглядываюсь: яркая луна ярко же отражается в пруду. Молчалив силуэт моста и часового... Гляжу вперед: плывут навстречу какие-то фантастические тени, всё ближе, ближе... Вот подходят — оказывается, просто эшелон пленных австрийцев. Проходят мимо, доносятся обрывки разговоров, исчезают. Опять тихо и безмолвно; опять дорога, моя бричка, полная луна — вот и всё... На душе тихо...

М[лодава], 13 сентябрь 1915 г.

Быстро пишу тебе несколько строк. Сейчас поедет один человек в Россию, и вот я ему хочу дать письмецо. <...>

Только что вернулся с поездки верхом по направлению к Дубно. Там мы с Барченковым сделали несколько снимков в покинутых окопах. Сняли могилу, сняли внутри блиндажа. Собираемся сейчас заняться проявлением. Наблюдали обстрел нашей артиллерией мостов через Икву, которые наводили австрийцы.

Сейчас получили приказ быть готовыми к отходу. Всё упаковали, и всё-таки решились попробовать предварительно проявить пластинки. Авань, не придется уходить.

Погода тёплая и ясная. Снова появились аэропланы, которые обстреливаются, но без результата.

Почему нет писем? Где они задерживаются?

Шурочка, когда ты будешь мне готовить посылку, то не забудь вложить несколько пачек (чем больше, тем лучше) фотографической бумаги: Nuptona кремовая, 9 x 12¹. Пишу быстро и сам чувствую, что получается нечто бестолковое, но надо спешить, и хочется послать для разнообразия с марками.

Неужели мы завтра опять будем где-нибудь в Мизоче? А ведь там было хорошо! Один парк чего стоит. А поздней осенью, когда вся листва окрасится, будет ещё лучше. **Катович** решительно ничего не делает. Я-то хоть разъезжаю, но он и не напрашивается на работу. Наши отношения погибли безвозвратно.

Часто вспоминаю уехавшего в отпуск прежнего корпусного врача. Это был живой человек! Теперь же мы имеем дело с бумажной мумией. Прямо горе, беда! Ну, пройдёт, всё кончится. У нас всё будущее, всё впереди!

М[лодава], 15 сентябрь 1915 г.

От тебя писем нет, и я немножко приуныл. Вот и сегодня здесь почта уже получена, но для меня нет ничего, даже газеты. <...>

Через два часа едет отсюда в Россию Матвеев, получивший командировку в Харьков для закупки автоклава и ещё чего-то. Я ему дам это письмо. <...>

¹ На эту просьбу Ал.Ив. отвечала: «Только что запечатала тебе посылку. Вложила книжку, а фотографической бумаги нигде не смогла достать! По моей просьбе Настя [младшая сестра Ал.Ив.] все фотографические магазины обегала, но неизвестно, когда будет бумага» (21 сентября 1915 г.).

Вчера я занимался с горя канцелярией. Сел за неё и сегодня. Кроме того, я вчера немного печатал. День прошёл бесцветно, даже верхом я вчера никуда не прокатился... Есть же такие счастливицы, которые служат, не ведая никакой канцелярии! Как я им завидую. Дорого бы дал, чтобы отделаться от неё.

У Барченкова появился план устройства какой-то особенной дезинфекционной камеры. Он предлагает мне сообща соорудить её. Стал он мне излагать свои соображения, и я тут снова убедился, какой я невежда по части точных знаний... Я обещал оказать ему всякое содействие и людьми, и материалами, и даже деньгами, но идейную часть предоставляю ему. Не знаю, насколько серьёзно и горячо он возьмётся за это дело, но план его, кажется, оригинальный.

В общем, Шурочка, живём мы тут, получаем деньги, а неизвестно за что. Хотя это вынужденное безделье труднее живого дела... Есть потуги на что-то, но свершить ничего не дано!

Впрочем, на днях начнётся поголовная прививка всем без исключения брюшного тифа. Давно пора! Хотя, к счастью, санитарное состояние в армии вполне удовлетворительное — небо милостиво.

М[лодава], 17 сентября

Старая песня: нет писем, нет даже газет. Насколько правильно мы получали почту в Радзихове, настолько она теперь запаздывает. <...>

Сегодня я хочу тебе просто сообщить одну радостную весть: врачам тоже разрешены кратковременные отпуска домой!!! Хоть только несколько дней, но я буду скоро опять с тобой в Москве! <...> Отпуск будет коротенький — только десять дней, включая сюда и проезд. В Москве удастся побыть в лучшем случае дней 6, не больше. И всё-таки, какое наслаждение, какая необходимость!

Матвеев приедет в конце сентября. Затем, вероятно, уедет Барченков, а после него — я. Правда, разговоров с корпусным врачом ещё не было, но мы уже так решили промеж себя. Таким образом, мне пришлось бы поехать во второй половине октября, около 17-го!¹ <...>

Ещё в Радзихове вышел приказ, разрешавший всем строевым офицерам кратковременный отпуск. Сначала отпускали и врачей, но вскоре было получено разъяснение, что к врачам это не относится (почему?). И вот сегодня новое разъяснение, на этот раз вполне авторитетное. Скоро, скоро, Шурочка! <...> А как хорошо было бы поехать не в гостиницу, а в свою собственную квартиру, к своему собственному семейному очагу! Мечта!

А у меня на столе цветы не переводятся.

М[лодава], 19 сентября 1915 г.

Ты пишешь, «кажется, что ты где-то далеко, и нет никакой возможности найти тебя». А когда ты мне пишешь, что Москва как большой муравейник, и улицы запружены народом², то мне тоже кажется, что это где-то далеко, далеко,

¹ 17 октября — день рождения Фр.Оск. (28 лет).

² Оживление на московских улицах было вызвано не празднующей толпой. 6 сентября Ал.Ив писала: «Вот уже третий день, как не ходят трамваи. Вчера добиралась до 4-й Тверской частью пешком, частью на извозике. Последние так дерут, что волей-

во всяком случае, не в этом мире, где есть только воюющие или беженцы, причиняющие страдания и страдающие... Неужели и сейчас в 5 часов дня по Кузнецкому фланирует нарядная публика, у Мерилиза¹ закупают, зевают у витрин Дациаро², а вечером заполняют все кинемо и всю Тверскую!.. Я знаю, что это так, но в настоящий момент как-то не принимает душа.

Удивительно всё-таки человек ко всему привыкает, чудно он создан. А вот, попади я в Москву, и тоже буду находить всё это вполне естественным, нормальным...

Сегодня прочёл в приказе по санитарному отделу армии о назначении А.С. Молодёнкова³ старшим врачом санитарно-гигиенического отряда 12-го корпуса, № 14. На ту же должность, которую здесь занимает Щастный. Я рад за него — это всё-таки подобие медицинской работы: лаборатория, исследования, прививки. Если только у него найдётся толковый фельдшер, который будет вести всю канцелярию, то его дело в шляпе. Надо будет ему написать, поздравить с новым назначением.

Других новостей у нас нет, если не считать, что нам пригнали 8 ратников 2-го разряда⁴ — неграмотных молдаван, которые должны заменить моих теперешних обязанных и трёх санитаров, отправляемых в строй. В обоз конюхами их можно пристроить, но выучить из них годных санитаров никак нельзя надеяться. И вот я хлопочу, пишу рапорта, посылаю телеграммы.

Дни стоят у нас тёплые, солнечные, но после холодов они губительно отразились на деревьях: всюду листья пожелтели, покраснели, начинают осыпаться. Уже наступает настоящая осень со всей своей роскошной гаммой цветов и оттенков, такая красивая!

Завтра утром поеду в О[строг] на почту, в интендантство и казначейство. Я, наконец, подсчитал общую сумму собранных денег — оказалось без сентябрьского жалованья целых 450 р.! Больше, чем я ожидал. Ну, пора, наконец, перестать болтать.

М[лодава], 20 сентября 1915 г.

Ну, Шурка, буду беспощаден, изведу тебя цифрами! Другой раз не будешь называть меня транжиркой, да-с!! Вы, милостивая государыня, желаете знать, куда я трачу деньги. Извольте-с, представляю счётёц. Только уж не отмахивайтесь обеими руками, не закатывайте глаз, не затыкайте ушей, не вопите, что скучно! Нет-с, уж раз напросились, так и слушайте-с!

неволей приходится добираться путём пешего хождения. А какое оживление на улицах! Прямо муравейник. Даже занятно посмотреть. С Тверской поехали <...> на Ярославский вокзал. И там такой же муравейник: едут, едут без конца. Тяжёлое впечатление производят сидящие на платформе беженцы, но ещё тяжелее видеть безногих или с парализованными ногами офицеров на руках у носильщиков».

¹ Роскошный магазин торгового дома «Мюр и Мерилиз» на Петровке.

² Магазин Дациаро на Кузнецком мосту славился высококачественной графической продукцией.

³ Молодёнков Алексей Сергеевич — ординатор Морозовской детской больницы.

⁴ К ратникам 2-го разряда причислялись нижние чины государственного ополчения, физически негодные к службе в постоянных войсках, но способные носить оружие.

<i>Приход:</i>	<i>Расход:</i>
К 1-му июля состояло налицо — около 50 р.	За стол за июль — около 32 р.
Жалованье за июль — 207 р.	Проиграно в карты в июле (1 раз) — около 120 р.
Полевые порционные за август — 124 р.	На мелкие расходы (свечи, печенье и т. д.) — около 10 р.
На варку пищи за август — 5 р.	За стол за август — 36 р.
Жалованье за сентябрь — 207 р.	Хлыст (в Дубно) — 2 р.
На варку пищи за сентябрь — 5 р.	Кофейня (там же) — 1 р.
	Баня (там же) — 1 р.
	Пара лошадей с повозкой — 80 р.
	Бричка — 25 р.
	Печенье и конфеты (в Остроге) — 6 р.
	На беженцев всего только — 25 р.
Итого 934 р.	Итого 338 р.

Следовательно, всего у меня в настоящий момент должно быть 934—338=596 р. На самом же деле у меня сейчас имеется в кармане собственных денег больше, а именно целых 660 рублей. Каким образом? Не знаю. Вероятно, где-нибудь ошибся в расчёте: проиграл меньше, чем думал; было больше к 1 июля; может быть, где-нибудь да как-нибудь и выиграл (хотя и не играл). Долго ли такому фрукту как я ошибиться! На этот раз ошибся в свою пользу, и слава Богу! Казённые деньги в целости, по ним ведётся отчётность, тут ошибки быть не может.

30 сентября я получу полевые порционные в количестве 120 р. Таким образом, я к 1-му октябрю гарантирую тебе (за вычетом близких расходов: стол и т. д.) чистое сбережение в 700 рублей, 1 бричку, 1 повозку и пару лошадей! Не считая ту ценность, которую я сам представляю как рабочая сила. Да-с!!!

Ну что? Уморил? Досталось? Так и надо тебе за малое доверие, за сомнения!

М[лодава], 22 сентября 1915 г.

Целый день сидел и мучился над своей канцелярией. Говорят, что скоро у нас будет проверка отчётности, надо поспешить с приведением в порядок. Катовичу пришлось вчера и сегодня поработать, дезинфицировать. И хорошо. А то совестно даром жалованье получать. Сидим всё на том же месте.

Млодава, 23 сентября 1915 г.

Завтра утром командирруется мой мл.у.-о. [*младший унтер-офицер*] в Бердичев за уральскими банями (ты знаешь, что это такое?), и вот я для разнообразия посылаю тебе письмо с маркой. Как на грех, сегодня не могу тебе писать, как хотелось бы. Целый день до одурения сидел за своей канцелярией. Помогал мне один тип (канцелярская крыса) из соседнего сан.-гигиенического отряда. Дело, наконец, подвигается, и с завтрашнего дня я начинаю переписывать начисто в книгу приказов. <...> Ко всему прочему от тебя нет писем, и погода тоскливая, — идёт мелкий осенний дождичек.

Дух же у меня бодрый: ведь я скоро буду в Москве!!!!!! <...> Получил Р.В. за 10-е и 11-е, понемножку собираются номера.

[Млодава]¹, 25 сентября 1915 г.

Сегодня какой-то бенефис: три письма от тебя, открытка от Эдит от 17 сентября и 4 номера Р.В.!!! Из Риги я не имел известий уже более трёх недель. <...> Я теперь знаю, что у них всё идёт по-старому, что они сидят на одном и том же месте. Вилли без работы в Риге. Сомневается, переехать ли ему в Москву или нет. Скучно без работы. Я тут только не понимаю, почему он без работы. Потерял ли место, сам ли ушёл? Вероятно, мне об этом писали раньше, но я не получал писем.

Артур тоже ещё в Риге. Трамвай почти весь эвакуирован, но он ещё при работе. Эдит нашла себе уроки стенографии, однако, плохо оплачиваемые. Лени даёт много уроков в частных школах, некоторые из которых ещё функционируют.

Не знают, что делать с Карлушкой, так как ему в Риге ни в Двинске нельзя пристроиться в гимназии за полной их эвакуацией. Думают его отправить в Москву, но там дорого.

Об отце и матери Эдит не распространяется. Говорит только, что все здоровы. <...>

Милая Шурочка, давай поможем своим родным! <...> Если я из наших общих денег смело хочу помогать своим, то и ты так же смело можешь помочь и своим. Ведь так? Мне, кроме радости, ты этим ничего не доставишь. А маленькие сбережения у нас всё равно будут. Если у нас останутся к окончанию войны полторы тысячи, то больше нам и не надо. А капиталистами мы с тобой не сделаемся, уж на меня не рассчитывай².

М[лодава], 27 сентября 1915 г.

Занялся чтением. Я всё-таки и сейчас довольно много читаю: рано утром Marfan³, вечером в постели — старые номера «Русских ведомостей». И старые номера бывают иногда очень любопытны. Прежде всего, статьи Лурье. Некоторые из них чрезвычайно поучительны. Даже там, где он отрицает, где он желает, как бы выставить в неприглядном свете... Впрочем, редко у него встречающийся пафос — явно деланный, надо! <...>

¹ Прописная буква «М», означающая место, вымарана цензурой.

² Ал.Ив. всегда одобряла предложения Фр.Оск. помочь родным и сама предлагала им помощь, но её отношение к материальным благам было иным, чем у него. Выросшая в большой нужде, она придавала большое значение «материальному вопросу». «Я хочу после войны окружить тебя комфортом, и ради этого хочется хоть немного приобрести и скопить. <...> Хочу много денег, а то тяжело смотреть на постоянные нехватки [у] своих [родных]» (11 сентября 1915 г.). Позднее она писала мужу: «Ты меня сегодня насмешил [тем], что из-за материальной стороны ты органически не способен волноваться. Это очень хорошо теоретически, но практически материальный вопрос очень и очень может угнетать, если и духовная сторона-то весьма и весьма страдает» (16 октября 1916 г.).

³ *Марфан, Антонио Бернард* (1858—1942) — французский педиатр, профессор клиники детских болезней в Париже.

Слякоть, сырость. Каждый день с часок сижу на лошади, скачу по лугам и полям. Никуда не хожу, не вижусь с товарищами. Обед мне приносят сюда. Хочу сначала покончить с канцелярией, чтоб ей пусто было! Сидим всё на том же месте.

М[лодава], 28 сентября 1915 г.

Уморился, целый день сидел над бумагами и скрипел пером. В приказах по отряду дошёл, наконец, до 1 августа, осталось переработать ещё два месяца. Хочу закончить в ближайшие 2—3 дня во что бы то ни стало. Отвязаться бы поскорей.

А что потом? Какую я себе найду работу после? Не знаю, так как свыше нам ничего не поручают. Мои же намёки и разговоры остались без внимания... И о дальнейшей возможной для нас деятельности хотел бы я поговорить с тобой. Ведь я круглый невежда по вопросам санитарии и гигиены. Ты могла бы мне дать кой-какие полезные идеи, советы. Ну, впрочем, мы с тобой обо всём поговорим. <...>

Неужели мы здесь будем стоять всю зиму? Не то, чтобы это меня страшило, в конце концов, не всё ли равно? Но странно очутиться неожиданно на более продолжительное время в маленьком селе, в колонии, среди полей. Опять будет завывать ветер. Вот так, как в прошлом году в Волочишке.

Знаешь, Шурочка, я бы сейчас даже не прочь в картишки перекинуться. Это иной раз как-то служит как бы громоотводом. Вот только, к счастью, нет партнёров, не с кем. Ты не сердись на меня за это моё пожелание. Ведь это всё-таки более умственное развлечение, чем сидение за канцелярией, сгинь она на этом самом месте!

Ещё у нас развлечение — это баня. Это вечная заслуга Барченкова. Пользуемся ей изрядно.

Сердце, одно время меня опять начинавшее тревожить, снова наладилось. Верховая езда действует успокоительно для него.

М[лодава], 29 сентября 1915 г.

Сегодня немножко больше событий, чем вчера. Утром был первый мороз. Было ясно. Появился аэроплан, который и обстреливали. <...>

При штабе корпуса числятся 10 врачей. Таким образом, отпуска будут у нас каждые 5 месяцев. Давно пора! Как это ни кажется мало, всё хочется большего, но ведь есть тут врачи, не бывшие дома с самой мобилизации! У того же Щастного я сегодня встретился с таким типом. Ты только подумай!

Теперь вопрос в том, когда наступит моя очередь. Конечно, почти все просятся поскорей, поэтому трудно сказать определённо, что мне удастся поехать в октябре, но я надеюсь. Во всяком случае, впереди как маяк светит эта надежда.

От корпусного врача я получил сегодня предписание объехать все учреждения № дивизии с широкой программой. Завтра с утра поеду. Вероятно, придётся разъезжать несколько дней. Однако я думаю по вечерам возвращаться «домой», писать тебе писульки.

Жаль, что я возрастом и внешней солидностью мало гожусь для роли санитарного врача, не говоря уж о специальной подготовке. Ведь мне приходится до

некоторой степени контролировать лазареты, перевязочные пункты, околотки, а там сидят всё больше люди солидные, опытные. К тому же всякие там генералы встречают санитарных врачей очень предупредительно, даже очень... Неловко как-то. Ну, посмотрим.

М[лодава], 1 октября 1915 г.

Я уверен, что ты не будешь сердиться, что я тебе вчера не писал. Хотя я никуда и не ездил и сидел дома, обстоятельства так сложились. С утра занялся канцелярией. Решил, что надо сначала хоть денежный журнал довести до августа. Он у меня не был начат. зашёл к типу, который всё знает. Всё утро мы с ним провозились, давал он мне объяснения. После обеда я начал писать. Писал, писал...

Пришла почта, а для меня опять — nihil!! Что это значит?

Я опять за канцелярию и писал до одурения, до тошноты. Когда же я вечером (ночью) хотел взяться за письмо тебе, то оказался не в состоянии: голова трещала, глаза слипались, весь разбитый, никуда не годный. Как подкошенный свалился в постель.

Сегодня я не намного свежее: утром отправился в своё кругосветное путешествие, вернулся только в темноте с горячей головой (дело в том, что от этих «умственных» занятий я стал плохо спать по ночам и встаю не выспавшийся, с тяжёлой головой).

После ужина позвал меня к себе Матвеев, только что вернувшийся. Он меня попросил перевести на немецкий язык письмо брату, военнопленному. Провозился я у него до 12-ти часов и вот пишу тебе. <...>

Дивизионного врача, которому я должен был представиться, я не застал. Поэтому поехал со старшим врачом артиллерийской бригады, с которым встретился, прямо к нему, начиная с него. Впервые был на артиллерийских позициях, видел батарею, получил первое боевое крещение. Когда мы подъезжали к селу, в котором они стоят, изредка над ним рвались шрапнели. Как нарочно, при нашем въезде стрельбы прекратилась. Во время обеда за общим столом с офицерами тоже раздавались отдельные разрывы, скоро прекратившиеся. Товарищ повёл меня на переднюю окраину деревни у реки, где на чердаке одного дома находился наблюдательный пост. Там я в бинокль видел австрийцев в окопах. Сделал снимок этого поста. Потом сделал два снимка батареи. Пока я возился, вдруг слышен выстрел и характерный вой снаряда; однако, шрапнель разорвалась далеко от нас, так же и второй снаряд.

На обратном пути, уже в темноте, я видел с горки, как рвались наши снаряды над *Дубно*. С вражеской стороны работали прожекторы.

М[лодава], 2 октября 1915 г.

Сегодня я опять никуда не ездил. Нужно было заняться рядом хозяйственных вопросов, а, кроме того, очень хотелось поскорей получить посылку, тем более что я был твёрдо убеждён, что сегодня будет много писем от тебя. И вот, вместо того, чтобы поехать в дивизию, я поехал в обратную сторону, на почту и в интендантство. И что же? Опять нет от тебя ни письма, ни газеты. Уже шестой день! <...> На почте высказали предположение, что, может быть, корреспонденция попадает в другие отряды других корпусов, и

советовали адресовать просто: 10 полевая почтовая контора, штаб 8-го корпуса, доктору К. <...>

Я же, Шурочка, могу тебе сообщить радостное, праздничное! Дело в том, что Барченков получил разрешение выехать в отпуск, а сегодня уже уехал на две недели. Вторым же кандидатом числюсь я! Я об этом уже говорил с корпусным врачом, и он дал согласие. Препятствий сейчас никаких не предвидится, и едва ли они окажутся. Значит, если мне не удастся быть у тебя 17-го, то почти наверняка я буду в Москве 18-го октября! Шурочка, ликуй, как ликую я! <...>

Сейчас опять сяду за канцелярию. Сегодня выбрал обратный порядок, чтобы не оказаться опять в невменяемом состоянии. Затем пойдут несколько дней разъезды. Решил я ехать верхом, так как на бричке не всегда можно быстро проехать, да к тому же верхом и теплей. Купил у Катовича второе седло. Ведь ему ни к чему, а я на второе седло посажу ординарца. Так и видней, и представительней, и просто необходимо кому-нибудь на остановке смотреть за лошадей.

М[лодава], 3 октября 1915 г.

Сегодня я очень сильно утомился и сейчас совсем разбит. С утра скакал верхом в части. Пришлось одолеть порядочные расстояния. Был я сегодня впервые в окопах. Правда, не в самой передней линии, но всё же во второй. Одно время даже стоял в открытом поле во весь рост, в одной версте расстояния от австрийских окопов с биноклем, рассматривая их. Почему-то не стреляли. Я мишень для прицела прекрасная. Впрочем, не бойся, вышло это нечаянно и больше не повторится. Зря рисковать я, конечно, не буду, хотя по совести, особенного страха не испытывал.

М[лодава], 4 октября 1915 г.

Я получил открытку от Карлушки от 15-го и письмо от Лени от 24-го! <...> Общее настроение, по-видимому, удручённое, особенно у матери. Удручает то, что, вероятно, скоро придётся расстаться с братьями. По крайней мере, уже составляются списки всех мужчин от 18 до 43 лет. Карлушу они отправили уже в гимназию в Юрьев. Мне очень жаль, что они не дождались предварительно моего письма. Быть может, они его тогда отправили бы в Москву. Мне это кажется более правильным, так как и Юрьев слишком близок к фронту. Не пришлось бы ему и оттуда эвакуироваться. <...> Отец, по выражению Лени, «держится» (она пишет по-русски), мать же сильно грустит и представляет своё будущее в самых мрачных красках...

М[лодава], 5 октября 1915 г.

Здесь я купаюсь в бумажном море. Грозит оно захлестнуть меня своей мутной волной... <...> Написал письмо матери, старался её утешить, ободрить. Советовал, если не поздно, хотя бы к Рождеству перевести Карлушку в Москву. Там ему будет лучше, спокойней. <...>

На дворе холодно, сегодня шёл дождь. Комната наша мало уютна, особенно вследствие наших скверных отношений. Впрочем, у нас после Д[убно] ни одного столкновения не было: внешне корректны, мы отмалчиваемся друг от друга. Барченкова нет. Вот Матвеев иной раз заходит, скрашивает обстановку. Сюда бы товарищей из 253-го госпиталя! Хорошие были люди, сердечные и простые.

М[лодава], 6 октября 1915 г.

Сегодня я опять разъезжал. Был во 2-м лазарете № дивизии и в передовом перевязочном пункте. Поговорив, посудачил с товарищами. Со сколькими людьми пришлось мне уже познакомиться с тех пор, как я ушёл из госпиталя! Как тихо и внешне бесцветно протекала там жизнь, и всё-таки как трудно было оторваться от неё. Теперь я не жалею — быть может, здесь и больше огорчений, разочарований, быть может, ещё меньше приносишь непосредственной пользы, но тут ближе стоишь к жизни армии, лучше её понимаешь, а через это лучше понимаешь и общий смысл творящегося вокруг. Хочется теперь познакомиться с тылом, с тем, как вы там думаете и чувствуете... <...>

Сколько горя кругом! Вот, проезжал я сегодня через большое село, тянущееся на протяжении полутора вёрст. В этом селе остался только один дом с наполовину уцелевшей крышей и нетронутая церковь. Всё остальное представляет собою груды погоревших развалин. Только трубы торчат ещё кое-где!.. Среди этих обломков бродят вернувшиеся беженцы. Кое-как они укрылись под навесами, в погребах. Земский союз выдаёт им картошку, горячую пищу. И вот они живут! Даже взялись некоторые из них за обычные полевые работы... Не так далеко раздаются орудийные выстрелы, рядом с ними на возвышенностях наши резервные окопы... Кто знает, может быть, снова придётся им «утикать», снова будет разорено уцелевшее, — а пока они пашут и сеют, сажают картошку... Что ещё им остаётся? Земля и погода не ждут. Не обработаешь поля — и в будущем году голодный останешься.

Всё множатся впечатления войны, а вместе множатся и тихие мирные впечатления: дали полей, рельефы холмов, тихие ручьи и речки, осенние дубовые бурые рощи с их крепким здоровым ароматом... Хорошо в полях и лесах! Везде там, где не видно присутствия человека, где можно забыть на время о том, что вот уже второй год длится бойня культурных народов, «европейская война XX столетия»!

Не к новому ли варварству мы возвращаемся в самом деле?!..

М[лодава], 9 октября 1915 г.

Сегодня хотел заняться канцелярией, но вместо неё наблюдал, как наша команда устраивала свою зимнюю квартиру, мазали печь, мастерили нары. У меня много хозяйственных забот, не только заботы о канцелярии. Так проходят дни нашей жизни... Вероятно, это письмо дойдёт вместе со мной или днём-двумя раньше.

М[лодава], 10 октября 1915 г.

Завтра мне опять придётся ехать в село П[ривольное] по дороге в Д[убно], о котором я тебе писал ещё из Д[убно]. Среди вернувшегося населения будто бы эпидемия дифтерита. Захватчу с собой сыворотку и проверю это сообщение.

Сегодня Катович снова позволил себе дикую некультурную выходку. Посоветовавшись с коллегами из сан.-гигиенического отряда, я решил, что нам необходимо расстаться с ним окончательно. Конечно, не официальным путём неприятных рапортов. Я уже написал письмо бывшему нашему санитарному врачу Алфеевскому, назначенному в санитарный отдел армии, и просил его урегулировать этот вопрос к обоюдному удовольствию, без шума устроить нам развод.

Письмо это я прочёл предварительно Катовичу. Это единственный выход из создавшегося невыносимого положения. Я это сначала продумал. Товарищи же всецело одобряют и даже советуют. Не думал я в Киеве, что нам так придётся расходиться...

М[лодава], 11 октября 1915 г.

Как это часто бывает в Морозовке, так оказалось и здесь: дифтерит оказался с мелкоточечностью! Одним словом, в селе — скарлатина. Я обошёл подворно всё село и нашёл 6 случаев в пяти хатах, расположенных в разных районах. Раньше уже умирали дети. В околотке полка мне удалось поймать троих солдат с тяжёлыми флегмонозно-некротическими жабами! Раньше солдаты жабами там не хворали. Двое из них помещались в хате, где уже умер ребёнок и где другой лежит со скарлатиной! Общая картина вполне ясная, как видишь. Много труда стоило убедить старшего врача полка, что речь идёт не о дифтерите, а о скарлатине. Врач — военный! Всё порывался впрыснуть сыворотку. Насилу убедил. Сутился целый день. Вернулся уже в темноте.

Развернул перед корпусным врачом целый план мероприятий. С.М. Щастный всецело на моей стороне. Однако наткнулся на равнодушие. Главный довод — среди взрослых эпидемия не может разгореться, а местное население нас не касается!..

Ушёл довольно удручённый. Изложил ещё раз всю суть и своё мнение в рапорте — тогда хоть останется доказательство моего доброго желания. Однако едва ли из этого выйдет что-нибудь дельное. Вот сегодняшний мой порыв и — холодный душ, которым меня окатили за излишнее старание!..

М[лодава], 12 октября 1915 г.

Не напрасно я подумал, что теперь августовская посылка дойдёт: сегодня я её получил. Она чрезвычайно удачно составлена. Всё такие вкусные вещи! И ничего не испортилось, против ожидания. Теперь у меня такая масса всяких сладостей, что я даже сожалею, что нет Барченкова. Он помог бы мне одолеть все эти горы шоколада и конфет. Между прочим, конфеты мне уже пригодились вчера во время моих поисков скарлатины среди детей. <...>

Писем от тебя, однако, опять нет. Получилось, зато письмо самой матери, но ещё от 27 августа. Хотя и запоздало оно, однако благодаря этому не утратило своих особенных свойств; с нежностью и любовью оно написано, с нежностью и любовью мною прочитано... Опять ведь сейчас идёт натиск германцев на Ригу, опять они рискуют каждый день очутиться по ту сторону черты...

Так и есть: получил четыре номера Р.В. сразу: от 16, 17, 18 и 19-го сентября. Нечего сказать: новости самые свежие. Оказывается, что те же самые Р.В. доходят сюда на четвёртый день, если не посылать их бандеролью, а самым обыкновенным способом подписаться на них. Я думаю, с ноября месяца мы так и сделаем. Согласна?

Сидел опять над канцелярией. Пыхтел и кряхтел. До тошноты скучно вычислять и писать, но приятно смотреть на пройденный уже путь, где всё на своём месте, всё так чинно-благородно! Непременно закончу её на этих днях, ещё до возможного моего отъезда. Хочу передать временному заместителю всё в полном порядке.

М[лодава], 13 октября 1915 г.

Я ещё на днях напомнил корпусному врачу о его обещании, и он подтвердил его, хотя казалось, что о нём уже забыл. 16-го или 17-го должен вернуться Барченков, и только тогда можно будет окончательно определённо выяснить положение, то есть, кто меня будет замещать и т. д. <...>

Сегодня мы всё-таки изолировали всех scarлатинозных больных и произвели дезинфекцию формалином (в селе П.). Не знаем только, как организовать питание, так как земский союз в лице главноуполномоченного отказался прислать эпидемический отряд, ввиду того, что будто бы село П. находится под артиллерийским обстрелом! Это, однако, неправда, хотя, конечно, оно доступно для снарядов, как, впрочем, и наша колония М[лодава]! Ведь стреляли же германцы из Остенде в Дюнкерк!

Обещались устроить какое-то амбулаторное лечение. Это при scarлатине, да ещё при таких условиях! Прямо смешно. Впрочем, пока ещё вообще никого и ничего не видно.

Дни с 19 по 30 октября 1915 года Фр.Оск. провёл в Москве, где состоялась его помолвка с Ал.Ив.

М[лодава], 1 ноября 1915 г.

Ну, Шурочка милая, я опять на старом месте, и отпуск мой окончательно канул в лету. Приехал я в Здолбуново с опозданием, только в 5 часов вечера, а сюда только в полседьмого. Помылся и тотчас же пошёл к корпусному врачу, однако оказалось, что он спал. Я его не стал тревожить, и зашёл к коллегам в сан.-гигиен. отряд. Там, кроме всего прочего, узнал, что меня тут ожидает неприятность: тот товарищ, с которым мы в своё время осматривали окопы [Григорович], теперь официально оспаривает правильность моих утверждений и уверяет, что мои сообщения — сплошная выдумка! <...> Узнал об этом пока только со слов Щастного. Дела, у меня лежащие, ещё не разобрал, оставил до завтра. Говорят, что имеется официальный запрос, ответить по существу предъявленного обвинения. Завтра всё это разберу. Всё же на душе осадок какой-то грязной мути! <...>

Команда моя без перемен, общее положение пока тоже...

Щастный говорит, что меня завтра здорово запрягут, что предстоит много работы по санитарной части, объезды и т.п.

Очень хочется спать, чувствую большую усталость. Хотя мне и прошлую ночь удалось заручиться верхним местом в купе и спать хорошо. Это просто наступила естественная реакция после стольких дней напряжённого состояния.

Хожу с кольцом. Мне всё больше нравится эта эмблема нашей прочной связи, и я так доволен, что мы приобрели их!..

М[лодава], 2 ноября 1915 г.

Серо на душе, не светло. Ярче ощущаешь после встречи, чем являешься ты, что я в тебе теряю, когда расстаюсь с тобой!.. <...>

Был у корпусного врача, которому представился после приезда. Принял он меня радушно, расспрашивал о Москве. Коснулся и доноса на меня Григоровича. Всецело на моей стороне. Сообщил мне, что Григорович как-то ударил хлыстом

своего младшего врача! Из-за этого уже раз было поднято дело, окончившееся для него сравнительно благополучно. «Чего же можно ждать от такого субъекта!» — сказал мне Вышемирский. Какая гадость, и какая грязь! И он оказался моим коллегой по выпуску! <...>

Идёт мелкий дождичек, порядочная слякоть также и на душе...

М[лодава], 3 ноября 1915 г.

С утра развезжал опять на своей бричке-ковчеге по полям и деревням. И не безрезультатно: в одном селе среди населения нашёл самый настоящий тяжёлый дифтерит с отёком (четыре случая), а в двух других нашёл даже по одному случаю натуральной оспы! Оспа уже не свежая — четвёртая и вторая неделя. Характерно то, что в обоих случаях [больных] в начале болезни показывали врачам, а в одном даже некоему доктору Поспешиллю, чеху. И оба они признавали начало кори! <...>

Отдохнув немного, пошёл к Щастному, которому и рассказал о виденном. <...>

Завтра с утра пошлю Катовича с сывороткой к дифтеритным. Пускай он хоть немного проезжается. Совсем от лени разжирел человек.

Вероятно, на днях переправимся немного (вёрст на 14) севернее. Не хочется оставлять насиженные места: тут близко к железной дороге, мы тут прочно устроились на зиму, построили конюшню и т. д. Придётся устраиваться заново.

М[лодава], 4 ноября 1915 г.

Как скоро проходит время, как быстро умчались московские дни! Внесли они в нашу жизнь нечто новое: впервые мы открыто выступили как принадлежащие друг другу. Впервые ты познакомилась с одним из членов моей семьи [с Карлушей, младшим братом]. Впервые мы в пределах Морозовской больницы могли себя вести достаточно непринуждённо, без постоянной оглядки. Впервые мы внешним символом, кольцами, выразили и подтвердили нашу связь.

Этим кольцам я раньше не придавал большого значения как чему-то внешнему. А теперь меня глубоко радует вид кольца на моей руке: так радостно сознавать, что ты крепко-нерушимо связан с любимым человеком... Не тяжела эта связь!

М[лодава], 5 ноября 1915 г.

Расскажу тебе сегодня про Катовича. Не затыкай ушей, по-моему, стоит послушать.

Послал я его вчера впрыскивать дифтеритную сыворотку. Он тут ещё облачился в халат, сверх которого надел пальто. Так и поехал. Вечером возвращается и сообщает мне, что он выпрыснул всем, кому следует, что у него сломалась одна иголка, причём он уколол себе палец. Эта последняя подробность не показалась мне сколько-нибудь интересной, и я не обратил на неё внимания.

Проходит некоторое время. Подходит Катович и дрожащим голосом обращается ко мне:

— Когда поднимется температура, я впрысну себе сыворотку? — Я изображаю вопросительный знак.

— Ну как же, ведь я уколол себе палец иглой, которая была в мышце дифтеритного больного!

Я его успокоил. Говорю, что дифтеритных бацилл не находится в крови больных. Он начинает полемизировать:

— Ведь отравление получается от токсинов, а не бацилл самих по себе!

Я чувствую, что никак не могу говорить с ним — и смешно, и гадко, — и прекращаю разговор.

Он же за вечер несколько раз мерил себе температуру, усердно почитывал Буйневича¹... (!) Ну как тебе это нравится? <...>

К сожалению, нам пока ещё придётся продолжать с Катовичем совместное житьё. Боже, если бы ты могла занять его место!

М[лодава], 7 ноябрь 1915 г.

Вчера мы получили приказ отправиться с отрядом сегодня вперёд на новое место, чтобы подготовить его в санитарном отношении для перехода штаба. Уложились ещё вчера. Сегодня же с утра двинулись в путь по отчаянной дороге: три дня тому назад шёл обильный снег, температура держится всё время около нуля, все пути превратились в почти непроходимое месиво, густую кашу. Вот по этой каше мы и передвигались медленным темпом. Прошли уже половину расстояния, как нас догоняет казак: отмена приказания, всё остаётся на местах!

И вот опять возвращается в насиженные места... Тут, однако, наши хозяйева старались ликвидировать все следы нашего пребывания: уже наполовину разобрали нашу конюшню, разворотили нары, устроенные для моих солдат, выбелили нашу комнату, мыли полы! Пришлось целый день работать команде над восстановлением разрушенного. Мы же вновь поместились в вымытой, чистенькой и беленькой комнате. Таким образом, мы просто совершили прогулку на свежем воздухе для моциона и приобретения хорошего аппетита!

Вечером по просьбе Барченкова я принёс к ужину Игоря Северянина². Барченков долго и с выражением читал его стихи, и мы покатывались. Впрочем, есть у него и отдельные красивые, неподдельно искренние стихотворения, но с эгофутуризмом они, конечно, ничего общего не имеют.

М[лодава], 8 ноябрь 1915 г.

Мысль об устройстве своей лечебницы, где всё устройство будет зависеть от нас, не даёт мне покоя. Так или иначе, но в будущем она должна осуществиться. Это будет целью моей жизни!

Конечно, не шаблонная лечебница, коммерческое предприятие. Нет, наше предприятие должно явиться культурным фактором, внести свежую струю в эту область. Не коммерция, а кооперация в лучшем смысле этого слова: сотрудничество молодых и свежих сил для общей некорыстной цели! Я знаю, сначала придётся много работать. Но я чувствую, что после войны у меня найдётся и сила, и охота, и энергия. Мы будем вместе работать, моя Шурочка!

¹ Буйневич К.А. Руководство к изучению внутренних болезней. Частная патология и терапия. (М., 1914 и др.)

² По-видимому, речь идёт о сборнике «Ананасы в шампанском (1908–1915)». М., 1915.

М[лодава], 9 ноября 1915 г.

За ночь появился иней на деревьях. Ветра нет. Тихо и морозно. Надел свой тулуп, завернул ноги в тёплую лошадиную попону и поехал в полки. Поехал неудачно, так как оказалось, что один из этих полков ещё передвигается, не дошёл, а другой — только что обосновался, но не успел ещё ничего устроить. Даже врачи ещё не нашли себе помещения. Так я и вернулся ни с чем. Поеду, вероятно, ещё раз через несколько дней.

Зато как хорошо было в поле и в лесу! У нас тут снега немного, но ближе к позициям его почему-то больше. Особенно в лесу, где мы немного блуждали, его оказалось много. Совсем зимний ландшафт. Страшно люблю иней в лесу. Прелестны также и одиноко в поле стоящие деревья, так и просятся на полотно. Нет, правда, хорошо москвичу поближе познакомиться с зимней природой — и поучительно, и увеселительно. Вообще я начинаю совсем терять свой невольный страх перед провинцией. Что вместе с тобой провинция! Только лишняя возможность ближе соприкоснуться с природой, больше ничего! Нет, я теперь не боюсь окончательно «засасывающего» влияния провинции. Всё зависит от человека. От него же зависит и обстановка, а не наоборот! <...>

В селе П., где эпидемия скарлатины среди детей, теперь всё-таки работает отряд Красного Креста. Как результат — прекращение эпидемии! И деятельность санитарных врачей всё-таки приносит результаты, несмотря ни на что — это теперь чувствуется везде. Мы не бесполезны.

М[лодава], 10 ноября 1915 г.

От тебя писем нет. Фактического материала мало. Помечтать разве? Что ж, помечтаю.

Что мы будем делать потом?..

Когда война кончится, я приеду в Москву. Останусь, однако, сначала только несколько дней и потом поеду к матери. Это — *conditio sine qua non*¹. Когда вернусь, — мы с тобой прямо под венец... Чем скорей, тем лучше. Ты переедешь на собственную квартиру, если только её у тебя ещё нет, и мы некоторое время, недельки две, поживём с тобой тихо, будем справлять медовый месяц! Хорошо будет, безмятежно... Потом мы оба берёмся опять за работу. Быть может, тебе даже не придется её прекращать. Клянусь бородой пророка, что заниматься медициной я буду самым интенсивным образом. И ты мне в этом поможешь. Сначала буду кончать стаж, без этого нельзя. Потом займусь специальными отделами: грудным возрастом, *lues*'ом [*сифилисом*] у детей и т. д. Быть может, даже немного заинтересуюсь хирургией. На это придётся ухлопать ещё один год в Москве.

Жить мы будем, во-первых, — на сбережения (!), во-вторых, на твой определённый заработок, если таковой будет (приюты, лаборатория или что-нибудь в этом роде, что тебе больше окажется по душе) и, в-третьих, — на случайные доходы (!). Во всяком случае, мы с тобой не пропадём в Москве.

Ну, а потом?

Потом, даст Бог, мы возьмёмся за осуществление нашей жизненной цели, которая меня всё более и более привлекает. Я глубоко убеждён, что в таком

¹ *conditio sine qua non* (лат.) — необходимое условие.

виде, в каком мне представляется осуществление мечты, она и тебя увлечёт, захватит. В конечном счете, она сводится к учреждению своего рода частной клиники, не находящейся в ведении Министерства народного просвещения, а посему развивающейся органически, без стеснений. Это — в далёком будущем, как итог многолетних работ.

Вначале же — небольшая ячейка, в зародыше своём несущая будущее и развивающаяся по намеченному плану... Предположим так: нашлись средства (они найдутся!), оборудована небольшая больничка для заразных на 10—15 коек, из которых несколько бесплатных. При больнице — известный местный врач-консультант, дающий своё имя. Небольшая реклама среди врачей и публики (без этого нельзя!). Сама больница — на дворе или в саду два флигеля, для дифтерита и для скарлатины. В дифтеритном отделении непременно паровая, интубационный и трахеотомический наборы. Имеется специально оборудованная лаборатория. Вообще всё необходимое имеется. При лаборатории — небольшая сначала специальная библиотечка.

Плата совсем скромная — 100 р. в месяц или 3 р. 50 к. в день. Сюда входит полное содержание и отчасти лечение. Только за сыворотки и сложные рецепты отдельная плата. За присутствие матери — 25 р. в месяц, за меньший срок — всё равно тоже 25 р. Если считать, что в первый год у нас в среднем 5 коек платных будет постоянно занято, то получим в год около 7000 рублей, что нам, во всяком случае, для начала даст полную возможность закончить без дефицита.

Первые три года мы будем сидеть безвылазно при нашей больничке, пока дело не наладится. Понемножку расширим дело: прибавим терапевтическо-тифозно-дизентерийное отделение, откроем бесплатную амбулаторию, в которую привлечём молодых начинающих врачей. Расширим лабораторию, библиотеку, увеличим количество бесплатных коек...

Наша больничка стала уже твёрдо на ноги. Стала известна во всей губернии, а может быть, и дальше. Бескорыстие и добросовестность врачей и вполне современная научная постановка дела создали ей уже определённую хорошую репутацию... В неё кладут детей охотно, доверяют ей. Около неё группируется небольшая просвещённая кучка молодых врачей с серьёзными стремлениями, вносящая свою инициативу в предприятие, открывающая, быть может, для него новые области... Плата не повышается, если возможно — понижается.

Являясь теперь уже центром детской медицины в губернии, учредители её берут на себя инициативу организации Общества детских врачей губернии. Задача этого общества не только научная: оно должно не только теоретизировать — оно должно, прежде всего, действовать. В распоряжении его — наша больница, которая теперь расширяется, превращается в кооператив, с одной стороны, широко обслуживая население, с другой — давая возможность существовать молодым врачам. Уже при больнице открыты новые отделения: кожное, хирургическое. Амбулатория расширена. Заведен ряд улучшений, дополнений. Действует бесплатная дезинфекционная камера. Намечается организация помощи на дому за минимальную плату. Находятся жертвователи на дальнейшее развитие дела, получают субсидии от земства, города...

Ну, письмо моё сегодня разрослось; размечтался!.. А я ведь ещё далеко не закончил. Завтра продолжу свои размышления, пока меня ещё не окатили холодной водой, пока ещё горячо воображение.

Был сегодня чудный солнечный морозный день с богатым инеем, а сейчас прекрасная лунная ночь. Как не размечтаться!

М[лодава], 11 ноября 1915 г.

Ты спрашиваешь, какое я вынес впечатление от Кути? Самое лучшее! Недаром я после свидания с ним опять стал усиленно носиться со своей идеей будущей нашей совместной деятельности. Он удивительно хороший и мягкий человек. Внешняя бравурность его бывает только на людях. При tête-à-tête всё это внешнее исчезает, он становится вполне естественным, простым. Я его всегда очень любил, несмотря на все его яркие недостатки. У него на редкость чистая душа. <...>

В том, что тгю наше будет на редкость удачное, я не сомневаюсь. У нас неладов быть не может. С этой стороны нашему будущему предприятию можно выставлять самый хороший прогноз. И прав он, когда пишет, что «при общих стараниях всё осуществимо». Я думаю так же. Надо только иметь перед собою ясно осознанную цель, в достижении которой видишь свою жизненную задачу. Надо стремиться к цели прямыми путями, браться за дело чистыми руками, работать дружно и интенсивно — и успех будет наш! Практическую же сторону мы разработаем. Мы ведь не беспочвенные фантасты, мы возьмёмся за достижимое. <...>

Я целый день сидел опять над своей ненавистой канцелярией. Отправляю тебе завтра 250 р., а скоро, вероятно, ещё столько же.

М[лодава], 12 ноября 1915 г.

Я берусь за перо только для того, чтобы сообщить тебе, что сегодня я не в состоянии тебе писать. С 9 утра до 9 вечера рыскал по полям, был в передовых окопах одного полка, смотрел, говорил, — и в конце концов, после блужданий среди снежных полей в начинающуюся пургу, вернулся домой усталый до смерти и с сильной головной болью. Сердце жарит вовсю.

14 ноября 1915 г.¹

Как тебе уже известно, я третьего дня был в одном полку, где знакомился с санитарным состоянием его. Был я и в окопах его. Накануне их обстреливали тяжёлыми бризантными снарядами². Было несколько попаданий: мне показывали следы разрушений. Я себе взял на память небольшой осколочек. Пока я был там, стреляли австрийцы только шрапнелью. В блиндажах мы сидели в полной безопасности.

Посмотрел я, как люди живут в окопах и блиндажах под постоянным обстрелом. Пил с офицерами чай, ел конфеты, смеялся с ними. А шрапнель всё рвалась где-то недалеко... Когда мы распростились и вышли, слышим отдалённый свист снаряда. Долго следим, пока не раздаётся взрыв гранаты около шоссе, по которому мы предполагали ехать. Пока мы шли к моей бричке, просвистело ещё

¹ Первая буква названия места и последующие точки тщательно вымараны цензурой.

² Бризантные снаряды (от *франц.* brisant — дробящийся) начинены дробящимся веществом, при разрыве резко усиливающим поражающее воздействие.

несколько снарядов далеко от нас. Однако мы по шоссе не поехали, а взяли курс полем, всё-таки верней...

Я теперь вполне понимаю, что можно совсем привыкнуть ко всему этому. Ведь только незначительная часть снарядов попадает. Это так называемое «затишье». Во время атаки и ураганного огня мне всё же не хотелось бы сидеть на передовой линии...

Сегодня мы с Матвеевым ездили в два полка. На позициях, однако, не были. У нас зима, санный путь — роскошь.

М[лодава], 15 ноября 1915 г.

Сидел целый день дома, писал доклад о санитарном состоянии обсле-дованного полка. А вечером взялся за Мариэтту Шагинян, которая мне в неко-торых своих стихотворениях чрезвычайно понравилась. Нет нужды, что иной раз при чтении вспоминаются и Бальмонт, и Пушкин, и Минский¹, и даже Лермонтов и Гейне. Пусть будет её талант подражательный, но в этих рам-ках ей удалось создать удивительно красивые и звучные стихотворения. Об-работаны они тщательно, стих чёткий, чеканный, мысль продумана, не рас-плывчата. Настроение тихое, немного грустное. Я подчеркнул карандашом те стихи, которые мне наиболее понравились. Около некоторых даже поставил восклицательный знак. <...>

Несмотря на прочтённые стихи, чувствую сегодня какую-то скудность вооб-ражения, какую-то малоподвижность мысли. Очевидно, преобладает впечатле-ние от кропотливого доклада. Тянет ко сну.

Зато как хорошо на дворе! У нас стоит сейчас порядочный мороз, градусов около 12—15. Снег скрипит и хрустит под ногами, кругом всё так бело, так чисто! Вот если бы сейчас потеплей одеться и прокатиться с тобой на быстрых санях куда-нибудь за поля, в лес! Вспоминается мне, как мы провели с тобой прошлый Новый год. Какое чудное воспоминание!

М[лодава], 17 ноября 1915 г.

Пишу тебе с нового места, после того, как вчера вечером совсем не писал. Дело вот в чём: вчера утром, — я как раз заканчивал воспоминания историка Соловьёва², — входит к нам комендант штаба и объявляет, что нашему отряду по распоряжению командира корпуса придётся перебраться в какое-либо дру-гое помещение, а в занятое теперь нами разместят нижних чинов, охрану шта-ба. Таким образом, наша близость к квартире командира корпуса устроила нам эту неприятность. Новое помещение нам комендант отвёл ещё вчера, недалеко от сан.-гигиен. отряда. Так как оттуда, однако, пришлось кой-кого выселить, а также вообще привести в порядок, мы временно воспользовались любезностью Матвеева и переночевали у него. Сегодня мы перебрались, и пока я остаюсь очень доволен переменой: наша комната меньше, но чище и уютней, имеется бо-лее обширное помещение для людей. Для лошадей мы тоже устроим конюшню получше. Так, по-видимому, всё к лучшему. <...>

¹ Минский (Виленкин) Николай Максимович (1855—1937) — народник, позднее тео-ретик и практик модернизма в искусстве. Увлекался учением Ницше.

² Соловьёв С.М. Мои записки для друзей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915.

Воспоминания Соловьёва я прочёл с удовольствием, хотя и поразился некоторой поверхностности его суждений и наблюдений в иных местах книги. Всё то, на что тебе следует обратить внимание, я отметил карандашом, хотя далеко не со всем написанным согласен.

М[лодава], 18 ноября 1915 г.

Не могу я тебе сегодня писать — нахожусь в напряжённо-выжидательном настроении, ничего не клеится. Вот в полк я не поехал, канцелярией своей не занялся, почитать ничего не читал. День прошёл как-то так... Сидели у меня на новоселье Барченков и Матвеев. Поболтали. Толку мало. Чтобы попасть опять в колею, я должен получить твои письма! <...>

Шурочка, у меня скоро не останется почтовой бумаги и конвертов. Предупреждаю!!!

М[лодава], 19 ноября 1915 г.

Месяц тому назад я приезжал в Москву, и ты ждала меня на вокзале! Как давно это было!.. <...> Следующая наша встреча, вероятно, будет теперь весной — хорошее время!

Был я утром в одном из полков в селе П. Я предпочитаю возиться с местным населением, а полки не люблю: никак не могу привыкнуть к роли ревизора-экзаменатора. Несмотря на всю тактичность, неловкое чувство остаётся. Катович абсолютно ничего не делает и инициативы тоже не проявляет никакой. Мы друг от друга продолжаем отмалчиваться. Печальные «товарищеские» отношения! Завтра буду в О[строге] в интендантстве и на почте. Там узнаю, отправят ли они скоро наши письма. <...>

20 ноября 1915 г. Получил твоё отчаянное письмо от 6-го <...> Тебя гнетут мрачные предчувствия. Милая, крепись. Сейчас вообще расстройство всех путей сообщения в нашем тылу, и объяснить отсутствие писем легко. <...> Хотел тебе отправить ещё 200 р., но сейчас не принимают. Вероятно, куплю на них облигаций нового займа, буду стричь купоны!

Утром до обеда опять ездил в полк, в разные места, закончил обследование. Получил новое предписание, которое мне очень по душе: систематически обследовать в районе нашего корпуса все сёла и деревни, определять вовремя очаги возможной заразы, степень снабжения населения продовольствием и т. д. В зависимости от донесений, которые я обязан представлять каждую субботу, будут приниматься меры. В случае обнаружения заразного заболевания я телеграфирую. Это хорошо. Я доволен.

М[лодава], 21 ноября 1915 г.

Ты говоришь о своём будущем положении в Морозовской больнице. <...> Как бы ты не решила, я с тобой заранее согласен, в этом можешь не сомневаться. <...> А всё-таки хорошо бы, если бы ты могла на таких условиях остаться в Москве. Боюсь я за тебя в других, несомненно, худших условиях. Каково-то тебе будет?!

Тебя возмущает донос Григоровича. А я уже дано забыл. Подал я тогда свой ответный рапорт, на том дело и кончилось. Бог с ним! Не стоит мараться!

М[лодава] 22 ноября 1915 г.

Почта от нас не отправляется совсем, но почему-то всё-таки ещё приходят сюда отдельные письма и номера газет. <...> Очень мне нравится, что ты собираешься в будущем работать в клинике. В материальную необеспеченность я не верю. Ведь мы сейчас с тобой вместе зарабатываем около 465 р. в месяц. Неужели от этого ничего не останется? Да и в будущем у нас известный заработок обеспечен: у тебя 50 р. с приютов¹, и у меня 75—85 р. ассистентского жалованья, итого — 135 р. в месяц. Неужели нам придётся устраиваться в комнате? Не думаю. Даже уверен, что снимем маленькую, но страшно уютную квартирку. <...>

Я очень рад, что тебе так нравится Елпатьевский. Я его искренно полюбил. Вот, обратила, вероятно, и ты внимание на его последние статьи в Р.В. о беженцах: «Обиженные». Вероятно, он чудный человек. Я даже подумывал, не поехать ли к нему по окончании стажа советоваться с ним о дальнейшем: где и как. Он, человек провинции, старый врач с громадным опытом. Почему бы и не посоветоваться? Впрочем, это дело будущего. <...>

У нас за последние дни оттепель, а со вчерашнего дня всюду непролазная грязь. Тем не менее, с Матвеевым мы сели после обеда (утром писал длинный доклад) на лошадей и съездили верхом по полям в село М., где на путях в вагоне разместилось отделение московской экономии. Там я немного потратился на печенье и носовые платки (чуть-чуть!).

С Матвеевым мы всё больше сходимся. Он удивительной чистоты человек с определёнными ясными идеалами. Я ему уже много наговорил про тебя, и он тоже любит говорить про свою жену. Это почва нам обоим близкая и понятная. Хотелось бы тебя с ним познакомить. С Барченковым мы всё меньше находим общих точек. Он в значительной степени — фразёр, несмотря на общую талантливость.

М[лодава], 23 ноября 1915 г.

Я только что вернулся с объезда нашего тыла. Уже поздно, и я страшно устал. В колониях нашёл всего 10 случаев оспы, один случай дифтерита и один случай цинги! Среди беженцев страшная нужда, даже форменный голод. Послал телеграмму в санитарный отдел. Прошу прислать эпидемический и питательный отряды. Сейчас иду к корпусному врачу.

Завтра еду опять. Впечатления тяжёлые!

Постараюсь как-нибудь отправить эти два письма, но едва ли они будут отправлены — нет поездов. Неизвестно, когда эта оторванность кончится.

М[лодава], 24 ноября 1915 г.

Хотел сегодня с утра опять разъезжать. Но не пришлось, проснулся с сильной головной болью и лёгким ознобом — началась инфлюэнза! Очень приятно! Попросил Катовича поехать вместо себя. Вот когда ему пришлось немного поработать.

¹ В дополнение к работе врачом-ассистентом в Морозовской больнице Ал.Ив. взяла место врача в двух приютах.

Я же целый день сидел дома и глотал фенацетин. Читал «Боги и люди» Сен-Виктора¹. Читал с большим удовольствием: стиль блестящий и содержание интересное. За канцелярию никак не могу взяться, хоть тресни! Писем, конечно, никаких, отрезаны от всего мира.

На дворе грязь, слякоть, — беда! Из вчерашних картин самые печальные — это группа беженцев-евреев, худых, бледных, жалких до невозможности, голодающих самым форменным образом... И ещё семьи галичан — угро-руссов с Карпат: старуха-мать со всеми признаками цинги, молодой красивый отец семейства, истощённый, с горящими глазами, с начинающимся стоматитом, и его жена, совсем ослабевшая от голода, не в состоянии стоять, лежащая на земле в каком-то пароксизме!.. Уже целую неделю у неё сильные боли в животе и груди, позывы на рвоту, слюнотечение, полное истощение сил... Муж её возил куда-то, показывал какому-то военному доктору. Он мне показал прописанные порошки — салициловой натр! Лечить голодание салицилкой! Нет, Шурочка, до этого я не дойду. У меня совесть есть. <...>

Эта семья уже несколько месяцев кормится одной только картошкой. В последнее время и её трудно достать. Питательных пунктов они не выдали... Кучка бледных, молчаливых, изящных фигурок — детишки уставились на меня большими глазёнками. Они не просят есть, потому что знают, что есть нечего, как объяснил мне отец..

Масса горя кругом, Шурочка, безвыходного горя!.. Не нам роптать на судьбу, милая... Нужна помощь широкая, всенародная. То, что делается, — это капля в море, это едва видно, едва ощутимо. Но на большее нам рассчитывать ведь не приходится.

Да, я остаюсь при прежнем своём мнении: самое мрачное пятно на фоне этой войны — это беженство и всё, что связано с ним.

М[лодава], 25 ноября 1915 г.

Слякоть на дворе продолжается, а в носу у меня усиливается: насморк страшный. Единственное моё утешение, что я его, может быть, схватил из твоих последних писем: ведь и ты хворала им недавно. Быть может, это только продолжение твоего насморка! Памятуя слова фон Штейна², что нос любит, когда в нём гуляет прохладный Борей, я завтра с терапевтической целью опять отправляюсь в путь. Надо клин клином вышибать.

Катович вчера вернулся тоже поздно. К счастью, новых случаев эпидемических заболеваний он не нашёл.

У нас в штабе учреждена библиотека! Функционирует уже с неделю. Участвует около 30 человек. Первоначальный взнос был 3 р., дальнейшие взносы — ежемесячно по рублю. Приобретаются в Р[овно] новейшие издания, почти исключительно беллетристика. Есть и жертвованные книги. Мне пришлось отдать

¹ Сен-Виктор, Поль Жак. Боги и люди. М., 1914. Сен-Виктор, Поль (1825–1881) — французский литератор, театральный критик, автор блестящих статей о живописи и истории театра. Эстет, проповедник теории «искусства для искусства».

² Штейн Сергей Фёдорович (1855–1921) — директор Клиники болезней уха, носа и горла им. Ю.И. Базановой при Московском университете.

своего Игоря Северянина, что я сделал без большого сожаления. Я библиотекой пока не пользовался и вряд ли воспользуюсь. Но ради симпатичной цели охотно участвую во взносах.

Барченков ежедневно после обеда играет в винт. Сначала он принимал вид жертвы, но теперь сам с азартом созывает компанию. Я всё более равнодушно отношусь к нему. И всё милей мне становится Матвеев.

М[лодава], 26 ноября 1915 г.

Сегодня я опять ездил. К счастью, не наталкивался больше на такие картины, как тебе описывал: ни эпидемий, ни прямого голода. Странная погода у нас: светит солнце, снега нет, много грязи и воды. Окидываешь взором поля — всюду пробиваются молодые побеги. Одним словом, если бы не слишком уж матовый блеск солнца и порывы холодного ветра, можно бы думать, что это весна, март месяц в исходе... Зимы как не бывало. Только в самых глубоких канавах кое-где жалкие остатки грязного снега. А ведь уже надвигается декабрь.

Любовался я сегодняшним закатом: ярко-золотые тучки над лесом, за которым скрылось солнце, и тёмно-фиолетовые тяжёлые тучи с другой стороны, над фиолетовыми же полями... <...>

Писем нет, как и следовало ожидать. Есть К.М. от 22-го. Тучи сгущаются!.. Что будет?

Насморк, по-видимому, начинает поддаваться моей терапии «открытых ноздрей», чувствую себя лучше. Кончил «Боги и люди» Сен-Виктора. Прочёл с удовольствием. Теперь взялся за «Италию» Петра Рысса¹. Кажется, довольно скучно написано. <...>

Просыпаюсь обычно уже в седьмом часу. Долго валяюсь в постели, прежде чем вставать, — всё думаю о нашем будущем, и мечтаю, мечтаю... Наше «учреждение» в этих мечтах принимает иной раз грандиозные очертания: тут кроме больницы со всеми её аксессуарами, имеется ещё и целый ряд культурно-просветительских начинаний: тут и лекции для народа, тут и прежде всего широкая издательская деятельность... И над всеми этими учреждениями и начинаниями красуется девиз: *Vince sol!*² Не смейся, Шурочка, ведь это только мечты!

М[лодава], 27 ноября 1915 г.

Вернулся я сегодня из поездки поздно и сильно утомился — дорога ужасная. Утром грязь было подмерзла, и приходилось прыгать по неровностям, а к обеду пошёл опять снег, и стало тепло. В итоге бричка поломалась, и пришлось её долго чинить.

Тут на столе я нашёл от тебя письмо, на которое хочется ответить тебе основательно, на что я сейчас не способен. <...> Подробности завтра. Ведь всё равно это письмо не пойдёт дальше Казатина, где, как мне сказали сегодня на почте, до поры до времени хранятся все письма из армии.

¹ Рысс П.Я. Италия. М., 1916.

² *Vince sol!* (лат.) — Побеждай, солнце!

М[ладава], 29 ноября 1915 г.

Как бы хоть маленькую весточку послать тебе... <...> Я сначала думал, что перерыв продолжится только несколько дней, но вот уже вторая неделя на исходе. Как-то ты перенесёшь всё это? <...>

За ночь у нас опять растаял весь снег, и сегодня совсем тепло и солнечно. Широко открыл я окна своей комнаты, выпускаю тёплый, совсем весенний воздух! Кругом опять зеленеют поля, как будто никакой зимы не было и не будет. А по календарю ведь скоро Никольские морозы! И ведь были уже дни с трескучим морозом, инеем на деревьях и хрустом под ногами...

Вот видишь, Шурочка, как всё сменяется. Наступят ведь и для нашей совместной жизни опять тёплые весенние дни, когда позабудутся трескучие морозы. А пока тяжело! Тучи надвигаются, атмосфера сгущается... В воздухе чувствуется приближение грозы. Напряжённость усиливается... Даже я, твой спокойный Ёжик, чувствую, как струны натягиваются, нервы звенят... Какие тяжёлые, какие великие времена выпали нам на долю, Шурочка! Не слишком ли много для отдельного человека?

3 декабря 1915 г.

Ура, Шурочка! Получил ещё два письма от тебя. <...> Я страшно рад за тебя, что ты сможешь кончить полный стаж, закончить своё специальное образование. <...> Мне совсем придётся перед тобой стушеваться. <...> Значит, признано желательным удержать для больницы Ал.Ив. Доброхотову! Ну а найдут ли желательным удержать А.И. Краузе? Ты подумай, Шурочка, не прогадаешь ли ты со мной? Ведь ещё не поздно. Ну не сердись, ведь я смеюсь. <...>

За ушедшими на войну ассистентами сохраняются их места! Это великолепно. Мы покорнейше благодарим за такое великое сделанное нам снисхождение. И об этом пришлось поднять вопрос на совещании! Да разве это не само собой разумеется, не простой долг тех, кто сидит дома? Ну, Бог с ними!

А когда это будет? Когда, когда мы вернёмся на свои старые места!.. Не мудрено, что нас начинают забывать, что мы уже не свои, ненужные... Ведь устроились без нас. К чему ломать наладившуюся работу, снова перекраивать, примерять?.. Немножко обидно.

Ты, Шурочка, намекаешь на сдержанность своего ответа на моё письмо о планах будущего. Я этого ответа ещё не получил. И хорошо, что он придёт позже, я теперь подготовлен к нему. Шурочка, я больше не буду. Ведь это только так, перо разошлось. Конечно, ничего нельзя сказать, что будет потом. Вероятно, всё будет совсем не так, как думаешь, поэтому лучше не думать. Пройдёт время, там видно будет.

М[ладава], 5 декабря 1915 г.

Сидел над канцелярией. Эта работа сушит мозги. Последние дни у нас была другая работа: производили подворную поголовную противооспенную вакцинацию населения. Катовичу поручил один район, а сам наблюдал за другим. Привили, в общем, около 1200 человек за три дня. В других районах нашего корпуса производится тоже вакцинация под наблюдением врачей ближайших войсковых частей. Надо надеяться, что эпидемия прекратится. Как видишь, у

нас тоже иной раз проводятся санитарные мероприятия в довольно крупном масштабе. <...>

6 декабря 1915 г. <...> Неужели, Шурочка, ты думаешь, что дешевле 250 р. в месяц мы не проживём? Я рассчитывал, что хватит нам и 180 р. для начала. Ну, там увидим. Это — полбеды. <...>

А во мне крепнет уверенность в сравнительно недалёком мире. Быть может, даже весною!.. Мечта! <...>

У нас сегодня праздновался Николин день. Было несколько именинников. Богатый обед со всеми аксессуарами в изобилии, музыка, шум и гам... Одним словом, не поверишь, что в восьми верстах от позиции... А ргорос, «зимний Никола» у нас оказался прекрасным весенним днём с 8-ю градусами тепла, ярким солнцем, зеленью полей!

Сегодня вернулся из отпуска Щастный, с большим опозданием и трудом. Говорит, что в армии ему сказали, что, вероятнее всего, наш отряд останется здесь и не поедет никуда. Официально ещё ничего не известно.

По случаю праздника Катович проделал всё то же, что в своё время в Дубно! Гадость! Некультурность!

Почтовая бумага совсем на исходе. Достать негде.

М[лодава], 7 декабря 1915 г.

Пришло письмо от Раф.Мих. из Ромен. У них там смена главных врачей: назначили им, как им кажется, для начала человека симпатичного, который стремится всё построить на чисто товарищеских началах. Рафаил даже говорит, что он напоминает Фёд.Ал. Зайцева! Дай Бог им не разочароваться. В остальном у них — idem. Только пришлось отдать мои трофеи — три винтовки. Рафаил меня утешает, говорит, что на них выдадут квитанции, по которым после войны можно будет получить такой же системы. Всё может быть, но пока мне очень обидно.

Всё лето у Рафаила в Виннице гостила семья. Когда же пришлось оттуда выбираться, он проводил её к себе в Обловку [*Тамбовской губ.*]. В ноябре опять приезжала к нему жена. Какой счастливый!

М[лодава], 10 декабря 1915 г.

Ты спрашиваешь меня, Шурочка, верю ли, что мы когда-нибудь выберемся из этой трясины, что когда-нибудь этот кошмар кончится. Конечно, верю, Шурочка! И даже уверен, что не так уж долго нам придётся ждать этого. Мне кажется, что так же, как раньше слишком оптимистически верили в быстрое окончание войны, так теперь ударяются в излишний пессимизм. Для меня ясно то, что финансы всех почти воюющих государств напряжены до последней крайности. Сейчас всюду — и у нас, и во Франции, и в Германии, заключены новые грандиозные займы, дающие возможность воевать ещё некоторое время. Всюду, по-видимому, готовятся к решительным операциям; мы, безусловно, накануне крупнейших событий. Это последняя ставка. Если ясно обозначится успех союзников, то поверь, Германия предложит приемлемые условия мира. Ведь и так всё крепнет и приобретает там влияние партия мира. Союзники, мне кажется, упорствовать на «сокрушении германского милитаризма» не станут. Слишком ясно, что сокрушить его при настоящем

положении дел невысказано. Это пускай будет задачей будущего. Сейчас же будет крупным успехом, если удастся остановить дальнейшее продвижение Германии, вытеснить кое-где из занятых областей, вновь угрожать Австрии. Поверь, что если дело дойдёт до этого, то у Германии сразу найдутся вполне подходящие условия для мира.

Если же и в наступающих событиях перевес окажется на стороне Германии, то перед союзниками встанет дилемма: либо готовиться к третьему году войны, в перспективе — к четвёртому, на что никаких финансов хватить не может, либо подумать о мире. Я не думаю, чтобы и в таком даже случае условия мира могли быть суровы. Ведь мир необходим всем воюющим, ведь расстройство народного хозяйства всюду ужасающее. К тому же для Германии как-никак всё более грозно встаёт вопрос о пополнении всяких запасов: несмотря на организаторские способности из ничего не сделаешь нечего! А партия, противостоящая всяким аннексиям, становится всё влиятельней, всё настойчивей. Я искренно думаю, что умеренный дух восторжествует. Быть может, не столько по внутреннему желанию, сколько по необходимости.

Как бы то ни было, ясно для меня одно: что очень ещё долго воевать ни для одного из государств нет никакой возможности. Это означало бы окончательный финансовый крах. Как ни храбрись, а это несомненно. Полное истощение Европы сделает её сговорчивой, а этот срок не может уже быть далёким.

Ты спрашиваешь, когда же? Не знаю, Шурочка, но мне кажется, что интенсивные военные действия продолжатся ещё до середины лета *taughtum*. После этого срока, я думаю, поневоле начнутся мирные переговоры. Осенью же мы будем дома. Следующая зима наша!

11 декабря 1915 г. Прочёл свои вчерашние рассуждения. Окажусь ли я хорошим пророком? Помиришься ли ты с такой перспективой? <...>

От тебя писем опять нет. Зато получил письмо из Питера от [Арлуши]. Пишет, что «переехал на новую квартиру к симпатичной даме». Достаёт бесплатные билеты в Оперу при Народном Доме. Слушал Шаляпина, но разочаровался; [слушал] Собинова. Книжки прочёл и отошлёт тебе на днях. На Рождество, вероятно, поедет в Ригу. Скоро он напишет тебе и попросит выслать первые 60 р. Я думаю, лучше сразу послать за три месяца — 180 р. Спрашивает, останешься ли ты в Морозовке или уедешь на фронт? Питер ему не очень нравится, слишком «шаблонная деловая жизнь». Вот и всё.

У нас — *idem*. Только погода стала хорошей: масса снега, мороз. Почти каждый день проезжаю верхом. Это большое удовольствие, Шурочка. Ездил опять по сёлам, но ничего не нашёл особенного. Кое-где появляется сыпной тиф, но едва ли примет опасные размеры — санитарные мероприятия проводятся неуклонно. Всё население вакцинировано, оспа ослабевает. Беженцев отправляют вглубь России, население разрежается, скученность уменьшается.

М[лодава], 13 декабря 1915 г.

Ура, Шурочка! Я сегодня получил твоё письмо от 5 декабря! Уже на седьмой день! И что ещё более удивительно, так это то, что в нём ты уже отвечаешь на мои письма, отправленные 1-го декабря! Ты их получила уже на четвёртый день! Такой быстроты я уже давно не запомню. <...>

Немного занимался своей канцелярией. Послезавтра опять начну свои скитания по сёлам и деревням. Накопилось у меня много прочитанных книг. Не знаю, как их послать тебе. <...>

Ты спрашиваешь, где я стану встречать Сочельник, и как его станут справлять родные. Да, в Риге едва ли шумно и весело встретят Рождество. А я, — постараюсь не думать о том, что и как было бы, если бы... <...>

Получил коротенькую открыточку от К[арлуши] из Питера. Говорит, что уже писал тебе. 19-го он едет в Ригу на две недели. Самое любопытное то, что В[илли] в конце декабря всё-таки перебирается в Москву к «Проводнику»! Значит, надоело сидеть так без дела.

[Млодава]¹, 16 декабря 1915 г.

Вчера при всём моём желании писать тебе не мог. Дело вот в чём: получаю неожиданно утром предписание от корпусного врача отправиться за тридевять земель, определить и выяснить, в самом ли деле имеется в таком-то селе случай сыпного тифа. Пришлось тут же сесть на лошадь и поскакать. Одновременно послал свою тяжёлую артиллерию — формалиновые аппараты. Долго блуждал, сбившись с пути, в тумане в горах (горы порядочные!), насилу выбрался на дорогу. Грязь, туман, дождь. Ветер! Я верхом на лошади то плетусь шагом по лесу и оврагам, то рысью по полям. Можешь ли ты себе представить эту картину? Твой Ёжка, московский домосед — лихой наездник, по три дня не слезает с лошади, чувствует себя на ней превосходно, чуть ли не обедает на ней, как истый гунн. Одним словом, кентавр!

Добрались мы только к вечеру. А ведь вечера теперь ранние. Пришлось отложить на сегодня. Заехал в соседнее село, где оказался эпидемический отряд Волынского земства. Там и добыл все необходимые мне сведения. Врача случайно не оказалось. Приютил меня земский фельдшер, устроивший меня у одного еврея. Чтобы мне было тепло, этот еврей так натопил комнату, что я проснулся весь в поту и с болью в затылке. Сегодня утром мои ребята продезинфицировали всё что следует. Затем я пустился в обратный путь. На этот раз объехал горы. Вернулся порядочно разбитый.

М[лодава], 17 декабря 1915 г.

Вообще после войны всё будет хорошо. После такого урока мы уже не будем жаловаться на мелкие неприятности и неудачи. Что всё это в сравнении с оторванностью в течение двух лет от всего родного, любимого!..

Послал сегодня с утра Катовича на два дня в одно село, где появилось несколько случаев сыпного тифа. Ему придётся наблюдать за производством дезинфекции хат и одежды. Мы, кроме формалина, применяем теперь окуривание серой и пропитывание раствором насекомояда. Камеры, к сожалению, у нас всё ещё нет.

Сажу на своей канцелярией, которая доставляет мне много огорчений. Не могу привыкнуть и примириться с этой работой. <...>

Со вчерашнего дня опять функционирует почта, и вчерашнее письмо я отправил уже обычным путём. Слава Богу, наконец-то! <...>

¹ Буква, обозначающая место, вымарана цензурой.

Осматривал нашу радиостанцию. Нам с Матвеевым давал объяснения её начальник, капитан. Не могу сказать, что очень много понял, но самый принцип я себе уяснил. Во всяком случае, любопытно, когда работает вся эта машина. Перехватили Берлинскую радиотелеграмму с обзором военных событий на всех фронтах. Тут же перевели. Вообще любопытно. <...>

Поскорей бы дошла твоя посылка с почтовой бумагой. А пока я экономлю.

18 декабря 1915 г. Не огорчайся, что я приехал тогда в Москву только на две недели. Я всё-таки хорошо сделал. Дело в том, что с середины ноября отпуска сначала отсрочили до 15 декабря, а сейчас вновь отсрочили уже без назначения срока. Может быть, этот перерыв продлится ещё порядочно, а я, как-никак всё-таки уже использовал раз эту возможность.

Млодава, 19 декабря 1915 г.

Пользуюсь случаем послать тебе быстрое известие о себе. Наш зубной врач¹ (таковой у нас имеется с 1 декабря; между прочим, довольно нудный субъект) едет этой ночью в Киев. Я ему дам письмо и pošлю тебе через него все прочитанные за последнее время книги. <...>

Вот моя просьба к тебе: подпишись для меня на Р.В. на три месяца с января. А затем на «Медицинское обозрение». <...> Дело в том, что мы с Матвеевым и Барченковым решили, что совестно забывать медицину, и следует хоть несколько следить за ней. Поэтому мы решили, чтобы каждый из нас подписался на какой-нибудь общий медицинский журнал. Матвеев выписывает «Русского врача», Барченков — я не знаю ещё что. <...>

У нас опять мороз. Вся грязь застыла, и по кочкам больно ходить — не то, что ехать.

Да, со многим мне за эту войну пришлось познакомиться впервые. И всё-таки мне провинция теперь совсем не кажется страшной. Да разве у меня с тобой где-нибудь может быть провинция, то есть застой? Да ведь для нас с тобой вместе всюду столица!

Млодава], 20 декабря 1915 г.

Был в казначействе и ещё кое-где, возился до вечера, а когда вернулся, то нашёл на столе целое богатство — четыре письма от тебя. <...> На твой вопрос, как мы тут справляемся с морозами, отвечу картиной: ежедневно мы ходим на обед, как мухи по липкой бумаге! Грязь невыразимая! Поля опять зеленеют. Окно у меня полдня остаётся открытым.

Млодава], 22 декабря 1915 г.

Я вчера с утра объезжал целый большой район. Проделал верхом 55 вёрст! Это не шутка. В одном селе нашёл эпидемию скарлатины, больше ничего. Возвращался в темноте. Как-то лошадь оступилась и стала прихрамывать. Тогда пришлось шагом доплестись до ближайшего местечка В., в четырёх верстах от нас, где я остановился в лазарете одной из наших дивизий, пока мой фельдшер не доехал домой и не прислал мне бричку, на которой я,

¹ Зубной врач Штерензон, по прозвищу Зонтик.

наконец, полуживой от усталости, доехал в одиннадцатом часу. Было не до писем.

Сегодня ещё ноют все косточки, но я уже опять в порядке. Лошадь за ночь отдохнула в лазарете, её привели, и она, к счастью, оказалась совсем здоровой.

Писем от тебя за эти два дня не было, но зато я получил от **матери**, от 10 декабря. <...> В[илли] уехал в Москву, прибавилась новая забота... <...> Как ни трудно матери писать, но всё же она не может удержаться от того, чтобы не писать мне лично. Почти каждый раз она извиняется за допущенные, несомненно, ошибки («1000 ошибок!»), как она пишет) и просит, поэтому сразу же уничтожать её письма, чего я, конечно, ни за что не сделаю. <...>

Воет ветер, идёт дождь, слякоть и грязь невыразимая. Неужели таково будет и Рождество? Без снега, без мороза? Впрочем, мне всё равно. Ведь Рождество этого года я не стану считать каким-либо праздником и постараюсь поскорей пройти мимо его. Вне своей семьи и своего дома не может быть никакого Рождественского праздника. Может быть шумно,людно, даже как будто весело, даже ёлка... но не Рождество!

М[ладава], 23 декабря 1915 г.

Приходится тебе писать на своей канцелярской бумаге. Почтовая вышла вся, а посылочки твоей всё нет и нет. <...> Уж не сердись на серый вид бумаги. Обстоятельства военного времени! <...>

Узнал, что на нашем телеграфе стали принимать частные телеграммы, и послал тебе и в Ригу. Поздравительные нельзя, пришлось ограничиться более прозаическим содержанием. Думаю однако, что и так они выполнят своё назначение — дать весточку обо мне в праздник, когда особенно хочется восстановить контакт и когда, может быть, как нарочно нет писем. Очень хочется, чтобы они пришли в сочельник... <...>

Вернулся только что с ужина. Резкий ветер воет в проволоке хмельника. Идёт нечто среднее между дождём и снегом. Грязь, грязь, грязь... Ну и Рождество!

М[ладава], 24 декабря 1915 г.

Сегодня сочельник, но я не чувствую его... Рождество нынешнего года я заранее вычеркнул из списка праздников, а поэтому мне сейчас всё равно, что кругом меня делается, что я сам делаю... Я участвую только физически.

Я утром, как всегда, как ни в чём не бывало, поехал в один из наших обозов — предупредить относительно возможности заноса туда сыпного тифа и необходимости принятия мер предупреждения. Осматривал баню, прачечную. Разговаривал с врачом, с командиром... Вернулся ещё днём.

Обед был назначен поздно, к пяти часам. В двух комнатах нашего собрания оказалось по ёлке. Обед был, как и следовало ожидать, роскошным (простых обедов у нас вообще никогда не бывает): масса изысканных яств, напитки и т. д. и т. д. Публика шумела, была по-своему весела и празднично возбуждена. Ели и пили до восьми вечера, а потом пошли играть в карты...

Лучшее впечатление сегодняшнего дня я получил, как всегда, от природы. Когда я проезжал утром по шоссе через дубовую рощу, то восхищённо любовался контрастом красок: на фоне далёких чёрных, вероятно, снежных, туч — бурая

ржавчина не опавшей дубовой листвы. А у подножия дубов ярко блестит на солнышке весёлая нежная зелень молодой пробивающейся травки. Как бы олицетворение зимы, осени и весны. Почему-то припомнилось пушкинское: «и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть»...

Вот видишь, какая у нас зима и какое Рождество! Совсем, совсем не то, что так привычно, так освящено традицией, так мило...

М[лодава], 26 декабря 1915 г.

Я упорно держусь за свою идею (она в самом деле моя идея, ещё со второго курса) нашей собственной лечебницы-клиники. Хочу опять побеседовать с тобой на эту тему; не терпится.

Я не перестаю думать о способах её осуществления и, где представляется возможность, советуясь уже с компетентными людьми. Щастный считает эту идею вполне жизнеспособной, даже потребностью провинции, но не увлекается ею. Когда я несколько дней тому назад возвращался с поездки, провёл вечер в лазарете в В. (я писал тебе об этом), я разговорился со старшим ординатором, земским врачом Полтавской губернии. Он горячо подхватил мою мысль и стал мне доказывать, что в южных губерниях она имеет все шансы на большой успех. Рассказывал мне из своей практики много примеров, когда при всём добром желании нельзя было отправлять пациентов — некуда! Даже рядовые незажиточные крестьяне готовы были платить сравнительно большие деньги, особенно в рабочую пору, чтобы только пристроить больного ребёнка. Коллега считает, что лучше даже с самого начала открыть и терапевтическое отделение. Стоимость оборудования койки в их земстве обходится в среднем в 100 р., если очень хорошо, то в 150 р. И только в самых шикарных, показательных хирургических — в 200 р. Это оборудование, не считая, конечно, наём помещения или постройку больницы.

Итак, если считать по 200 р. и оборудовать для начала коек 30—40, то это обойдётся в 6000—8000 р.! Не так уж много. Конечно, необходимо найти подходящее помещение, и это будет, вероятно, удовольствие довольно дорогое. Но можно себе представить и такой выход: предварительно мы подаём мотивированное прошение в городскую думу что ли, и просим отвести нам бесплатно под больницу землю или подходящее помещение, обязуясь с своей стороны предоставить в бесплатное пользование города часть коек. Можно войти в соглашение с земством об отпуске субсидии для этой же цели. Всё это далеко не так фантастично, как тебе, может быть, покажется с первого взгляда. И ты не смейся. Если бы я мог тебе не писать, а излагать свои соображения устно, я уверен, ты отнеслась бы совершенно серьёзно и не отрицала бы осуществимость проекта.

Я, конечно, ни на миг не забываю, что совершенно необходимы известные предпосылки: серьёзная, нешуточная научная подготовка. Если мы выступим с лёгким научным багажом, если с самого начала ударим лицом в грязь, то, конечно, наша затея быстро погибнет во цвете лет. Поэтому всё это — дело будущего, хотя и не слишком отдалённого. До тех же пор нам необходимо, и мы будем работать!

Зато какие перспективы открываются для нас лично! Даже голова кружится... Прежде всего, мы — хозяйева дела, и от нас зависит весь внутренний распо-

рядок. Никакой Алексеев нам ничего испортить не может. Даже подбор больных в значительной степени будет зависеть от нас. Для тебя можно оборудовать специальную лабораторию, в которой ты будешь заниматься не только очередной работой, но и для себя научной. Каждый из нас изберёт себе какую-либо специальность. Предположим так: нервные и терапевтические — тебе, заразные — мне, а кожные и грудные (может быть, будут со временем и такие, тут уж у меня фантазия разыгралась) — Куте. Постоянно один из нас дежурит дома, другие свободны. Летом, когда мы с тобой путешествуем, остаётся Кутя, и наоборот. У нас двухэтажный особняк. Мы с тобой и ребятами живём наверху, Кутя с женой — внизу. При терапевтическом отделении у нас будет солидная специальная медицинская библиотека, все журналы... Будет лошадь и коляска, на которой будем возить в лес гулять ребятешек!..

Позади дома — чудный сад, немножко запущенный. Вся наша лечебница (как нехорошо звучит слово лечебница!) вообще-то помещается немного за городом — там, где уже начинаются поля. Но сообщение удобно, близко трамвай. Живём мы все ладно и дружно. Ни ссоры, ни перебранки нет ни у нас с Кутей (это немислимо), ни даже его с женой, которую мы видим мало и которая нас почти не касается. Работа идёт у нас интенсивная, но зато и отдых бывает сладок!

Понемногу наше дело ширится. Привлекаются в него новые люди, но уже по нашему выбору, к кому мы присмотрелись. Открывается хирургическое отделение, куда заведовать приглашается известный московский хирург — Николай Иванович Скворцов. Ему положено хорошее жалование, и он с радостью соглашается и стремительно берётся за дело...

Эх! Рука разошлась!!!

М[ладава], 27 декабря 1915 г.

Я снова пишу тебе на хорошей бумаге. Сегодня вернулся из Киева наш **зубодёр** и привёз мне бумаги, конвертов и отрывной календарь. А твоей посылочки всё нет и нет... <...>

Праздники у нас проходят по той же программе, что и сочельник... 25-го, между прочим, к обеду подали фазанов и мороженое из шампанского. Не говорю уже про всё прочее... В тылу имеют, очевидно, слабое понятие о том, как умеют люди устраиваться «на позициях».

М[ладава], 28 декабря 1915 г.

Серый будничный день. На дворе всё та же грязь и слякоть. Ты, может быть, удивляешься, почему я в своих письмах так часто упоминаю о погоде, словно больше не о чем писать. Но ведь погоду не замечать можно в Москве — там, где «гремят витии, кипит словесная борьба», а у нас «во глубине России» — погода фактор, который никак не обойдешь молчанием. Не будь этой мерзопакостной погоды, я бы сегодня поехал в село П., где появился дифтерит. Туда потребовал сыворотку полковой врач, а значит, терапия налажена. Но хотелось бы самому поехать и посмотреть. Вышел на улицу. Ветер рвёт и мечет, не то снег, не то дождь, на земле какая-то бурда, гадость. Посмотрел и вернулся в свою тёплую комнату. Вот уж несколько дней, как я никуда не ездил. Читаю статьи Зелинско-

го¹ и погружаюсь мысленно в античный мир. Там так много светлой красоты. Там так далёк от переживаний настоящего... Неоднократно при чтении я горько сожалею, что не могу прочесть тебе особенно блестящие страницы. Утешаюсь будущим. <...>

Сговорился со старым писарем казачьей сотни. Он взялся за бакшиш привести в порядок всю мою канцелярию. Я один всё равно никак не выпутаюсь из всей этой сети предписаний, приказов, уведомлений, объявлений и т. д. Обещал взяться за дело после праздников. Я торжествую. Бросил все книжки и документы в сторону и читаю себе на свободе то, что хочется. Дела запущены, но на душе стало легко. Вот видишь, какой я легкомысленный.

М[лодава], 29 декабря 1915 г.

День без писем. Только Р.В. продолжают приходить аккуратно, обычно на 6-й день. <...> Я же тебе вчера послал 300 р. денег. Могу тебе сообщить, что кроме этого у меня здесь имеются две облигации последнего займа по 100 р. каждая. Как видишь, мы с тобой богатеем не по дням, а по часам! Если дело так пойдёт дальше, то скоро нам некуда будет деньги девать. <...>

На что нам подписаться в наступающем году? Не знаю, что даёт «Практическая медицина». Если приложения хорошие и интересные, то ты, конечно, подпишешься. На «Медицинское обозрение» я уже просил тебя подписаться для меня. Может быть, это зря, но хочется хоть какой-нибудь журнальчик медицинский получать и здесь, а то окончательно плесенью покроешься. «Солнце России», кажется, в новом году не даёт никаких приложений. Тогда, конечно, не стоит и подписываться. Этим, если не ошибаюсь, и исчерпывается список возможных абонементов. Ведь на какой-либо из толстых беллетристических журналов ты едва ли захочешь подписаться — нет времени читать и едва ли стоит... «Голос минувшего», к сожалению, приходится отвергнуть по той же причине недостатка времени.

Я, Шурочка, всё-таки подписался ещё на один журнал, который ты и будешь получать в Москве, на «Природу». Я думаю, что ты не останешься недовольна. Найдётся у тебя и достаточно времени, чтобы заглянуть в его коротенькие статьи. Журнал очень симпатичный. Здесь его получает **Матвеев**, у которого я и познакомился с ним. <...> Это мой рождественский подарок тебе. Себе я тоже сделал подарок, который ты тоже должна будешь получить. Он в будущем, когда у нас будет больше времени, заинтересует и тебя. Что это — ты увидишь.

М[лодава], 30 декабря 1915 г.

Поразило меня твоё столкновение с Алексеевым. Ведь он, несомненно, считает тебя добросовестным и полезным работником, иначе на стал бы тебя удерживать в больнице, да и Тимоша² не имел бы в проекте оставлять тебя у себя ас-

¹ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) — видный филолог-классик, профессор.

² Краснобаев Тимофей Петрович (1865–1952) — один из основоположников отечественной детской хирургии, заведующий хирургическом отделением Морозовской детской больницы на протяжении полувека, с её основания. Ал.Ив. считала, что это отделение в больнице «всего научнее поставлено» (письмо 17 марта 1916 г.).

систенткой. И всё-таки этот человек позволяет себе такие грубые выходки. <...> Неужели это только одно замоскворецкое купеческое самодурство? <...>

Вчера был день свадьбы родителей. Написал им. <...> У нас новость: небольшой мороз! А днём даже валил снег. Мы в сумерках пошли с Матвеевым гулять в ближайший лесок. Вернулись уже при луне. В лесу так дивно хорошо!

Всех своих солдат отпустил на спектакль, который здесь организовался. Исполнители — нижние чины. Режиссёр — Барченков. Кажется, со скрипкой должен выступать и Катович. Боюсь, что не окажется в состоянии. Он исчез с утра — боюсь повторения Дубно...

31 декабря 1915 г. Последний день старого года. Нехороший он, и всё-таки с ним связаны отдельные чудные воспоминания. 1914-й дал нам Нагу, 1915-й — Киев... Что даст нам наступающий 1916-й? Будем верить, что он даст нам, прежде всего, мир. Остальное приложится...

Я только что вернулся из Р[овно]. Поехали мы туда утром на автомобиле с Матвеевым. Он хотел зайти в лабораторию Земского союза, а у меня собственно не было никаких дел. Тридцать вёрст по шоссе проехали в какой-нибудь миг — в 35 минут! Странно чувствуешь себя в городе, хотя бы уездном, после нашей глуши. С любопытством и удовольствием заглядываешь в витрины, рассматриваешь публику, обедаешь в ресторане. Мы, конечно, первым делом шлялись по магазинам. Я ухитрился купить три банки Эйнемовского варенья, один фунт «Золотой ярлык»¹ и Абрикосовский пат.

В двух писчебумажных магазинах было по несколько книг современных авторов. Так и тут я успел забрать целых пять томов! Долго думал, чего бы ещё купить, но так и не додумался. К великому сожалению, оказалось, что мне ничего не нужно, что я всем обеспечен. Матвеев проделал приблизительно ту же программу — он из такой же породы.

Обедали в ресторане, хотя и провинциальном, но всё-таки... Затем перед отъездом пили кофе в варшавской цукерне. Как видишь, удовольствия самого невинного свойства.

Врача земской лаборатории мы не застали, так что с этой стороны наша поездка оказалась безрезультатной. Поехали домой очень довольные. <...> Вот какие мы ещё молодые!

В 8 часов надо будет пойти на спектакль. То есть самый спектакль начнётся только в девять. Предварительно же перед сценой за столиками будет предложен чай. Как тебе это нравится? А вы себе в Москве думаете, что мы чуть ли не в землянках гниём! Нет, у нас умеют устраиваться...

Спектаклем только откроется цикл удовольствий, предстоящих нам вплоть до завтрашнего будущего года. Впрочем, далее программа, вероятно, обычная...

Писем не было никаких. Это и не удивительно, ведь праздники! Небольшой мороз, так градуса в два, всё ещё, к удивлению, держится. Поля и крыши посыпаны свежим сахарным песком. Катович вчера не оправдал моих ожиданий. Впрочем, если не вчера, то, вероятно, сегодня...

¹ Кондитерская фабрика товарищества «Эйнем», основанная Фердинандом Теодором фон Эйнемом, с 1908 г. производила десертный шоколад «Золотой ярлык», с 1922 г. фабрика носит название «Красный Октябрь».